

СУММА ПСИХОАНАЛИЗА

Том XIX

ПРЕДИСЛОВИЕ

В данном томе серии электронных книг «Сумма психоанализа» представлены статьи российских исследователей, опубликованные в конце XX - начале XXI века.

Пользуясь благоприятной возможностью выражаю благодарность А.Е.Иванову за оказанное техническое содействие.

Виктор Овчаренко

СОДЕРЖАНИЕ

Мазин В.А.	Переводы Фрейда	4
Белкин А.И.	О современном подходе к учению З.Фрейда	19
Решетников М.М.	Методологическое значение классификации, понятий нормы и патологии	22
Алейникова Т.В.	Суперпозиционный подход к методам психоаналитического исследования и психотерапии	31
Алейникова Т.В.	Мета-модель быстрого психоанализа и быстрой психокоррекции при суперпозиционном психоаналитико-психотерапевтическом подходе	48
Решетников М.М.	Психоанализ без интерпретаций?	53
Нарицын Н.Н.	О человеческой сексуальности. Как всё начиналось...	67
Алейникова Т.В.	Психоанализ, психофизиологический тип личности и вопросы сексуальности	80
Рождественский Д. С.	Иллюзия и рождение реальности	86
Старовойтов В.В.	Проблема эмоциональной привязанности: психоаналитический взгляд	89
Обухов Я.Л.	Отто Кернберг о психоанализе и религии	97
Литвинов А.В.	Пауль Федерн (к 195-летию со дня рождения)	103
Мелетинский Е.М.	Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов	106
Токарев С.А.	Фрейдизм в этнографии	116
Решетников М.М.	Психотерапия - как концепция и как профессия	134
Овчаренко В.И.	Как дело наше отзовется?	145

Переводы Фрейда

В.А.Мазин

Заглавие это, «Переводы Фрейда», конечно же, включает в себе возможность разночтений. Как минимум, оно подразумевает два противоположных перевода в пределах одного языка: с одной стороны, речь может идти о переводах, сделанных Фрейдом, а с другой, — о переводах работ самого Фрейда на другие языки. В свою очередь, когда говорится о переводах, сделанных Фрейдом, то и здесь появляется две разные возможности прочтения: с одной стороны, можно представить себе, что речь пойдет о переводах Фрейдом с других языков, с другой, — о концептуальных переводах, являющихся неотъемлемой частью психоаналитической системы. Итак, уже «Переводы Фрейда» намекают нам на неоднозначный и сложно-составной характер как проблемы перевода, так и понятия «перевод». Когда речь заходит о «русском Фрейде», то неизбежно столкновение с рядом дополнительных проблем: во-первых, с отсутствием «полного Фрейда»; во-вторых, с точкой зрения, что и «этого» достаточно; в-третьих, — с существующей уверенностью, что «большая часть Фрейда» уже переведена, что вот-вот — и дело будет завершено, и перед нами предстанет, наконец, по крайней мере «малое собрание сочинений Фрейда» (1).

Переводы и речь о таковых подобно аналитическим конструкциям, неисчерпаемы. Сознвая это, лишь пунктирными линиями попытаемся наметить пробелы, проблемы и возможные перспективы переводов Фрейда.

I. Переводы Фрейда: Фрейд — переводчик.

---

¹ В качестве примера можно привести издание, предпринятое «Алетейей», которое редакция называет «малым собранием сочинений». Впрочем, странно то, что над пятью лекциями о психоанализе и десятью статьями по методике и технике психоанализа значится *Gesammelte Werke, Band 1*, то есть «собрание сочинений, том 1», но ни в одном из немецкоязычных изданий подобного рода сборник не выходил как первый том собрания сочинений. Впрочем, научный характер данного издания ставится под сомнение (и все это еще до чтения собственно переводов) тем, что статей на самом деле не десять, а тринадцать: в содержании пропущены: «Что ждет в будущем психоаналитическую терапию» (с. 91), «О введении в лечение» (с. 112), «О динамике перенесения» (с. 163). Далее, слово «перенесение» вместо уже общепринятого «переноса» заставляет усомниться в том, что на самом деле была, как это указано, сделана редакция текстов в 1997 году. Сомнения в том, что действительно предпринят, наконец, труд по научному изданию «собрания сочинений Фрейда», усугубляются отсутствием имен переводчиков (впрочем, понятно, что издание это — очередной репринт, очередной «перенос» издания 1920-х гг.), отсутствием оригинального названия работ, указанием года их написания и/или появления в свет и отсутствием каких-либо комментариев. То же самое касается и остальных «томов» данного «собрания сочинений», необходимость появления которых, впрочем, не вызывает никакого сомнения.

Переводческую деятельность Фрейда можно считать одним из истоков психоанализа, одной из линий множественной детерминированности [berdeterminienmg]. В 1880 году, проходя военную службу, Фрейд переводит четыре статьи английского философа, экономиста и логика Джона Стюарта Милля, о котором говорит, что тот «был, вероятно, человеком столетия, более чем кто-либо иной свободным от власти обывательских предрассудков». (2). Фрейд сам станет человеком столетия, следующего столетия, человеком, предложившим психоаналитический метод в качестве просвещенческого инструмента избавления от иллюзий. Кроме того, по меньшей мере три особенности сочинений Милля не могли не затронуть Фрейда — позитивизм, детерминизм и обращение к платоновской системе.

В конце 1880-х — начале 1890-х гг. Фрейд переводит лекции Жана Мартена Шарко и Ипполита Бернгейма. Благодаря работе над переводом Шарко, он становится фактически его сотрудником, его последователем, попадает в его окружение: «Как-то до меня дошли жалобы Шарко по поводу того, что с начала войны он ничего не слышал от немецкого переводчика его лекций, и что было бы хорошо, если бы кто-то взялся за перевод его «Новых лекций» на немецкий. Я написал ему, предложил свои услуги; я до сих пор помню фразу из его письма, что, мол, у меня лишь *l'aphasie motrice*, а не *l'aphasie sensorielle du franais*. Шарко принял мое предложение, я был допущен в круг лично с ним знакомых, и с этих пор был посвящен во все дела Клиники». (3). Впрочем, важно не просто вхождение в определенный круг людей и идей, но и тот факт, что Фрейд пишет к своим переводам введения и комментарии, которые по сути дела можно считать его самыми ранними разработками в области неврозов. Он делает свой выбор, он отказывается от той традиции, которой принадлежит и переходит в другую школу: в предисловии к книге Шарко Фрейд пишет, что он следует (отныне) не за немецкими врачами, объясняющими возникновение симптомов органической причиной, а за врачами французскими, исповедующими психологическую этиологию нервных расстройств.

Не останавливаясь подробно на взаимоотношениях Фрейда с переводимыми им текстами, обратимся к совершенно иной истории с переводом, которая случится значительно позже. Речь идет об истории с ошибочным переводом, который приведет к ошибочным умозаключениям, к установлению ошибочных ассоциативных связей. (4). Ошибку в переводе допустит не Фрейд, но Фрейд не откажется от наверняка известной ему

---

² Практически все это письмо Марте от 15 ноября 1883 г. посвящено Миллю (Фрейд 3. 1994, с.88)

³ Freud S. 1925. S. 44

⁴ Здесь, конечно, стоило бы заняться рассмотрением вопроса, а могут ли вообще ассоциации быть ошибочными? Ведь ошибочными они могут быть только в режиме формальной логики сознания, но при этом утрачивают свой статус ассоциаций, в той или иной мере ассоциаций свободных. Короче говоря: либо ошибочные, либо ассоциации.

ошибки. (5). В 1910 году выходит «Детское воспоминание Леонардо да Винчи». Как известно, одним из наиболее действенных литературных источников, к которым обращается Фрейд во время работы над «Леонардо», был роман Д. С. Мережковского «Воскресшие боги. Леонардо да Винчи» (1903). Перевод итальянского *libro* из леонардовского «Кодекса» (Codex Atlanticus) на русский язык у Мережковского безошибочен — коршун; однако при переводе на немецкий «русско-итальянский» коршун превращается не в Milan'a, а в Geier'аб, то есть в грифа, что позволяет Фрейду установить непосредственную связь с египетской богиней Мут («мать», *mutter*), имя которой писалось читавшимся как «мут» иероглифом коршуна и, соответственно — связь с фантазиями Леонардо да Винчи. (6).

В 1923 году, если не раньше, Фрейду на эту ошибку указали, после того, как вышла статья Эрика Маклагана «Леонардо в приемной доктора» (7), но Фрейд ее не признал, то есть, можно сказать, отказался видеть. Можно предположить, что не признал, потому что был аффективно привязан к этой своей книге, не признали, таким образом, перевел книгу в галлюцинаторный режим вымысла, не признал в угоду принципу удовольствия, не признал, проявив, тем самым, способность суждения отказывать чему-либо в существовании, (8). Не признал потому, что дорожил ей как фетишем, который, за счет отказа признать реальность отсутствия, позволяет избежать виртуальной кастрации. «Леонардо», таким образом, как полагает Алан Басе, фетишизируется и демонстрирует то присутствие, которое необходимо для того, чтобы совладать с невыносимостью отсутствия. (9). Здесь мы сталкиваемся с близостью психоаналитических конструкций бредовым построениям, о чем, собственно говоря, сам Фрейд и писал: «Бредовые образования больных представляются мне эквивалентами конструкций, которые мы строим в аналитическом лечении». (10). Красота истолкования оказывается дороже его — всегда уже гипотетической в мире фантазий, художественного вымысла, психической реальности — истины.

Так или иначе, а говоря о Фрейде как о переводчике в узком смысле слова, о переводчике с английского, французского на немецкий, не так уж просто согласиться с восторгами Джонса, мол, «Фрейд обладал особым даром переводчика. Вместо утомительной расшифровки с чужого языка идиом и всего прочего он читал отрывок, закрывал книгу и обдумывал, как бы смог выразить те же самые мысли немецкий писатель,— метод не очень

---

⁵ Здесь, конечно, возникает еще один вопрос: можем ли мы назвать ошибку известной, если ей отказывают в существовании, если действует защита отказа [*Verleugnung*]?

⁶ *Geier* и в двухтомном словаре подред. А. А. Лепинга и Н. П. Страховой, 1962, - по-прежнему *коршун*, и в трехтомном словаре издания 1998 года — коршун.

⁷ Eric MacLagan «Leonardo in the Consulting Room» (Burlington Magazine, Jan. 1923).

⁸ См. Фрейд З. (1925) «Об отрицании».

⁹ Bass A. 1985, pp.136-137.

¹⁰ Фрейд З. 1937, с. 58.

распространенный среди переводчиков». (11). То есть, с одной стороны, мы получаем очередное указание на эйдетический характер памяти Фрейда, на способность моментальной вербализации визуального, на, «без утомительной расшифровки», межсемиотический перевод, как сказал бы Якобсон, а, с другой,— на метафорический характер фрейдовского перевода, на парадигматическое замещение одного сообщения другим. Смещающий же характер перевода, перевода, опять таки, как мог бы сказать Якобсон, по смежности, проявится в другом — в концептуальной системе психоанализа в целом.

И хотя Фрейда едва ли можно считать образцовым переводчиком в узком смысле слова, если, конечно, не придерживаться мнения, что основная его задача заключается в передаче некоего сообщения, то в связи с переводом вообще, с переводом в широком смысле слова он занимает в истории весьма значимое место: «Фрейда следует причислить к крупнейшим в мире теоретикам перевода». (12).

II. Переводы Фрейда: перевод в психоаналитической системе

Теория перевода, герменевтической интерпретации наиболее подробно изложена в «Толковании сновидений». В начале главы VI «Работа сновидения» (13). Фрейд пишет:

«Сновидные мысли и содержание сновидений лежат перед нами как два изображения [Darstellungen] одного и того же содержания на двух различных языках, или, вернее говоря, содержание сновидения представляется нам переносом [bertragung] сновидных мыслей в другой способ выражения [Ausdruckweise], знаки и законы соединения [Fgungsgesetze] которого мы сможем понять, сравнив оригинал с переводом [bersetzung]». (14).

Сравнивая наш перевод с переводом М. К. («Мысли и содержания предстают передними как два изображения одного и того же содержания на двух различных языках, или, вернее говоря, содержание сновидения представляется нам переводом мыслей на другой язык, знаки и правила которого мы должны изучить путем сравнения оригинала и этого перевода» (15), мы должны признать, что второй, возможно, является более

---

¹¹ Джонс Э. 1954, с. 45

¹² Mahony P. 1987, p. VII.

¹³ «Работа сновидения» представляется нам более адекватным переводом «Die Traumarbeit», чем «Деятельность сновидений» в переводе М. К. 1913 года не только в силу буквальной точности, но и ввиду того, что «работа» в режиме фрейдовской экономической метафоры в целом является важным составным элементом серии понятий: психическая переработка [*psychische Verarbeit-ung*], проработка [*Durcharbeitung*], вторичная переработка [*sekundre Be-arbeitung*], работа печали [*Tmuerarbeit*], работа смерти [*Todesarbeit*], работа остроумия [*Witzarbeit*].

¹⁴ Freud S. 1900. S. 284.

¹⁵ Фрейд З. 1900, с. 232.

благозвучным, однако, в первой части предложения Фрейд все же говорит о переносе сновидных мыслей на другой план, в другую систему выражения, а не «просто» о переводе с языка на язык. Более того, собственно процесс психической трансляции сновидных мыслей обозначен как перенос (хотя, конечно, его можно перевести и как перевод), в то время как результат этой трансляции — перевод. Бессознательно, возможно, имеет место сближение и одновременное различие понятий перевод (с языка на язык) и, как вариант перевода, перенос сновидных мыслей. В русском переводе М. К. это сближение и различие переноса и перевода исчезает. Возможно, что в данном случае Фрейд отождествляет понятия переноса и перевода, использует эти слова как синонимы, но именно в синонимии и происходит сличение и различие.

Через предложение Фрейд уточняет, с какого именно языка осуществляется перевод-перенос — с образного языка, с языка картин, с языка предметных представлений, (16) с иероглифического языка, с того, который сочетает представления предметные и представления словесные: «Содержание сновидения представлено как бы языком образов [Bilderschrift], отдельные знаки которого должны быть переведены на язык сновидных мыслей [in die Sprache der Traumgedanken zu übertragen sind]». (17).

Речь идет не о простой метафоре, то есть не просто о переносном смысле, а стало быть, уже о переводе. Отношение Фрейда к происхождению языков, к филологии вообще и к египетской филологии в частности служит неотъемлемым атрибутом познания работы бессознательного. Не случайно он был уверен в том, что мы бы лучше понимали и переводили язык сновидений, если бы знали больше о развитии языка. Здесь стоит вспомнить о том, что работа филолога Карла Абеля «О контрастном смысле первослов» (1884), в которой рассматривается амбивалентный характер слов египетского языка, произвела в свое время на Фрейда настолько сильное впечатление, что он ее отреферировал «О контрастном смысле первослов», 1910). (18).

---

¹⁶ В переводе М. К. отсутствует указание на то, что в будущем (наиболее определенно с работы «Бессознательное», 1915) в психоаналитической системе станет одним из атрибутов системы бессознательного — на предметные представления. Вот как звучит это место: «Содержание же составлено как бы иероглифами, отдельные знаки которых должны быть переведены на язык мыслей», Фрейд 3., 1900, с. 232. Bilderschrift, разумеется, имеет значение иероглифического письма [hieroglyphische Schrift], однако, Фрейд подчеркивает именно изобразительность, образность содержания сновидений. Важным представляется и то, что Bild, картина оказывается в 1891-ом году, в «К пониманию афазии», связанной не с «внешним» восприятием объекта, не с объект-ассоциациями [Object Associationen], а с элементами словесного представления [Wortvorstellungen] — с образом начертания [Schriftbild], образом считываемым [Lesenbild], звуко-образом [Klangsbild] и моторным образом [Bewegungsbild] (См. Freud S., 1891, S.121)

¹⁷ Freud S. 1900, S. 284.

¹⁸ Abel, K. (1884) *berden Cegensinn der Urworte*; Freud, S. (1910) *berden Cegensinn der Urworte*

Впрочем, свое значение в понимании этиологии различных психических расстройств перевод обретает еще до «Толкования сновидений», по крайней мере, в фундаментальном для психоанализа вопросе о системе памяти и о регистрации мнестических следов. Первый вариант теории записи — «многократную регистрацию» Фрейд описывает в своем письме Флиссу 6-го декабря 1896-го года, где приходит к следующему выводу: «я объясняю особенности психоневрозов тем, что не состоялся перевод какого-либо материала», например, «то, что нам в клинике известно как вытеснение, есть неудавшийся перевод». (19). В «Бессознательном» (1915) он пояснит, что (пере) регистрация эта осуществляется в сфере предметных и словесных представлений. (20).

Нарушение же перевода представлений было описано, как бы парадоксально это ни показалось, еще до их строгого различения в «Бессознательном», в работе «К пониманию афазии» (1891).

Нарушение перевода пиктограмм в идеограммы возможно в трех местах, в связи с чем Фрейд и выделяет три типа афазий (21):

1) афазия первого порядка, или вербальная афазия, возникает в результате нарушения связей [перевода] между отдельными элементами словесного представления, между отдельными его атрибутами (начертанием — кодированием, считыванием — декодированием, звукообразом, моторным образом);

2) афазия второго порядка, или асимволическая афазия, возникает в результате нарушения связей [перевода] между словесным представлением и ассоциациями объекта (тактильными, визуальными, акустическими...) [в будущем — предметным представлением];

3) афазия третьего порядка, или агностическая афазия, возникает в результате нарушения связей [перевода] между ассоциациями объекта [предметным представлением] и объектом.

Короче говоря, афазии возникают как семиологические нарушения кодирования и декодирования либо в пределах знака (афазии первого и второго порядка), либо между знаком и денотатом (афазия третьего порядка). С позиций нарушения перевода могут восприниматься в психоанализе и другие психические феномены. Наиболее очевидной представляется уже возникшая в случае с трансляцией сновидных мыслей со скрытого плана на план выражения синонимия перевода и переноса. Аналогичным образом сближаются перевод и перенос в клинической практике, и речь опять-таки идет об ошибке в процессе установления связи между лицами, в процессе «пере»: перенос на врача происходит не только ввиду точного парадигматического воспроизведения определенных отношений, но и в силу неправильного связыванья [die Übertragung auf den Arzt geschieht durch

---

¹⁹ Freud S. 1954, p. 175.

²⁰ Фрейд З. 1915, с. 190.

²¹ Freud S. 1891, S. 122-123.

falsche Verknüpfung] (22,) то есть, можно сказать, неправильного перевода [falsche Übersetzung].

Как перевод борьбы сил в компромиссное образование воспринимается и симптом. Исходя из чего совершаемая психоаналитиком работа требует обратного перевода, расшифровки сил сопротивления и сил влечения. С семиологической позиции эта же работа может рассматриваться как перевод, восстанавливающий отчужденные в процессе знакового распада означающие.

Разумеется, нельзя не сказать и о необходимости перевода наблюдаемого, будь то сновидение или симптомо-карта пациента, в символический режим, в язык. Перевод в этом смысле предполагает как условие возможности психоанализа, так и условие возможности терапии. Перевод этот связан не просто с чужим языком, но с тем, что является чужим языку (23) — с миром воображаемого, видимого, фантазируемого. Впрочем, осуществлением этого перевода дело не заканчивается, поскольку далее необходим внутриязыковый перевод, перевод с языка дискриптивного на язык теоретический; необходимо осуществить перевод с уровня психологически-описательного на динамический язык метапсихологии. Необходимость этого перевода Фрейд безусловно осознавал:

«Настоящее начало научной деятельности состоит в описании явлений, которые впоследствии группируются, приводятся в порядок и во взаимную связь. Но уже при описании нельзя избежать того, чтобы не прибегнуть при обработке материала к помощи некоторых отвлеченных идей, которые берутся из каких-либо иных источников, находящихся? несомненно, вне нового опыта. Еще необходимее такие идеи, из которых впоследствии развиваются основные понятия науки. <...> Лишь после того как основательно обследована вся область изучаемых явлений, является возможность точно определить ее основные научные понятия и последовательно так изменять их, чтобы можно было применять их в большом объеме и освободить их вполне от противоречий. Тогда окажется своевременной формулировка их в точных определениях. Но прогресс познания не терпит и закоренелости формальных определений [keine Starrheit der Definitionen]». (24).

Осознавая необходимость этого перевода, Фрейд, как мы видим, подозревал и его окончательную невозможность: возможно лишь приближение, даже в пределах «одного» (немецкого) языка. Точность перевода с языка описательного на язык метапсихологический, даже если бы ее можно было достичь, все равно постепенно обретала бы противоречия,

---

²² Фрейд З., 1895, «О психотерапии истерии», с. 88 — данный перевод представляет собой заключительную главу из «Исследований истерии», о чем читателям «Избранных сочинений о клиническом психоанализе» (изд. «Медицина», 1991) остается только догадываться. Опять же, хорошо, что по-русски есть хотя бы эта глава из книги (Cf. Studien ber Hysterie. S.319)

²³ Derrida J., 1980, p. 407

²⁴ Фрейд З. 19156, сс. 124-125

многозначность в силу эволюции языка, эволюции (психоаналитической) теории, «прогресса познания».

Если мы обратимся к «королевской дороге в познании бессознательного», то дорога эта по сути дела заключается в окольном пути перевода, поскольку бессознательное «как таковое» всегда уже остается закрытым для света разума. Переводу подлежат оставленные бессознательными мыслями следы.

Примеров и пояснений можно было бы привести больше чем достаточно в том, какое значение придавал переводу Фрейд. Закончим эту часть наших рассуждений, может быть, самым главным: переводом, обеспечивающим саму возможность существования психоанализа: «Как нам дойти до познания бессознательного? Мы его познаем, разумеется, только как сознательное после того, как оно проделало превращение или переведено в форму, доступную сознанию. Психоаналитическая работа ежедневно дает нам возможность убедиться в том, что такой перевод возможен [solche Übersetzung möglich ist]». (25).

III. Переводы Фрейда: на другие языки

Каждое понятие тщательно продумывалось и подбиралось Фрейдом, прежде чем оно занимало свое место в психоаналитической системе. В дальнейшем оно изменялось, обретало новые значения, скорее приобретало многозначность, чем «освобождалось от противоречий». При переводе же на другие языки психоаналитические понятия неизбежно устанавливают другие ассоциации, другие коннотации, смещают значение, размещают его в другом концептуальном пространстве, и, что не менее психоаналитически важно, обретают другую аффективную окраску.

Перевод Фрейда затрудняется тем, что он пользовался стилистическими особенностями немецкого языка, тем, что он — не «просто ученый», создающий свою картину мира, но литератор, писатель, для которого сгущения и смещения в языке имеют первостепенное значение, для которого акустическая картина [Klangsbild] понятия, опутывающая то или иное слово ассоциативная сеть не менее важны, чем пространство семантическое, устанавливающееся в межпонятийном пространстве, в пробелах между словами. Фрейд был интерпретатором, толкователем текстов (филологических, литературных, археологических, социологических, философских, исторических, библейских и т. д.), толкователем сновидений, толкователем симптомов, толкователем ошибочных действий, фантазий, амнезий, бреда и анекдотов.

Перевод — это всегда уже интерпретация, и этот аспект мы также должны учитывать. (26) «также как на сознание ложится тень

---

²⁵ Фрейд З. 1915а, с. 151.

²⁶ Более того, априорную недостаточность перевода, его неполноту можно считать родиной толкования. «Перевод, как пишет Майкл Молнар, это «текст с двойником в тени

бессознательного, так и каждый перевод содержит в себе толкование.» (См. Молнар М., 1999).

Речь идет о неизбежном искажении [Entstellung], о переводчике как предателе, сказителе и искажителе смысла; всякий раз речь идет о столкновении языков, и межязыковой деформации, о дискурсивных битвах. Показательным примером искажающей работы перевода служит перевод Фрейда на английский язык. (27).

Английский Фрейд отличается от Фрейда немецкого до такой степени, что порой говорят о том, что структурный психоанализ был создан творцом стандартного английского издания Фрейда Джеймсом Стрейчи. (28).

Буквальным примером может служить само понятие структура, которое встречается в «оригинале», но в десятки раз реже, чем в «переводе». Как показывает в своей статье Орнстон, (29) Стрейчи редуцирует целую серию понятий до одного: там, где мы сталкиваемся со структурой, structure, там может быть либо der Aufbau (сооружение), либо der Bau (постройка), либо der ИветЪаи (надстройка), либо die Bildung (образование), либо die Gliederung (организация), либо das Gebaude (строение), либо das Gebilde (творение), либо das Gefuge (устройство), либо die Ordnung (порядок), либо die Struktur (структура), либо der Trdger (несущая конструкция). (30).

Унификация психоаналитических понятий, лишение их двусмысленности приводит к сциентистской стандартизации языка и удаляют от динамичности фрейдовской системы³¹, стремятся к устранению многозначности вопреки тому, что «слово, как узловой пункт различных представлений, являет собой, так сказать, многозначность [VieldeutigkeitJ...». (32).

Наиболее очевидная процедура, осуществленная в процессе перевода Стрейчи — сциентизация, то есть замена слов обыденного языка словами научного жаргона. Предполагается, что волей-неволей Стрейчи, с согласия Фрейда, тем самым, утверждал, устанавливал новое здание в рамках психологии. Можно задаться вопросом, что же во всем этом дурного? — Ничего, однако в данном случае совершенно другой оказывается интенция психоанализа, меняется его адресат. Если Стрейчи было важно утвердить

— прототипом на языке оригинала. Интерпретация появляется как спонтанное порождение из различия между ними.

²⁷ См. Bettelheim В. 1982; Pines М. 1988; Steiner R. 1988; Ornston D.G. 1988; Junker Н. 1988.

²⁸ Юнкер говорит о том, что предпринятый Стрейчи труд породил не перевод Фрейда на английский, но версию Фрейда (Junker Н. 1988, р. 216).

²⁹ Ornston D.G., 1988.

³⁰ Все приведенные в скобках русские варианты — лишь варианты, есть, разумеется, и другие значения. Выбор, конечно же, всякий раз определяется конкретным контекстом. Каждое слово имеет свою ассоциативную сеть, включая и слова «имеет», «свою», «ассоциативную», «сеть».

³¹ Подобная история повторится в пределах «одного» языка с Лаканом, семинары которого будут унифицироваться его наследником Миллером

³² Фрейд З. 1900, с. 280, перевод изменен (Freud S. 1900, S. 342).

психоанализ (и свой труд вместе с ним) в научных кругах, то для Фрейда было важно, как минимум, чтобы его понимали пациенты, отнюдь не обязательно дипломированные в психологии, философии или филологии специалисты, как максимум — распространить свое учение повсеместно.

Чтобы закончить разговор о переводах Фрейда на английский, которые, на первый взгляд, не имеют к нам никакого отношения, приведем два примера. Один пример — едва малозначительной неточности, другой — поразительной ошибки.

Когда речь идет о «малозначительной» неточности, психоаналитик, конечно же, должен быть настороже, поскольку ему должно быть известно, что может стоять за малозначительным и многозначительным, как действует механизм смещения. Итак, Стрейчи переводит сновидение Ирмы в прошедшем времени, хотя оно написано Фрейдом в настоящем. (33).

Меняется ли при этом контекст? Да, причем как раз контекст психоаналитический. Ведь только в настоящем времени может осуществиться желание. Как подчеркивает в «Толковании сновидений» Фрейд, настоящее время — единственное, в котором желание представляется как осуществленное. Во-вторых, только настоящее время может соотноситься с отсутствием времени, точнее с со-временностью времен в бессознательном.

Другой пример показывает, насколько перевод может удалить от принципиального положения. Возможно, лучшим (или правильнее было бы сказать — худшим) в этом смысле оказывается перевод влечения [Trieb] как инстинкта [Instinkt]. Такого рода перевод делает невозможным психоанализ как таковой, невозможным вообще и как теорию, и как практику, и как метод исследования: если цель анализа — анализ влечений как анализ инстинктов, то что же тогда можно сделать, ведь инстинкт по определению — унаследованная стереотипическая реакция, не подлежащая коррекции. В такого рода унаследованную стереотипическую идиому, с которой непонятно, что делать, может превратиться и принадлежащее языку понятие, например, — «стадный инстинкт». И хотя язык с трудом поворачивается, произнося «стадное влечение», все же именно о нем говорил Фрейд в «Массовой психологии и анализе человеческого я»: *der Herdentrieb*.

Мы уделяем такое большое внимание «чужим» проблемам, т. е. проблемам английского перевода в связи с тем, что во время своего возрождения в России психоанализ приходит как огромный корпус литературы, весьма значительная часть которого непосредственно связана с английским языком и с английским переводом Фрейда в частности. Таким образом русский Фрейд начинает звучать в той или иной мере с английским акцентом: так из языка Стрейчи попадают инстинкты и катексисы, парапраксии и анализанды, ид, супер-эго, эго, трансферы... (34).

---

³³ Мы заимствуем этот пример у Патрика Мэхони: Mahony P. 1987, p. 108.

³⁴ Понятно, что английский акцент Стрейчи не предполагает некую изначальную английскость его понятий, которые могут быть заимствованы им из латинского (в

Одним из загадочных примеров может служить вышедшая в 1998-ом году книга под интригующим названием «Основные принципы психоанализа». Оказывается, что речь идет о написанном Фрейдом в 1938-ом году и опубликованном посмертно в 1940-ом «Очерке психоанализа» (*Abriss der Psychoanalyse*). С какого языка сделан перевод, нигде не указано, хотя имена переводчиков «на месте». Прочтем первое (!) предложение из столь же вольно, сколь и «Очерк» озаглавленной работы «Моисей и монотеизм»: «Лишить народ человека, которым он гордится как величайшим из своих сынов, не является делом, предпринимаемым с охотой или легкомыслием, и тем более, если сам являешься представителем этого невроза.» (35). Возникающее недоумение по поводу «представителя невроза» исчезает, если прочитать это место в переводе с немецкого, сделанном Р. Ф. Додельцевым (36), как минимум, за пять лет до этого: «Можно ли легко или охотно усомниться в национальности человека, прославляемого как самого великого из сыновей этой нации, особенно если сам принадлежишь к данному народу?» Здесь мы сталкиваемся с первичной необходимостью — с необходимостью аккуратного перевода работ с немецкого языка с указанием элементарных вещей — названия работы, (37) ее оригинального названия, даты выхода и т. д.

известном смысле языка медицины) или греческого (в известном смысле языка науки и философии вообще).

³⁵ Такого рода нелепых ошибок также можно найти сколько угодно, вполне можно было бы написать юмористический фельетон на ту же тему «Переводы Фрейда». Можно было бы обратиться к переводчику сокращенного тома Джонса (разумеется, на то, что это сокращенная версия трехтомника, по русски — ни слова) В. В. Старовойтову и редактору А. М. Руткевичу с вопросом, что же, в конце концов, такое «пергаментные скульптуры» (с. 112), как же они выглядят? (Фрейд, конечно же, говорит о скульптурах из Пергама, находящихся в берлинском Пергамон-музее.) Впрочем, по числу курьезов и недоразумений, по-видимому, первенствовала бы книга, переведенная с французского Д. Федоровым под редакцией все того же А. Руткевича, в которой психоаналитический (и не только) дискурс подвергся максимальным деформациям (которые могли бы быть легко исправлены, если бы в работе над книгой участвовало хотя бы одно заинтересованное лицо от психоанализа) начиная от зазвучавшего по-французски «человека с волками» и все еще узнаваемой фамилии Флиесс и заканчивая с трудом узнаваемыми «это» вместо «оно» [*dasEs*], «тревожащей известностью» вместо «жуткого» [*das Unheimliche*] и совсем уж абсурдным «мозаическим восстанием» вместо «непокорности Моисея».

³⁶ Здесь же хочется с читательской благодарностью отметить совместный труд Р. Ф. Додельцева с К. М. Долговым, предпринятый по переводу и редакции целого ряда работ Фрейда, помещенных в сборник «Художник и фантазирование» (М.: «Республика», 1995г.

³⁷ В каком-то смысле книги с сюрпризом, в которых читателю нелегко установить, какие именно работы входят в ту или иную книгу, тоже можно приветствовать, но не с обычных читательских, не говоря уже о научных, позиций.

Примеры? — В книге 2-й изд-ва «Мерани» Зигмунд Фрейд «Я и оно» указаны три работы. Первая из них «Очерки по психологии сексуальности». Как известно, у Фрейда работы под таким названием не было. Зато были «Три очерка по теории сексуальности». Но речь идет не просто об изменении названия, а о том, что в содержании не указаны еще пять работ, написанных Фрейдом в разное время: «Нарциссизм», «Особый тип выбора у мужчин», «Об унижении любовной жизни», «Табу девственности», «Инфантильная

Желательно при этом, чтобы перевод был полным. Некоторые издания представляют собой сокращенные — даже если и незначительно — версии, но при этом на пробелы в переводе нет никаких указаний. К сожалению, к таким изданиям относится и русская версия «Толкования сновидений». Стоит ли проанализировать пропущенные места, пытаясь понять, что именно побудило переводчика выбросить тот или иной фрагмент из текста? Относительно понятен случай с примерами, когда из десяти сновидений в немецком издании в русском воспроизводится лишь два, хотя, конечно же, все равно неизбежно возникает вопрос, почему данные сновидения изъяты, почему Фрейду были дороги все примеры, почему переводчик на английский, скажем, или португальский выполнял свою переводческую работу, не цензурируя текст. По-видимому, не случайно, можем мы сказать задним числом [nachtraglich], Фрейд вводит понятие «цензура» из властного дискурса русского царизма. Посмотрим на это место в тексте. На странице 377 посвященный цензуре абзац в переводе М. К. заканчивается словами: «Бред — результат деятельности цензуры; она не дает себе больше труда скрывать эту деятельность и, вместо того, чтобы способствовать переработке, беспощадно выкидывает все, что идет против ее; остающееся и кажется нам непонятным и бессвязным.» (38). А теперь посмотрим на этот абзац у Фрейда. Оказывается, он не заканчивается вышеприведенными словами. Вот его конец: «Цензура эта совершенно аналогична русской цензуре газет на границе, передающей иностранную прессу в руки оберегаемых читателей только после вымарывания из нее отдельных мест.» (39). Ну что ж, это изъятие этого места также можно объяснить, на сей раз политическими мотивами (перевод выходит в 1913-ом году).

Приведем в этом случае третий пример текст-ампутации, на сей раз не поддающейся уже, как кажется, никаким рациональным объяснениям, поскольку речь идет о проясняющей положение дел метафоре. Речь идет о хорошо известном по философским дебатам месте, посвященном «пуповине сновидений [der Nabel des Traums]», которое заканчивается следующей фразой: «Мысли, которые скрываются за сновидением и которые всплывают при его толковании, должны оставаться незавершенными и расходиться во все стороны сетевидного сплетения нашего мышления. Над самой густой частью этой сети и возвышается желание сновидения». (40). Последнее предложение в оригинале содержит метафору, связанную с увлечениями, интересами, времяпрепровождением Фрейда: «Из самой густой части этого сплетения [Aus einer dichteren Stelle dieses Geflechts] произрастает желание

генитальная организация». Примеров можно приводить слишком много, именно поэтому здесь остановимся.

³⁸ Фрейд З. 1900, с. 377.

³⁹ Freud S. 1900, S. 521

⁴⁰ Фрейд З.1900, с. 374. Вот (необязательный) ряд объяснений данной цензуры: переводчик получил задание от издателей по возможности укоротить текст, переводчик уставал к концу каждого абзаца, переводчик не был профессионалом, переводчик страдал аллергией на грибы и т.д.

сновидения, подобно грибу над мицелием [wie der Pilz aus seinem Mycelium].
» (41).

Почему мы так часто обращаемся к переводу «Толкования сновидений», сделанному чуть ли не девяносто лет назад? Проблема заключается в том, что книжный и психоаналитический рынок в России слишком редко пополняется новыми переводами, чаще же всего — переизданиями, что, разумеется, не требует никаких дополнительных финансовых затрат. В 1982-ом году «Толкование сновидений» выходит по-русски в Нью-Йорке (Chalidze Publications) — на авантитуле указано: репринт с издания 1913-го года. В 1991-ом году в Ереване еще раз повторяется тот же репринт. Можно подумать, что издатели таким образом демонстрируют, если не сам перенос, то известную из случая Доры метафору Фрейда.

Мы не призываем, вслед за Лаканом, вернуться «назад к Фрейду», или вслед за Ильзой Грубрих-Симитис «назад к текстам Фрейда». Нет, и только по той причине, что в определенном смысле мы от Фрейда и от его текстов никуда не уходили, мы еще — опять-таки в известной мере — с ними еще и не встречались. Так что, если и предлагать какой-то лозунг, то — «Вперед к Фрейду!», и только потом уже куда-нибудь дальше, куда-нибудь еще. Если и стоит от чего-то уходить, то от традиции отвлеченных размышлений, которыми полны предисловия, послесловия и даже только что вышедшие книги о психоанализе. (42).

Если в советские времена у читателя была еще возможность (и желание) читать между строк, читать в строках, реконтекстуализировать цитаты, то теперь в соответствии со сказочной традицией место перевода занимает пересказ. Основанная на толковании текста, будь то текст в прямом смысле слова (воспоминания Шребера или Леонардо) или в переносном (текст сновидения, фантазии и т. д.), психоаналитическая практика оказывается беспочвенной, лишенной материала для работы.

Что же собственно говоря, можно предложить в связи с призывом «Вперед к Фрейду!»? Во-первых, группа специалистов в области перевода и в области психоанализа могла бы предпринять издание русскоязычного «стандартного Фрейда». Однако, понятно, что стандартизация означает минимализацию эволюционирующего и многозначного характера фрейдовских текстов. С другой стороны, стандартизация могла бы привести к выработке единого русского психоаналитического дискурсивного пространства. В связи с этим, впрочем, возникает другого рода сомнение: а можно ли и возможно ли теперь, в конце века, заниматься созданием некоего метанарратива, Единого Большого Психоаналитического Повествования? Едва ли. И не только потому, что это время уже прошло, но еще и потому что

---

⁴¹ Freud S. 1900,8.517.

⁴² Это «о психоанализе» ставит очень серьезную дискурсивную проблему: насколько можно языком «А» (например, непсихоаналитическим) описать события в языке «Б» (например, психоаналитическом)?

«мультиметодологический подход Фрейда открывает возможность различным прочтениям и интерпретациям» (43,) еще и потому, что разные переводы оказываются в той или иной мере по-разному правильными, как бы парадоксально это не звучало. Совершенного перевода нет, одного перевода нет, истина вне перевода, вне оригинала, она во внеязыко-вом остатке, в идеализации несимволизируемого призрака реальности. (44). Каждый перевод передает тот или иной оттенок, то или иное значение переводимого понятия.

Так что решением проблемы может быть множество переводов, в которых читателю предстоит самому ориентироваться, при условии, конечно, что все эти переводы будут отличаться профессионализмом, как с переводческой, так и с психоаналитической точек зрения.

Другим решением проблемы представляется подготовка комментированных двуязычных изданий. Разделенные на три части (оригинал, русский перевод и комментарии с различными вариантами перевода) развороты этих книг напоминали бы, как о герменевтичности психоанализа, так и о той книге, которая послужила одним из начал психоанализа — о Библии Филиппсона, в связи с которой, возникало бы и представление о каноничности корпуса сочинений Фрейда в подходящем к своему концу 20-м столетии.

Литература:

- Фрейд З. 1895, «О психотерапии истерии», М.: «Медицина», 1991
Фрейд З. 1900 «Толкование сновидений». М.: К-во «Современные проблемы», 1913
Фрейд З. 1915а «Бессознательное»//Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа.»
Фрейд З. 1915б «Влечения и их судьба»//Основные психологические теории в психоанализе. Очерк истории психоанализа. «Алетейя СПб», 1998
Фрейд З. 1925 «Отрицание»//Венера в мехах. М.: РИК «Культура», 1992
Фрейд З. 1937 «Конструкции в анализе»//Основные принципы психоанализа. «Рефл-бук», «Ваклер», 1998
Фрейд З. 1939 «Человек по имени Моисей и монотеистическая религия». М.: «Наука», 1993
Фрейд З, 1882-1886 Письма к невесте. М.: «Московский рабочий», 1994
Freud S. 1891 Zur Auffasungen der Aphasien. Frankfurt am Mem: Vischer Verlag, 1992.

---

⁴³ Junker H., 1988, p. 216.

⁴⁴ Здесь возникает вопрос о невозможности единственно верного, истинного перевода, поскольку истина оказывается вне переноса как такового и вне перевода как *такового*, она — «не представляющее сообщение между оригиналом и переводом, ни даже первичная адекватность оригинала и перевода какому-то объекту или значению вне его. Уж скорее истина — это *чистый язык*, в котором смысл и буквы уже не разъединяются» (Derrida J. 1987, p. 228).

- Freud S. 1895 Studien iiber Hysterie. Frankfurt am Mem: Vischer Verlag, 1991.
- Freud S. 1900 Die Traumdeutung. Frankfurt am Mein: Vischer Verlag, 1996.
- Freud S. 1915a Das Unbewusste. Frankfurt am Mein: Vischer Verlag, 1992.
- Freud S. 1915b Triebe und Tribschicksale. Frankfurt am Mein: Vischer Verlag, 1992.
- Freud S. 1925 Selbstdarstellung. Frankfurt am Mein: Vischer Verlag
- Freud S. 1954 The Origins of Psycho-Analysis. Letters to Wilhelm Fliess, Drafts and Notes: 1887-1902. Ed. By Marie Bonaparte, Anna Freud, Ernst Kris. N.Y.: Basic Books
- Дадун Р. 1994 Фрейд. М.: АО «Х. Г. С.»
- Джонс Э. 1954 Жизнь и творения Зигмунда Фрейда. М.: «Гуманитарий», 1997
- Молнар М. 1999 «Перевод и толкование»//Кабинет Д. СПб: ИНАПресс (в печати)
- Bass A. 1985 «On the history of a mistranslation and the psychoanalytic movement»//Difference and translation. Ithaca and London: Cornell University Press
- Bettelheim B. 1982 Freud and Man's Soul. N. Y.: Vintage Books.
- Derrida J. 1980 La carte postale. P.: Flammarion.
- Derrida J. 1987 «Des tours de Babel» (1980)//Psych. P.: Galile
- Holder A. 1988 «Reservations about the Standard Edition»//Freud in Exile. Psychoanalysis and its Vicissitudes, ed. By Edward Timms amd Naomi Segal. Yale University Press, New Haven and London.
- Junker H. 1988 «On the Difficulties of Retranslating Freud into English: Reading Experiences of a German Analyst»//Freud in Exile. Psychoanalysis and its Vicissitudes, ed. By Edward Timms amd Naomi Segal. Yale University Press, New Haven and London
- Mahony P. 1987 Psychoanalysis and Discourse. L., N. Y.: Tavistock Publications.
- Ornston D.G. 1988 «How Standard is the «Standard Edition» ? »//Freud in Exile. Psychoanalysis and its Vicissitudes, ed. By Edward Timms amd Naomi Segal. Yale University Press, New Haven and London.
- Pines M. 1988 «The Question of Revising the Standart Edition»//Freud in Exile. Psychoanalysis and its Vicissitudes, ed. By Edward Timms amd Naomi Segal. Yale University Press, New Haven and London.
- Steiner R. 1988 «Die Weltmachtstellung des Britischen Reichs»//Freud in Exile. Psychoanalysis and its Vicissitudes, ed. By Edward Timms amd Naomi Segal. Yale University Press, New Haven and London.

Психоаналитический вестник, 1999, № 7

О современном подходе к учению З.Фрейда

А.И.Белкин

Сегодня едва ли, можно отыскать на земле образованного человека, который не слышал бы о психоанализе. Основоположник этого учения австрийский психиатр и психолог Зигмунд Фрейд (1856-1939) в двадцатые годы был весьма популярен и в нашей стране (под редакцией профессора Е. Д. Ермакова тогда вышли на русском языке все его основные работы). Известные советские психологи и психиатры в ряде замечательных исследований развили многие положения Фрейда. Например, А. Р. Лурия, дав обзор «отправных точек», из которых исходит психоанализ, показал его роль как прогрессивной науки о нервно-психической жизни личности. Целостное изучение личности, ее установок, сознательных и бессознательных «комплексов», подчеркивал он, есть дапнейшее развитие тех идей, которые были хорошо известны в России. Они нашли яркое выражение в трудах И.П. Павлова, В. М. Бехтерева, А. Ф. Лазурского, К. Н. Корнилова и других.

Психология бессознательного, по Фрейду, — одно из величайших интеллектуальных достижений человека, казалось бы, прочно вошла не только в медицинскую практику, биологию, но и такие области, как религия, литература, живопись, исследование мифологии. К началу тридцатых годов психоаналитические теории в той или иной форме были усвоены почти всеми интеллектуальными дисциплинами и стали неотъемлемой частью сознания широких кругов советской интеллигенции того времени. Прозрения Фрейда глубочайшим образом осветили такие области гуманитарного знания, как антропология и философия, социология и эстетика.

Западные ученые, рассматривая Зигмунда Фрейда как новатора и открывателя, сравнивали его с Аристотелем, Коперником, Колумбом, Ньютоном, Дарвином. Многие писатели и художники относились к нему с искренним уважением. Среди друзей Фрейда были такие выдающиеся люди, как Томас Манн, Теодор Драйзер, Ромен Роллан, Стефан Цвейг, Герберт Уэллс, Альберт Эйнштейн, Райнер Мария Рилько.

Без преувеличения можно сказать, что учение Фрейда стало стимулом в развитии разных сфер человеческого знания, неистощимым источником научного и культурного новаторства. Учение Фрейда стимулировало новый подход ко многим конкретным проблемам науки (поведенческая медицина, нейробиология, психиатрическая эндокринология, этнография, индивид и общество и другие). Но этим его значение не ограничивается. Труды Фрейда дали ключ к пониманию причин живучести многих стереотипов мышления.

Фрейд исследовал процессы социализации личности и такие фундаментальные явления, как гуманизм и свобода. Иными словами, фрейдизм при всех его противоречиях и ошибках дал импульс новым областям знаний.

Вряд ли в наши дни кто-либо сомневается в важности психоанализа, роли подсознательной сферы человека, необходимости познать себя и других, умении отойти от догм и шаблонов, реализовать свое Я.

Однако возникает вопрос: почему с начала тридцатых годов у нас резко падает издание психоаналитических работ, а те, что выходят в свет, как правило, содержат уже не предисловие маститого ученого, а обезличенные ремарки «от издательства», в которых говорится, что психоанализ «обнаружил свою идеалистическую, глубоко буржуазную, реакционную природу» или представляет «по своей социальной природе типичную мелкобуржуазную теорию»? Серьезная критика подменяется «навешиванием» ярлыков, искажением концепций, тенденциозной и односторонней трактовкой заключений Фрейда, выдергиванием цитат. Далее следует уже полное гонение на психоанализ. Попытки использовать психоаналитический метод для лечения больных преследуются репрессиями. Достаточно вспомнить замечательного советского ученого профессора И.С. Сумбаева, наказанного по административной линии лишь за то, что он использовал для лечения больных гомосексуализмом.

Чем объяснить, что начиная с 1931-1933 гг. психоанализ начал подвергаться запрету? Почему в нашей стране издание трудов Фрейда и других серьезных психоаналитиков было фактически закрыто на многие годы якобы во имя гуманных мотивов - «не допустить проникновения чужой идеологии»?

В это же время (май 1933 г.) в другой европейской стране на одной из церемоний сожжения книг, когда очередь дошла до трудов Фрейда, Геббельс торжественно произнес, что предает эти произведения пламени «во имя благородства человеческого духа».

Был вычеркнут огромный пласт культуры, связанный с раскрытием существа психоаналитического учения Фрейда, его подхода к изучению глубин человеческой личности; отвергнута гипотеза о победе разума над животными инстинктами человека, что не позволило понять происхождение страха, ситуацию опасности и психической беспомощности человека перед слепой верой в непогрешимость и мудрость властей предрежащих. «Инстинктивное знание угрожающих извне опасностей, по-видимому, не присуще от рождения человеку или же врожденно в очень незначительных размерах», - писал Зигмунд Фрейд в работе «Страх».

Только после XX съезда начали робко оживать исследования по психоанализу. Оказалось, что наша страна отстала во многих областях, связанных с изучением психологии человека, что в мире учение о подсознательном ушло далеко вперед. И пока мы занимались критикой работ Фрейда, западный мир развил многие рациональные стороны его учения. Более того, выяснилось, что подсознательная сфера - огромный источник

резервов человеческой психики, что, отказавшись от ее серьезного и широкого изучения, мы не только лишили сотни и тысячи больных медицинской помощи, но и снизили работоспособность целых поколений людей творческого труда.

Хотел бы, чтобы меня правильно поняли. Я не ратую за огульный перенос философских концепций, разработанных на Западе, на нашу почву. Хочу лишь подчеркнуть, что негативное отношение к Фрейду до середины пятидесятых годов, некоторое оживление исследований и вновь 20-летний застой серьезно затормозили работы наших ученых в этой области. Совещание по вопросам идеологической борьбы с современным фрейдизмом состоялось при Президиуме АМН СССР в 1958 г., после чего в советской литературе появилось много работ, которые содержали давно устаревшие стереотипы по обвинению Фрейда в идеалистических трактовках бессознательного, пытались доказывать вред применения психоанализа на практике, хотя ни один автор подобных строк не провел сам ни одного сеанса психоанализа. Но тот, кто знаком с психоаналитическим методом, знает, сколь принципиально требование психоанализа «не навредить», и исповедовать правду, не боясь кому-то не понравиться.

Сила фрейдизма в «будоражении» мысли, в поиске истины, которая не является чем-то застывшим, догматическим. Теперь, когда открылись широкие возможности для развития науки о человеке, наши специалисты в области психологии личности почему-то замолчали.

Выздороветь всегда труднее, чем заболеть. Однако для выздоровления, как отдельного человека, так и общества в целом надо преодолеть внутреннее сопротивление, превозмочь страх, признаться в своих ошибках, понять: откуда они происходят, вытащить их на уровень сознания. И не только вытащить, но и понять их генезис.

Вот почему сегодня, как мне представляется, учение Зигмунда Фрейда требует новых подходов с точки зрения последних достижений биологического, естественнонаучного и гуманитарного знания.

Недавно редакция получила письмо из Франции от известных ученых - Леона Шертока, крупного специалиста по психосоматической медицине, теоретика гипноза и психоанализа (его книги «Гипноз», «Непознанное в психике человека» издана в СССР), химика и философа Изабель Стенгерс, соавтора лауреата Нобелевской премии Илъя Пригожина по книге, названной в русском переводе «Порядок из хаоса». Письмо Леона Шертока и Изабель Стенгерс, равно как и ответ профессора А. Белкина, публикуется с сокращениями, ибо ряд интересных положений, высказанных авторами, требует от читателя специальной научной подготовки.

Литературная газета, 1 ноября 1989 г.
Психоаналитический вестник, 2002, № 10

Методологическое значение классификации, понятий нормы и патологии⁴⁵

М.М.Решетников

...Супервизор: Как мне кажется, в целом терапия идет успешно.

У вас есть какие-то проблемы?

Супервизант: Я никак не могу поставить диагноз.

Супервизор: А зачем Вам диагноз?

Дорогие коллеги и друзья!

Я благодарю вас за приглашение выступить перед уважаемой аудиторией, и хотел бы поделиться некоторыми идеями, которые большинству из вас, скорее всего, хорошо знакомы, и не являются новыми. Скорее наоборот – они (применительно к опрометчиво заявленной теме доклада) - старые. В этом докладе я больше задаю вопросов, чем отвечаю на них, и заранее прошу меня извинить.

Я, отчасти умышленно, не буду апеллировать к работам современников. Они, безусловно, существенно расширили наши представления, но некоторые проблемы сохранились, практически, в их классически-проблемном звучании.

Еще Эмиль Крепелин ровно 100 лет тому назад⁴⁶ отмечал, что «психиатру часто то в шутку, то всерьез делается упрек, что он всех людей считает душевнобольными». И далее автор пишет: «Везде, где мы пытаемся провести границу между душевным здоровьем и болезнью, мы наталкиваемся на промежуточную область, в которой совершенно незаметно происходит переход от нормы к выраженным душевным расстройствам»⁴⁷. При этом Крепелин особо подчеркивает, что те или иные формы таких отклонений (в зависимости от обстоятельств их проявления) могут оцениваться с

---

⁴⁵ Причиной подготовки этого доклада явилась реальная ситуация, вынесенная в эпиграф. Доклад был впервые сделан на конференции «Актуальные проблемы клинической психологии и психотерапии в условиях современной культуры» (Институт Бехтерева, 28.02.2001), где, неожиданно для меня, вызвал позитивный отклик неаналитической аудитории. Другим поводом для размышлений на эту тему была моя попытка инициировать на XIII съезде психиатров (2000) обсуждение некоторых кризисных проблем в современной психиатрии. Эта попытка была «пресечена» авторитетным заявлением председательствующего, что никаких кризисных явлений у нас нет. Единственным специалистом, кто публично поддержал мое предложение была профессор Т.Б.Дмитриева, которой автор выражает свою искреннюю благодарность (также как и всем тем, кто не смог сделать этого открыто, но считал своим долгом сказать или написать мне об этом).

⁴⁶ 4 ноября 1900 года Э. Крепелин (E. Kraepelin) завершил предисловие к своему «Введению в психиатрическую клинику», 3-е издание которого в 1923 году под редакцией П. Ганнушкина вышло на русском языке.

⁴⁷ Крепелин Э. Введение в психиатрическую клинику, -М.: МЗО, 1923. с. 210.

различных точек зрения, что делает проблематичным однозначность суждений о том - где кончается норма, а где начинается патология. Более того: многообразие одновременно присутствующих у одной и той же личности здоровых проявлений и различных отклонений - делает этот вопрос практически не разрешимым.

Фактически, и об этом также пишет Крепелин, однозначное толкование проблемы психопатологии предполагается только в одном случае: когда человек попадает в руки психиатра и при столкновении с законом...

В последующем именно эти идеи и проблемы явились основой появления пограничной психиатрии. Но была ли разрешена проблема?

Можем ли мы сейчас, в начале XXI века, сказать, что здесь что-то существенно изменилось за прошедшие сто лет?.. У меня нет категоричного ответа на этот вопрос.

Для наших дальнейших рассуждений будет целесообразно напомнить, что именно Крепелин ввел понятие «симптомокомплексов» и придал им некую иерархичность, одновременно считая, что тип (или «уровень патологичности») симптомокомплекса определяется степенью разрушения или сохранности психических функций. Это также существенно, так как Крепелин (по сути) проводит параллель между «типом» и «уровнем патологичности». Я думаю, большинство легко улавливает различие между этими двумя терминами, но вряд ли большинство специалистов с той же легкостью согласится с допускаемым в этой фразе тезисом, что психические заболевания отличаются не этиологически или патогенетически и даже нозологически, а лишь «по уровню патологичности».

Эта проблема занимает значительное место в работах и другого классика - Карла Яспера, в 1913 году представившим диссертационное исследование под ныне хорошо известным названием «Общая психопатология»⁴⁸. В этой работе, наряду с огромным количеством ценных наблюдений и бесценных идей, автор отмечает: «С клинической точки зрения очень важно уметь распознать необычное»⁴⁹ (имеется в виду в психике). Здесь сразу возникает вопрос: зачем, может быть для более успешной терапии? Оказывается, вовсе нет. Ясперс дает предельно точный ответ, что речь идет исключительно об исследовательской, а не терапевтической задаче⁵⁰.

Следует отметить, что труды классиков современной психиатрии, как и абсолютного большинства их последователей, имеют отчетливую и характерную особенность: из 1021 страницы «Общей психопатологии» на методы терапии отведено менее 100, во «Введении в психиатрическую клинику» Крепелина: из 458 - менее 20. Не странно ли, что мы с такой тщательностью описываем психопатологию, и, по сути, лишь упоминаем методы лечения?

---

⁴⁸ В полном объеме «Общая психопатология» вышла в России только в 1997 году - М.: Практика.

⁴⁹ Ясперс К. Общая психопатология. - М.: Практика, 1997. с. 38.

⁵⁰ Там же -стр. 38.

Вернемся к симптомокомплексам Крепелина, а фактически - к современной (пусть и с многочисленными пересмотрами, исправлениями и уточнениями) классификации психических болезней. Полемизируя с ее автором, Ясперс отмечает, что «симптомокомплексы пока не удастся объяснить в терминах причинности»⁵¹, то есть – это не патогенетическая классификация, как считал Крепелин. В более поздних переизданиях, апеллируя к работам Карла Шнайдера (1942), Ясперс констатирует, что эти «комплексы ...не наблюдаются, а дедуцируются теоретически. Их существование гипотетично»⁵²

В другом месте автор «...Психопатологии» еще более откровенен, отмечая, что методу Крепелина «присущ элемент художественности»⁵³. Тем не менее – художественный метод каким-то образом оказался имплицитным в естественнонаучную (медицинскую) концепцию. Для этого, безусловно, были определенные причины, частично также вскрытые Ясперсом: «Установленные категории, - пишет он, - оказались весьма удобны; под них удавалось так или иначе «подогнать» любые наблюдения»⁵⁴.

Это положение также хорошо известно специалистам, хотя постепенно забывается. Но, при критическом взгляде, достаточно очевидно, что наша специальность (считающаяся естественнонаучной дисциплиной), исходно строилась на гипотетических основаниях или, во всяком случае - на гуманитарных концепциях, не имеющих строго научного обоснования. Если быть еще более точным - на одной единственной гуманитарной концепции, положения которой были «канонизированы» в последующем. Последнее положение - прямо или косвенно - признается практически всеми психиатрами. Тем более, что все попытки найти хоть какие-то биохимические, психофизиологические или инфекционные этиопатогенетические факторы окончились неудачей.

В результате мы имеем сугубо описательную психиатрию. Хорошо это или плохо? Может быть так и должно быть? Может быть действительно мы имеем дело с эпи-феноменом и нам стоило бы оставить или хотя бы критически пересмотреть наши взгляды, которые все еще (даже в последних изданиях) апеллируют к рефлекторной теории и неким мозговым механизмам?

Как бы мы не ответили на этот вопрос, в целом, мы могли бы констатировать, что методология формирования основ современной психиатрии отчасти сравнима с критическим творчеством в литературоведении, где также описываются различные типы героев, или с выделением психологических типов в родственной области знаний - в психологии, что, собственно, не удивительно, если напомнить, что Крепелин был учеником В.Вундта.

---

⁵¹ Там же - стр. 707.

⁵² Там же - стр. 710.

⁵³ Там же - стр. 1010.

⁵⁴* Там же - стр. 1012.

Но есть и существенная разница, о которой не часто вспоминается: в отличие от сангвиников и холериков, интровертов и экстравертов - любым типажам, подпадающим под классификацию Крепелина, законодательно разрешено назначать лечение, к том числе - медикаментозное и прочее, включая еще недавно распространенный электро- или инсулиновый шок. При отсутствии реальных объяснений психопатологии в «терминах причинности» - можем ли мы говорить о какой либо-патогенетической терапии? А если нет, то не является ли эта терапия экспериментальной? Это еще один вопрос, не имеющий однозначного ответа.

Здесь представляется целесообразным очень осторожно сформулировать еще несколько идей, точнее вопросов, которые кажутся мне актуальными.

Принимая за основу классификацию Крепелина (другого выхода пока нет, и я вовсе не ратую за ее отмену), следует признать (и, надеюсь, никто не будет возражать), что заболевание не состоит из симптомов или синдромов. Симптомы и синдромы - являются производными или свойствами болезни, но не ее составляющими частями, и производитель свойств (то есть - собственно психопатология) не сводим(а) к их совокупности.

Я попробую предельно обострить эту идею: значительная часть наших диагнозов носит не синдромологический, а симптоматический характер: депрессия, маниакальное состояние, ипохондрия, паранойя... Обозначаемые этими терминами явления примерно того же порядка, что и лихорадка, диарея, кашель и т. д., которые могут наблюдаться при огромном множестве заболеваний. И лечить только лихорадку или диарею, скажем, при туберкулезе, холере или ВИЧ-инфекции – это нонсенс. Но – за исключением немногочисленных психотерапевтических отделений - это пока почти обычная практика. Преимущественно симптоматическая ориентация нашей терапии также признается практически всеми специалистами. А что дальше - какие перспективы, почему это положение не меняется уже сто лет?..

Мне представляется, что определенную негативную роль здесь сыграла эпоха и умонастроения того периода, когда осуществлялась интеграция психиатрии в медицину. Новая область знаний должна была институироваться только с собственной нозологией и, в соответствии с духом времени – только на основе естественнонаучной методологии. Приняв естественнонаучную парадигму в качестве основной (можно сказать – единственной) и постулировав клиническую классификацию как этиопатогенетическую (для которой пока просто не найдено соответствующих морфологических и биохимических коррелятов), психиатрия начала постепенно отдаляться от лежавших в ее основе гуманитарных концепций (то есть – гипотез) о психике и, в результате, ...с этой точки зрения... - оказалась вне-концептуальной.

Хотя, именно эти – гуманитарные (философские) - концепции и составляли (пусть гипотетическую, но -) хоть какую-то «анатомию» и «физиологию» психики. Я надеюсь, никто не будет возражать, что практически все классики психиатрии были отчасти философами. Мы - скорее прагматики, но лучше ли это?...

Несмотря на уже давно практически общепризнанную абсурдность идеи, что мозг вырабатывает мысли или эмоции также, как печень желчь или островковый аппарат инсулин, на практике (- заглянем в самые современные учебники) эта идея живет и побеждает. Здесь как бы существует некое негласное и недекларируемое соглашение, что мысли и эмоции, во всяком случае – патологические, таки вырабатываются мозгом, и именно на него нужно воздействовать некими химическими веществами в интересах лечения и коррекции психических феноменологий.

На первый взгляд, мы уже давно разделили понятия «организм» и «психика». Тем не менее, еще нередко депрессия или мания воспринимаются как такие же признаки организменного нездоровья, как температура или повышение давления..., при которых нужно назначать какие-то химические вещества. А многие психические феномены все еще воспринимаются с предельным анатомизмом и физиологизмом.

Даже в более гуманитарно мыслящей психологии память, внимание, мышление и эмоции излагаются так, словно речь идет о строении (скажем, по типу сердца: вот левый желудочек, вот правый, вот клапаны: но ведь никому не приходит в голову сказать, что сердце состоит из систол и диастол?).

У меня имеется также (неоднократно подтверждавшееся) подозрение, что когда мы говорим о психосоматических отношениях, мы имеем в виду любую ткань, кроме мозговой. Может быть нам стоило бы сделать допущение, что в отношении психики - мозг – это такая же сома, как и любая другая ткань, хотя, возможно, и более значимая?

Ведь и здесь существуют те же самые психосоматические реакции: переживаемые реально эмоции гнева и страха вызывают повышение продукции адреналина, а введение адреналина даже при отсутствии внешнего (психического) побуждения приводит к соответствующей модификации эмоционального фона и поведения...

Наши языковые штампы нередко подводят нас, и возможно, обманчивы. Мы совершенно спокойно говорим о том, что человек думает головным мозгом. Но мы же не говорим, что он ходит спинным мозгом, лишь оттого, что основные двигательные импульсы замыкаются на этом уровне.

* * *

Заслуга Крепелина неоспорима, и никто не ставит ее под сомнение. Он впервые систематизировал психопатологические симптомы и синдромы, но не болезни. Его систематика позволила накопить огромный фактологический материал, распознавать различные формы течения и давать клинический прогноз, но эта классификация практически никак не прояснила вопросы этиологии и патогенеза, а, следовательно – не дала ключа к эффективной терапии (как это произошло в других областях медицины). Может быть мы пошли не тем путем?

* * *

Несколько слов о психотерапии и психоанализе... Я позволю себе напомнить уважаемой аудитории, что в начале XX века впервые появились и начали играть все более значительную роль индивидуально психологические подходы к психиатрии. Особенно ярко эта тенденция проявилась в первой половине XX века в общемировом интересе к психоанализу, где - по сути - объединялись психологические и психиатрические подходы на основе теории развития и психической травмы, то есть - психогенеза (в России эти подходы – вне психотерапевтической среды - только начинают приобретать популярность).

В 1903-1910 года Е. Блейлер и К. Юнг в Цюрихе провели проверку психоаналитической теории на материале душевнобольных, в частности - путем анализа их галлюцинаций, сновидений и бреда. И «в целом ряде случаев удалось отыскать смысл там, где при поверхностном анализе все казалось абсолютной бессмыслицей»⁵⁵. В 1907 году Юнг публикует работу «О содержании психоза», где обосновывает, что все проявления болезни строго детерминированы переживаниями пациента, предшествующими психозу⁵⁶. Как представляется, эти идеи были забыты, и лишь сейчас они вновь звучали в работах Хаймона Спотница и ряда других авторов, активно внедряющих методы аналитической терапии у психотиков. И с позитивными результатами.

В целом, как мне кажется, можно было бы признать, что по мере развития психиатрии, с одной стороны – гуманитарная нозология Крепелина, как уже упоминалось, все более канонизировалась в качестве естественнонаучной, с другой - точные границы психических заболеваний становились все более расплывчатыми, а схемы лечения – все более «фармаколизировались».

И одновременно (в преподавании психиатрии и ее методических подходах) все менее акцентировалось внимание на том, что те или иные психические нарушения представляют собой неспецифические реакции, которые отчасти обусловлены психической конституцией личности и которые могут появиться или не появиться в зависимости от наличия или отсутствия острых или хронических психотравмирующих, эндогенных или экзогенных, подчас - действующих в совокупности и крайне сложно дифференцируемых патогенетических факторов. Факторов – по своей природе и содержанию – психических. Возможна ли сколько-нибудь эффективная терапия без применения адекватных природе и содержанию этих нарушений методов? То есть - без методов, непосредственно апеллирующих к психике? Этот тезис не отрицает успехи психофармакологии. Она также нужна, но в комплексе с психотерапией.

Выделение психотерапии в качестве суб-специальности, как представляется, во многом определялось, с одной стороны, социальным запросом, а с другой

---

⁵⁵ Bleuler. Freudsche Mechanismen in der Symptomatologie von Psychosen. Psychoatr.-Neuroplog. Wochenschr., 1906 (Цит. по Каннабих Ю. История психиатрии. - М.: ЦТР. - 1994. С. 463).

⁵⁶ Там же - стр. 464.

– отношением самих психиатров к весьма специфической системе приоритетов: в частности - ориентацией на преимущественно психическое или – большей частью изолированное - психофармакологическое воздействие...

При этом характерно, что количество представителей психотерапевтического направления в мировой психиатрии росло резко опережающими темпами. И одновременно существенно увеличивалась роль и значение психотерапевта в психиатрической клинике. Именно поэтому в абсолютном большинстве западных стран количество психотерапевтов примерно в 7 раз больше, чем психиатров (у нас пока – с точностью – наоборот). Мы признаем эту проблему, но преимущественно - как кадровую. А может быть она, все-таки, методологическая?...

Ежегодно мы тратим миллионы долларов на закупки и производство фармпрепаратов. Почему бы хотя бы часть этих средств не направить на подготовку и переподготовку психотерапевтов? Не ошибаемся ли мы, рассматривая психофармакологию в качестве одного из магистральных направлений развития психиатрической науки и практики? С чем связано интенсивное развитие психофармакологии - с ее реальными успехами или все-таки с нашей методологией? Чем объяснить появление публикаций, анализирующих модификацию психопатологии под влиянием фармакотерапии? Почему модификацию?..

За последние два года я несколько раз встречал в публикациях и выступлениях специалистов одну и ту же идею. Но затем обнаружил, что она была сформулирована еще в 1912 году психиатром Гохе⁵⁷, который отмечал, что этиологические факторы в психиатрии, внешние или внутренние, являются только побуждающими, которые приводят в действие уже имеющиеся механизмы, возможно, связанные с конституциональными особенностями конкретного пациента, а возможно, присутствующие в любой психике (включая здоровую⁵⁸). Поэтому, границы между синдромами столь неотчетливы, а пытаться строго дифференцировать их, по образному выражению уже упомянутого Гохе, это то же самое, что «рассчитывать на просветление мутной жидкости, непрерывно переливая ее из одного сосуда в другой». Я позволю себе привести еще одну ключевую идею Гохе: поиск раз и навсегда установленных процессов, однородных по этиологии, течению и исходу - это погоня за фантомом.

Не является ли такой же погоней за фантомом разработка «целевых» препаратов для фармакологической терапии конкретных форм психических расстройств? Медикаментозное лечение, безусловно, должно и может играть в психиатрии определенную, но, как представляется, лишь вспомогательную и весьма неспецифическую роль.

В своих вопросах я пытался обосновать, что вопросы классификации, нозологии, нормы и патологии имеют не узко медицинское, а широкое

---

⁵⁷ Hoche. Die Bedeutung der Symptomenkomplexe in der Psychiatrie. Z. f. d. ges. N. u P. Bd. 12, 1912 (Цит. по Каннабих Ю. История психиатрии. - М.: ЦТР. - 1994. С. 470).

⁵⁸ Фактически, именно эта идея была сформулирована ранее в психоанализе.

методологическое значение, определяющее ряд важнейших проблем, включая экономические, в частности, например, размеры инвестиций в психофармакологию и их соотношение с инвестициями в подготовку и переподготовку специалистов.

Было бы неверно не признать, что фармакотерапия позволяет облегчить страдания пациентов, образно говоря «подавить» или «снизить остроту» проблемы. Некоторые авторы констатируют⁵⁹, что все более широкое применение нейротропных средств главным образом сказалось в области борьбы с психомоторным возбуждением, и качественно изменило облик психиатрических отделений. Врачам и сестрам, безусловно, стало легче. Но легче ли пациентам? Нет ли в этом подходе определенной аналогии с обезболиванием при серьезных, иногда - множественных переломах в качестве основного вида терапии? С последующей надеждой, что «авось срастется»... Возможно ли вообще химическое решение психических проблем? Нет ли здесь чрезмерного материализма?

Еще несколько слов о таком ключевом понятии, как норма. В целом, понятие норма описывается как некий усредненный член определенного ряда, с которым сравнивают другие члены – это общепризнанный и предельно математизированный подход. Он хорошо работает там, где есть опосредованные измерения (рост, вес, давление и, соответственно – сантиметры, килограммы и т.д.). Но у нас нет мер, которыми мы могли бы измерять психику. Наши понятия нормы носят описательный характер, и нередко мы определяем ее через противоположное: «патологии нет», следовательно – есть норма, что методически не очень корректно. Многим известен такой термин, как «узнавание диагноза». Причем, оценка эта всегда глубоко индивидуальна: один психиатр может сказать, что здесь «нашего» нет, а другой – может с ним не согласиться. И в результате - один врач назначит медикаментозное лечение, а другой нет. При этом мы хорошо знаем, что психофармакология вышла далеко за границы психиатрической клиники. Существует ли эта проблема? Часто ли мы вспоминаем о том, что среди побочных эффектов многих препаратов присутствует практически вся психопатология? ...

В психологии аномальность обычно связывается с поведением, отклоняющимся от принятого в конкретном обществе. На первый взгляд, абсолютно верный подход. Но при более глубоком анализе, мы не можем не увидеть, что здесь психическая норма идентифицируется с определенным социальным конформизмом.

Вы знаете, что я резко отрицательно оцениваю раздутый прессой вопрос о так называемой «карательной психиатрии», словно у нас не было никакой другой. Но, как это не странно, именно этот – психологический подход – к проблеме нормы и патологии долгое время был одним из основных в советской психиатрии (что позволяло в отдельных случаях держать «за хроников» всех неконформистов, типа гомосексуалов и диссидентов).

---

⁵⁹ Например, Сметанников П.Г., Психиатрия, СПб., 1995, с. 4)

Два слова о психоанализе. В психоанализе, как известно, здоровье определяется не с точки зрения нормы или патологии, а в терминах интеграции (Эго) и свободы от конфликта. А терапия каждого случая ведется с учетом общей концепции развития и на основе детальнейшего изучения индивидуального развития конкретной личности, ее психо- и (пользуясь привычной терминологией) индивидуального патогенеза.

Во многом аналогичные подходы используются в психотерапии по В.Н.Мясищеву, в личностно-ориентированной (реконструктивной) психотерапии Карвасарского Б.Д., Исуриной Г.Л., Ташлыкова В.А.

Краеугольным камнем здесь является положение о том, что случаев, столько же, сколько пациентов, поэтому особое внимание уделяется не идентификации случая, не нозологии, а конкретной (индивидуально обусловленной) феноменологии, терапевтической технике и закономерностям самого терапевтического процесса. Я вначале упоминал, что в классических учебниках психиатрии – на лечение отводится не более 10% объема. В психотерапии – наоборот – 90%. Это отличие случайно или нуждается в самостоятельном изучении?

Я вовсе не хочу сказать, что психодинамические – это самые лучшие методы психотерапии. Но в них есть хоть какая-то концепция, хоть какие-то представления об «анатомии» и «физиологии» психики, хоть какая-то система координат, позволяющая не обрекать терапевта и пациента на бесконечное и нередко бессмысленное блуждание в бескоординатном пространстве, когда оба участника процесса не знают – куда и зачем они идут?

Сейчас в психотерапии мы наблюдаем безудержное творчество, особенно – в части касающейся методов. Но метод – это всегда производное от концепции или от теории. Методов все больше, ...новых теорий - нет. Более того, некоторые теории становятся исчезающими, а другие - можно было бы определить как «однодневки». И здесь как раз очень уместен наш медицинский консерватизм. - Так как любая теория в отношении психики – является гипотетической, всегда уместно спросить: а сколько существует эта теория, имеет ли она достаточно убедительное обоснование, работает ли она и подтверждается ли практикой?

Я еще раз повторю, что в моем докладе вовсе не предлагается отказаться от классификации психических расстройств (я стараюсь избегать термин «болезни»).

Здесь также нет призыва отказаться от применения психофармакологических средств. Но мы всегда были и будем против их необоснованного назначения, изолированного и бесконтрольного применения. То есть - без систематической, патогенетически ориентированной и концептуально разработанной психотерапии.

Я также еще раз хочу повторить, что это пока не анализ проблемы, а анализ перечня наличных проблем. Вероятно, далеко не всех.

Благодарю вас за внимание.

Суперпозиционный подход к методам психоаналитического исследования и психотерапии

Т.В.Алейникова

В сложных жизненных ситуациях для коррекции своего эмоционального состояния и поведения многие люди нуждаются в помощи психоаналитика и психотерапевта.

При наличии подходов и методов классического психоанализа З.Фрейда [8-12], которые могут использоваться не только в целях диагностики состояния человека, но и в целях его терапии, не последнее место занимают и методики транзактного и сценарного анализа Э.Берна [2], а также техники гештальт-подхода Фр.Перлза [5] и методы психотренинга (Х.Сильва [6]) и нейролингвистического программирования - НЛП (Р.Бендлер и Дж.Гриндер [1] и др.).

При постановке проблемы можно выделять общие принципы, объединяющие различные подходы, можно, напротив, фиксировать свое внимание на различиях. Все зависит от руководящей (ведущей) идеи. Надо думать, что главное – это полезный результат. А поэтому, на наш взгляд следует использовать любой подход, который оказывается наиболее эффективным в данной конкретной ситуации при работе с конкретным пациентом. При том в ряде случаев оказывается возможным совмещение нескольких подходов. Мы прежде называли такой метод работы эклектическим, сейчас называем суперпозиционным, т.к. происходит не смешение методов, а скорее наложение их друг на друга. Томэ и Кэхеле [7] предлагают говорить о конвергенции (схождении, сближении) различных способов анализа и терапии.

Использование классического аналитического метода З.Фрейда с исследованием переноса, толкованием сновидений (с учетом и архетипической символики Юнга [13, 14], и с применением метода “спицы колеса” Р.Джонсона [3]) и построением цепей ассоциаций с последующим их анализом помогает (по Фрейду) вскрыть “динамическую травму”. В ряде случаев этого оказывается достаточно, чтобы избавиться от нее. Однако, это происходит, к сожалению, отнюдь не всегда (а чаще всего – у людей сангво-холерической типологии).

То же относится и к транзактному анализу Берна, который можно использовать и в целях терапии для коррекции и даже переделки сценария, после того как будут выяснены ролевые позиции партнеров по общению (и, возможно, по психологическим играм), т.е. будут определены жизненные

сценарии, которые складываются в результате родительского программирования отношения к себе (“Я+” или “Я-”), к ближнему окружению (“Вы+” или “Вы-”) и к дальнему окружению (“Они+” или “Они-”). Не составляет исключения и гештальт-подход, позволяющий в анализе определить «фигуру» и «фон», а в терапии (если это нужно) поменять их местами, добившись передоминирования мотивации.

Таким образом, психоанализ позволяет прежде всего человеку самому понять проблемы, лежащие в собственном подсознании и, осознав их, увидеть возможные пути к их решению (не исключено, что с помощью психоаналитика, который, следовательно приобретает также функции психотерапевта).

Надо сказать, что психотерапевтический эффект в немалой степени зависит от психофизиологической типологии пациента. Поэтому весьма желательно, используя современные методы, предварительно или параллельно с психоаналитическим обследованием провести психофизиологическое обследование личности пациента и уже на базе полученных результатов приступать к использованию необходимых психотерапевтических методик. В качестве психофизиологических тестов следует использовать тесты Айзенка на интро-экстраверсию и нейротизм, Стреляу на силу возбуждения, торможения, их уравновешенность и подвижность, Спилбергера – Ханина на личностную и ситуативную (реактивную) тревожность, Леонгарда – Шмишека на акцентуации характера, Люшера на выявление эмоционально-характерологического базиса личности и нюансов ее актуального состояния. Кроме того, оказалось полезным исследовать межполушарные отношения для выявления профиля функциональной межполушарной асимметрии, что, как оказалось играет важную роль в психофизической типологии человека (Кураев) и в выборе оптимальной локализации «якорей» при использовании техник НЛП (Алейникова).

Одним из важных методов психоанализа является исследование и толкование сновидений, которые, с одной стороны, являются “физиологической фистулой” для оттока накопившегося эмоционального напряжения, неотреагированного в состоянии бодрствования, а с другой, - «королевской дорогой к бессознательному» (З.Фрейд), туда, где локализуются глубинные чувства, связанные в основном с сексуальным и агрессивным инстинктами, которым были присвоены мифологические имена – Эрос и Танатос. Психоанализ сновидений можно использовать для диагностики особенностей личности. При этом оказывается возможным судить и о текущем состоянии организма, отражающемся в картинах сновидений открытым текстом либо в символах, которые могут быть расшифрованы с помощью собственных ассоциаций сновидца либо при использовании психоаналитической символики Фрейда и архетипических символов Юнга. Анализ сновидений, “вскрывая” бессознательное, довольно часто, наряду с мотивами сексуальными, обнаруживает и агрессивные мотивы поведения, что может быть связано как с агрессивной ориентацией личности, так и с деструктивной ее организацией (Фрейд, Шпильрейн). Стрессогенные факторы являются

провоцирующими генерацию деструктивных и агрессивных мотивов сновидений.

Известно, что различные виды агрессивных, сексуальных и прогностических медицинских и психологических сновидений связаны с быстроволновым парадоксальным REM-сном (Азеринский, Клейтман), сопровождающимся вегетативной бурей, которая приводит к активации желез внутренней секреции (особенно гипофиза, гонад, надпочечников и щитовидной железы). Отсюда и возникновение сексуальных сновидений, сновидений ужасов, и агрессивных сновидений в том числе.

Такие агрессивные и деструктивные сновидения можно разделить на три группы (Алейникова): I - агрессия сновидца направлена во вне; II - агрессия сновидца направлена на себя; III - агрессия направлена извне на сновидца.

I группа представлена двумя типами сновидений: 1 - явная направленность агрессии во вне, на других субъектов (или на объекты); 2 - неявная направленность агрессии во вне, когда имеет место "перенос" своего агрессивного состояния на другого субъекта (или на какой-либо объект).

Примеры: I. 1: Сновидение женщины, которая во сне, обидевшись на любимого ею человека, вгрызается ему в горло. Проснувшись в ужасе от содеянного, долго переживает это сновидение. Во время анализа у нее возникает ассоциация с очень большой любовью, которая у нее выражается таким невероятным образом, поскольку она – человек крайнего проявления холерического темперамента с выраженной, хотя и вытесненной, агрессивностью.

I. 2: Сновидение девушки, которая видит лезущих на нее серых крыс с красными (агрессия) глазами, но ей не страшно, а лишь противно. Крысы, по ее ассоциации, - это люди. Красные глаза – это ее агрессия, перенесенная на других. Она действительно весьма агрессивна, и это один из мотивов, заставивших ее обратиться к психоаналитику.

II группа также представлена двумя типами сновидений: 1 – явная направленность собственной агрессии на себя, т.е. четкое проявление деструктивных мотивов; 2 – доминирование мазохистических мотивов при невыраженной агрессии, приводящее, однако, также к деструктивности психологического состояния.

Примеры: II. 1: Сновидение женщины, агрессивно к себе относящейся и убивающей себя в сновидении, так как она, по ее убеждению, настолько плоха, что жить не должна.

II. 2: Сновидение девушки (считающей себя глубоко несчастной и относящей себя к жизненным неудачникам), сводящееся к безболезненному разрушению ее тела и сопровождающееся ощущением, что так и должно быть, ибо потом из ее органов может быть возникнет что-либо более удачное (перекликается с идеями С.Шпильрейн).

В III группе, как и в первых двух, различаются два типа сновидений: 1 – агрессия, направленная извне на сновидца, вызывает болезненные ощущения (что может быть связано с соматическим недомоганием, провоцирующим это сновидение); 2 – агрессия, направленная извне на сновидца, не вызывает

болезненных ощущений (что, вероятно, связано исключительно с психологическим дискомфортом).

Примеры: Ш. 1: Сновидение женщины, которая ощущает во сне, что ее убили, она почувствовала боль, остановку сердца, потерю сознания (т.е. был сердечный приступ, спровоцировавший картину сновидения).

Ш. 2: Повторяющееся сновидение женщины (впервые появившееся в детстве), в котором волки рвут ее на части, откусывая руки и ноги, течет кровь, но боли нет. Здесь не исключено влияние детских сказок, однако, потом, став взрослой, она продолжает периодически видеть этот сон. Эта женщина психологически деструктивна, несправедливо считает себя некрасивой настолько, что ощущает необходимость замены своих неудачно сконструированных частей тела на что-то более привлекательное. При психоанализе этого навязчивого сновидения, по методу “Спицы колеса” (Джонсон), среди различных ассоциаций со словом “волк” (“серый” - “злой” - “семеро козлят” и, наконец, - “санитар леса”) ею выделена последняя - “санитар леса”, который должен выбросить “плохие” части ее тела, чтобы могли появиться новые, более красивые.

Картины сновидений, естественно, отражают и конституционные особенности организма, и психофизиологические черты личности, и состояние доминирующей мотивации, и характер фрустрации, и, в частности, большую или меньшую выраженность садомазохистского комплекса.

Для проникновения в глубины подсознания можно также использовать технику “сновидений наяву” по методу кататимного переживания образов, разработанного Х. Лейнером [4]. При этом так же, как и в естественном сновидении, с помощью символики архетипической и индивидуальной (а возможно и открытым текстом) “вскрытое” подсознание выдает информацию, позволяющую судить об особенностях структуры личности анализанта, о его “динамической травме”, а также о его текущем физиологическом и эмоциональном состоянии.

Примеры: 1 - В “сновидении наяву” в символах обнаружился высокий уровень притязаний человека, перманентно побуждавший его к конфликтам.

2 - Девушка увидела четко лицо незнакомого мужчины, пытавшегося ее изнасиловать (до сеанса КПО она не могла его вспоминать – образ был вытеснен).

3 - Молодая женщина в “сновидении наяву” ушла с луга в лес, где превратилась в хищного и страшного (как ей казалось) зверя, и человеческий облик смогла восстановить только с помощью аналитика. После сеанса она по собственному желанию нарисовала этого зверя и подписала “Death”, пояснив, что так она представляет Смерть и что это была ее смерть. Медицинское обследование, проведенное вскоре после сеанса, обнаружило у нее рак прямой кишки.

4 - Молодая женщина в состоянии психологической дезадаптации с частыми депрессиями в “сновидении наяву” оказалась на лугу, который был очень маленьким и со всех сторон был окружен пустотой, а сверху эта пустота образовала плотный купол, через который невозможно было никуда

проникнуть. И хотя аналитик предлагал ей разные способы покинуть этот луг, она не соглашалась, т.к. была убеждена, что “там будет то же самое”.

Разбор и расшифровку сновидений, по Фрейдю, можно начинать с любого места, и при этом сновидение не обязательно представлено связанными между собой событиями, это могут быть разрозненные эпизоды без общей сюжетной линии (не исключено, что имевшая место связь была утрачена при воспоминании сновидения). Однако, бывают и сложные, объемные сновидения с неоднозначной трактовкой символов, а вернее – с множественной трактовкой, когда подходит много значений и, таким образом, в одном образе (символе) оказываются отраженными несколько событий.

В качестве такого примера можно рассмотреть следующее сновидение. Это сновидение 50-летней достаточно благополучной женщины, имеющей мужа, взрослых детей, внуков, а также вполне удовлетворяющую ее работу, так что с позиции стороннего наблюдателя у нее отсутствуют проблемы, которые тем не менее выявились в сновидении. Итак, ей снится, что она едет то ли на велосипеде, то ли на мотоцикле, но, как оказалось, на мотороллере, причем сидит она на втором месте, но при этом ведет машину. Машину несет на кучу лежащих у дороги (рядом с ее домом) арбузов. Она представляет, как сейчас врежется в эти арбузы, как они лопнут с треском, как из них брызнет сок, как поднимут скандал продавцы арбузов, и ей с трудом удастся остановить мотороллер. У нее ощущение, что она едет давно, что по дороге было много таких арбузных куч, что она уже и здесь проезжала, что она колесит по кругу (но в сновидении этого она не видела, по крайней мере, после пробуждения не помнила). Остановив мотороллер, она с него встает, опираясь на правую ногу. На ногах у нее тапочки без задников с закрытыми носами, темно-зеленого (болотного) цвета, старые, затертые с тигровым, почти стершимся рисунком. Когда она, вставая с мотороллера и опираясь на правую ногу, поднимает левую, то с левой ноги слетает тапочка, которая, как оказалось, мала. Она ее и не пытается надеть, тем более, что из кучи арбузов носками вверх торчат без всякой системы такие же, но более добротные, тапочки. Здесь есть и парные тапочки, и распарованные. Рядом с арбузами, справа от сновидицы, стоит мужчина, лицо которого она четко увидела и запомнила, он в азиатском белом шелковом халате и в белой чалме. А впереди от нее – еще то ли двое, то ли трое мужчин (число их меняется), они расплывчаты, ускользают от внимания, на них то ли летние рубашки, то ли майки (образы неустойчивы). Сновидица знает, что все тапочки, торчащие из арбузов – ее собственные и она может их брать по своему усмотрению. Но когда она пытается это сделать, “азиат” затевает скандал и пытается ей помешать, остальные мужчины за нее заступаются. Она спорит с ним, доказывая свое право распорядиться этой обувью. По мере спора его одежда меняется: на нем уже темная затертая дубленка и такая же шапка. При поддержке остальных (то ли двух, то ли трех) мужчин сновидица берет левую тапочку, которую она выбрала – достаточно добротную и почти новую, но когда она

ее надевает, то обнаруживает, что тапочка ей велика, и понимает, что не оставит ее себе. На этом месте сон (или память о сне) обрывается.

Расшифровывать это сновидение можно с самого начала, с мотороллера, можно с середины – с символики арбузов, можно с события, произошедшего накануне, – столкновение на работе с человеком, лицо которого она отчетливо увидела и с которым спорила. Дело в том, что мы вспоминаем и излагаем сновидение последовательно, а видим часто параллельно события и образы. И сновидица сразу видела и арбузы с тапками, и “пасущих” их мужчин, и в это же время ощущала себя несущейся на мотороллере прямо на арбузную кучу (которая, кстати, действительно с середины августа по октябрь каждый год лежит перед ее домом).

Но начнем расшифровку сновидения с логически начального эпизода.

Итак, поездка верхом (велосипед, мотоцикл, мотороллер), да еще по кругу: с одной стороны, это может символизировать сексуальность, с другой – обыденную жизнь (“белка в колесе”).

Мотороллер: в значительной степени, это отражение прежних событий – первый муж (он умер около 20 лет назад) возил ее на мотороллере. Этот брак был счастливым – супруги очень любили друг друга. И до сих пор его место не занято – она по-прежнему сидит сзади, на втором месте. В семье муж был лидером, он ее вел по жизни и управлял ею (и мотороллером). Теперь, когда его нет, она вынуждена сама управлять, как может, но это трудно (ее несет на арбузы).

Арбузы: по символике – это беременность. Но в ее возрасте это ей не грозит, да и не нужно – есть дети, внуки. На предложение дать ассоциацию к слову “беременность” она отвечает упавшим голосом: “обремененность”. У нее действительно много забот и на работе, и дома. На вопрос, почему она так не любит арбузы, что бессознательно хочет в них врезаться и предвкушает их уничтожение, она возражает, говоря, что она ведь очень старалась остановить мотороллер и ей это удалось, хотя она действительно к арбузам равнодушна и даже более того – они вызывают у нее чувство отталкивания, т.к. с ними сопряжено ощущение холода, приторности и липкости. Таким образом, на сознательном уровне она удержалась от повреждения нелюбимых арбузов (опасаясь, кстати, наказания), а на бессознательном, эмоционально она пережила их разрушение. Далее, на вопрос, с кем из людей могут ассоциироваться арбузы, она ответила, что с мужем, т.к. ему они рекомендованы по состоянию здоровья, поэтому осенью покупается много арбузов, которые лежат на полу в комнате, о которые все время спотыкаешься, словом они ей мешают. Эмоциональное отношение к мужу – он раздражает, он сентиментальный, нудный, вязкий – «арбузы приторные, липкие». Отношения с мужем довольно отстраненные – «арбузы холодные». Муж все время болеет, она озабочена его лечением, поисками лекарств – она все-таки удержала мотороллер, чтобы арбузы уцелели. Но оказалось, что это еще не все. И законная символика, связанная с беременностью, постепенно выявилась в ассоциациях по типу “спицы колеса”. Появилась ассоциативно еще одна фигура – женщина, забеременевшая и недавно родившая ребенка от

мужчины, с которым сновидицу в прошлом, не так давно, связывали близкие отношения. И хотя на сознательном уровне она относилась к этому эпизоду совершенно спокойно и разумно, на бессознательном, естественно, хотела бы прервать эту беременность – «разбить эти арбузы».

Обувь: это символика замужества (в “Золушке” на фоне ненастоящих кареты, кучера, платья и т.д. только хрустальные башмачки были настоящими и обеспечили Золушке королевскую свадьбу). У сновидицы на ногах старые, заношенные тапочки – знак того, что ее давний второй брак с большим нудным мужем фактически не сулит ничего радостного. Правая «правильная» тапочка (сновидица - правша) символизирует ее отношение к мужу. Несмотря ни на что, она с ним остается (считая его очень интеллектуальным и порядочным человеком) – тапочка ей впору. Потеряв левую тапочку, она не ищет новую пару (нового мужа), а лишь пытается компенсировать утрату с левой ноги. Левая тапочка (“слева” – неправильно), упавшая с ноги (“она свалилась сама, и оказалось, что она мала”) – это ее “левое” увлечение тем самым мужчиной, от которого родила другая женщина. Сновидица еще до этого события пересмотрела к нему свое отношение, убедившись в том, что он уступает в ряде вопросов и ей, и ее мужу. Тапочки, торчащие из арбузов, которые она считает своими – это ее бессистемные увлечения. А та добротная и слишком большая для нее тапочка – это ее совсем недавняя “бурная” эмоциональная встреча со старым знакомым, которого она оценивает существенно выше себя, но понимает, что по ряду причин эти отношения бесперспективны (как говорят, “слишком большой кусок – не проглотить”).

Мужчины у арбузов: “азиат” – это сотрудник, с которым накануне из-за ерунды был крупный конфликт. Виновата была она сама - “он в белой одежде” – он прав. Но в ходе конфликта она вынудила его вести себя непрезентабельно – он оказался в темной заношенной дубленке. Другие мужчины (“их было двое-трое”) – это инверсия. Накануне в конфликте были задействованы двое-трое женщин (одна то отходила, то подходила), которых сновидица защищала от нападков мужчины. В сновидении возникла почти полная инверсия: права была она – тапочки ведь ее собственные, напал он, и защищали ее двое-трое мужчин.

Можно рассмотреть еще одно интересное “логическое” сновидение 15-летней девочки-подростка, у которой за 2 месяца до сновидения от инфаркта миокарда умер отец. Ей снится, что отец вернулся и объяснил ей, что время в “стране мертвых” течет навстречу нашему времени и периодически появляется возможность переходить из одного потока времени в другой, появляются как бы связывающие эти потоки каналы, которые существуют недолго и вскоре закрываются. Отец объяснил, что должен успеть вернуться назад, т.к. если канал закроется, то он опять будет мучительно умирать (девочка в это время только что прочла Стругацких “Понедельник начинается в субботу”, и эти навстречу идущие потоки времени являются отражением идеи “контрамотства” – контрамот попугай и контрамот Янус. Возвращение же отца – это типичное галлюцинаторное исполнение желания).

Далее, в сновидении на вопрос дочери, что там и как там, отец отвечает, что там похожая жизнь, и у него там семья, но это совсем другое, он любит ее и маму, а то, что там, это объяснению не поддается, и это не имеет никакого отношения к земной жизни. (При жизни отца девочка часто просила маму разойтись с ним, т.к. он был очень строгим и, как девочка считала, придирчивым. После смерти отца у ребенка остался комплекс вины, и поэтому для нейтрализации этого комплекса, или для его компенсации, ей снится, что у него новая семья. Но поскольку она этого не хочет и болезненно воспринимает такое его сообщение, появляется рационализация – объяснение, что “это совсем другое”). Далее – он ждет жену, а ее все нет. Дочь говорит, что мама ведь не знает, что он здесь, и может прийти поздно. Поэтому дочь ведет с ним беседу и варит отцу кофе. (Этого никогда не было при его жизни, всегда кофе варила мама и иногда отец. Когда родители беседовали, девочка почти никогда не включалась в разговор, потому что отец обычно пресекал это. Теперь она компенсирует свой нереализованный комплекс Электры, замещая маму).

Интересна также серия сновидений молодой женщины, у которой умер 4-х-дневный младенец.

I сновидение из этой серии возникло в ночь на четвертый день жизни ребенка. Ей снилось, что она льет воду в сосуд, в котором находится цветок, но сосуд остается пустым и сухим, хотя дно и стенки сосуда не имеют повреждений. Она вынимает цветок и видит, что корень и стебель сгнили, она проводит вдоль стебля рукой, и в руке остаются ткани стебля и корня, а сам цветок – тоже поникший и нежизнеспособный. Конечно, мать знала, что ребенок очень слаб, его не приносили ей кормить, ее предупреждали, что он имеет врожденную патологию (гнилой корень и стебель).

Вода – стихия, в которой возникает жизнь, вода не удерживается в сосуде с цветком, хотя сосуд цел (ее матка в норме).

Цветок – ребенок (“дети – цветы жизни”).

Через месяц после смерти ребенка эта женщина обратилась с просьбой о реабилитации. По мере улучшения ее эмоционального состояния появились следующие два сновидения.

II сновидение: она сидит у аналитика в кабинете, но поменявшись с ним местами. Перед ней какой-то большой резервуар с водой (то ли бассейн, то ли громадная ванна, а быть может, гигантский аквариум, т.к. периодически она видит стеклянные стенки). В этом бассейне – очень большие рыбы, которые стоят на хвостах. Эти рыбы смотрят на нее круглыми глазами, расположенными, как у человека, и периодически открытыми глазами протирают стеклянные стенки, делая их прозрачными. Эмоционально она испытывает комфорт. К этому времени удалось ее значительно скомпенсировать, используя приемы гештальт-подхода и психотренинга. Удалось в значительной степени передоминировать ее установку и внимание с гибели младенца на заботы о ее шестилетнем сыне и муже, а также убедить в возможности дальнейшей полноценной жизни.

В сновидении она сидит на месте аналитика, т.е. теперь она руководит ситуацией психотерапии.

Рыбы (по Фрейду – фаллический символ, тем более что они стоят на хвостах; по Юнгу – начало жизни) в данной ситуации символизируют возможность зарождения новой жизни, нового ребенка.

Вода – стихия возникновения жизни, воды много, резервуар большой, рыбы вполне жизнеспособны.

Открытые, по-человечески расположенные глаза рыб, на которые она обратила особое внимание – это ее глаза, открытые в мир (из внушения в психотренинге).

III сновидение: она в парке с шестилетним сыном. У сына под мышкой белая скатерть или простыня, которую он расстилает на траве, сам при этом садится на самый краешек. Впереди – широкая река, они оба смотрят в сторону воды. Ребенок встает, складывает подстилку, берет ее под мышку, другой рукой берет за руку маму и ведет ее к реке. Эмоционально – она ощущает покой и радость.

Это сновидение возникло, когда она уже включилась в заботу о сыне. Мальчик оказался очень тонко чувствующим и сопереживающим матери: он, пытаясь ее успокоить, говорил, что если она не сможет еще родить, то можно взять деток из детдома.

Белая простыня (скатерть), по ее ассоциации – жизненный простор. Знаменательно, что этот простор в ее сновидении ей дает сын, а себе оставляет место лишь на краешке ее жизни (т.е. это она ему отводит такое маленькое место). Все это происходит в связи с тем, что она, уйдя в переживания по поводу умершего младенца, совсем забыла о живом ребенке, который так нуждался в ее заботе и тепле. И теперь, осознав это, она видит сон, напоминающий ей о ее вине перед живым сыном.

И, наконец, сын ведет маму к воде – к жизни, к рождению нового ребенка, лишь бы ей было хорошо, лишь бы она не страдала (его слова: “мама, ты еще родишь сыночка или дочечку, а если не сможешь, то можно взять деток из детдома”).

Это сновидение оказалось завершающим ее реабилитацию. После его осмысления она полностью включилась в заботу о своих близких – о сыне и муже, не отказываясь от планов в будущем увеличить семью.

Можно приводить и анализировать много длинных и коротких сновидений, с одной или несколькими сюжетными линиями, развивающихся логически и хаотически. Но почти везде мы увидим, что сновидения раскрывают лишь само событие, а не его разрешение. Работа же со сновидениями усиливает это событие, выявляя подавленные чувства и помогая сновидцу сделать сознательный выбор линии поведения в конкретной ситуации.

Не последнюю роль в формировании сценария взрослого человека играет импринтинг, в том числе и импринтинг «незавершенной ситуации» в детстве. Такой «неудачный» сценарий возможно скорректировать с помощью гештальт-подхода.

Явление импринтинга (т.е. запечатления) у животных было отмечено и изучено западными этологами (К.Лоренц, Н.Тинберген, Р.Шовен), описавшими формирование структуры поведения (например, рефлекса следования у выводковых птиц) при запечатлении образа движущегося зрительного объекта. Аналогичную ситуацию можно наблюдать при формировании сценария поведения у человека. Однако, если реакция следования у птенцов генетически детерминирована, то сценарные программы, формирующиеся у человека, могут быть весьма различными; общими для них являются только возраст их формирования (детство, чаще всего довольно раннее, и пубертатный период) и состояние эмоционального напряжения, сопутствующего запечатлению (авторитарное родительское влияние, секс-дебют, наличие комплексов как базы для запечатления негативных симптомов).

Такое эмоциональное “застревание” накладывает отпечаток практически на всю жизнь и на все виды деятельности человека и очень трудно преодолевается при использовании классического психоанализа. В этих случаях наиболее эффективен гештальт-подход либо изменение убеждений с помощью нейролингвистического программирования (НЛП).

Гештальт-подход приводит к снятию фрустрации при завершении прежде незавершенной ситуации. При этом происходит выделение фигуры на фоне с последующим переходом этой фигуры в фон. В нашей практике в ряде случаев гештальт-подход оказался наиболее эффективным и по скорости коррекции состояния, и по его последующей стабильности.

Так, например, было скорректировано поведение очень способного молодого человека с широким кругом интересов, обратившегося к психоанализу по поводу регулярно возникающих у него “незаконченных ситуаций”: успешно занимался живописью – бросил, не менее успешно занимался музыкой – бросил, занятия в университете также перестали его интересовать, знакомства с девушками и женщинами никогда не доводил “до конца”, а если женщина сама проявляла в этом вопросе инициативу, он тотчас же терял к ней интерес и прекращал с ней встречаться.

При психоанализе его эмоционального состояния с помощью метода кататимного переживания образа (КПО) он в “сновидении наяву” отправился с луга на море, оказался на яхте, где была очень милая женщина, оказывавшая ему знаки внимания. Однако, он вдруг вспомнил, что ему надо домой, ибо мама может волноваться, не зная, где он находится. На предложение аналитика позвонить маме по телефону он ответил, что мамы нет дома, и он должен ей оставить записку. А когда он вернулся на яхту, женщины, естественно, там уже не было.

С помощью анализа сновидений и воспоминаний детства был найден эпизод в его трехлетнем возрасте, когда он впервые получил в руки ножницы, о которых долго мечтал, и, оставшись на некоторое время без присмотра, изрезал все, что смог (обои, шторы, мамины платья), но не сумел порезать шубу, что его очень расстроило. Мы с ним “завершили” ситуацию. Сидя в “горячем стуле” и “отправившись” в свое раннее детство, он мысленно

“разрезал” эту шубу, испытал при этом чувство облегчения (“Я все сложил гармошкой и одним нажатием ножниц разрезал сразу всю. Вот теперь хорошо!”). И действительно, после этого закончились все его “незавершения”.

Другой пример. Молодая женщина, студентка, которая, даже зная материал, теряла дар речи при опросах, а тем более на зачетах и экзаменах (причем это состояние паники имело место еще в школе), вспомнила, что постоянно, начиная с самого раннего детства, она слышала от отца (которого любила и любит, и который, по ее убеждению, любит ее и желает ей только добра) императив “Заткнись!”. Она смогла преодолеть это состояние после двух сеансов в “горячем стуле”, когда она “поговорив с отцом”, решительно отказалась следовать этим его указаниям.

Еще одна студентка, которой очень трудно давался учебный материал, в детстве получила аналогичную родительскую установку от мамы: “Не твоего ума дело!”, которую также удалось снять в “горячем стуле”.

Работа гештальт-методом ни в коем случае не противоречит классическим психоаналитическим исследованиям, но, дополняя их, способствует быстрому решению проблемы, особенно в случаях, связанных с импринтингом, когда в результате возникновения незавершенной ситуации происходит “застревание” эмоционального состояния или действия, либо когда требуется “фигуру” ввести в “фон” или поменять “фигуру” и “фон” местами.

Поскольку психокоррекция психологически дезадаптированных людей разной психофизиологической типологии проходит по-разному, то она проводилась на базе не только психоаналитических, но и типологических исследований анализанта, а также определения профиля его функциональной межполушарной асимметрии.

Что касается непосредственно методов работы, то при психологической дезадаптации в целях психокоррекции можно использовать и психоаналитические, и психотерапевтические методики.

Так, психоанализ переноса (Фрейд) и психоанализ сновидений (Фрейд, Юнг, Джонсон, Лейнер), помогая вскрыть проблему анализанта, в дальнейшем способствует коррекции его состояния.

Методы структурного, транзакционного и сценарного анализа (Берн) позволяют человеку понять конструкцию своей личности, осознать ошибки своего жизненного сценария, что может быть в дальнейшем использовано для сценарного перепрограммирования.

Особое место в аналитико-терапевтических приемах занимает гештальт-подход (Перлз), базирующийся на холистическом восприятии ситуации. Этот метод особенно эффективен в случаях, когда нужно снять возникшее эмоциональное “застревание” в незавершенной ситуации, которое формируется по типу импринтинга (запечатления), в результате чего у человека развивается “порочный” жизненный сценарий. Гештальт-подход приводит к снятию фрустрации при искусственном завершении прежде незавершенной ситуации. При этом происходит выделение фигуры из фона с

последующим (после завершения ситуации) окончательным переходом этой фигуры в фон.

В качестве терапевтических методов также очень хорошо работают приемы психотренинга (Сильва) и техники нейролингвистического программирования - НЛП (Бендлер и Гриндер).

В основе психотренинга по методу Сильвы лежит выработка условного рефлекса при вербальном подкреплении. При этом можно использовать один и тот же условный сигнал (со временем приобретающий значение универсального “якоря”) для разных установок. Психотренинг с выработкой и закреплением условного рефлекса желательно проводить в состоянии глубокой релаксации (а в ряде случаев - при погружении в транс), т.е. при выходе коры мозга на уровень доминирования альфа-ритма (а в случае транса - тэта-ритма). Впоследствии использование выработанных рефлексов не требует расслабления, а может реализовываться в любом состоянии.

Вербальные установки не стандартные, они выбираются в зависимости от ситуации. Это – как общие установки на успокоение, освобождение от нежелательной фиксации на событиях и людях, на снятие тревоги, депрессии, на раскрепощение в поведении, на свободу в общении и т.д., так и специальные, связанные с каким-либо конкретным событием в жизни человека, каким-либо ощущением, которое надо ослабить или усилить, с какой-либо специфической особенностью личности, на которой не следует (либо следует) фиксировать внимание и т.п. При этом установки всегда должны быть позитивными.

Психотренинг позволяет скорректировать эмоциональное состояние и поведение человека в среднем за 3-15 сеансов (естественно, в зависимости от серьезности проблемы, ее “старости”, а также, конечно, от психологической ригидности человека, что в значительной степени определяется его психофизиологической типологией, воспитанием и возрастом). При этом результаты оказываются существенно более прочными, если предварительно проведен хотя бы краткосрочный психоанализ, позволяющий подойти к глубинным причинам возникшей проблемы. Однако, даже если почему-либо психоанализ не проводится, психотренинг все же дает ощутимые положительные результаты, хотя со временем проблема может возникнуть снова, ибо главная причина оказывается не устраненной. В этом случае достаточно 1-2 повторных сеансов психотренинга для восстановления угасшего условного рефлекса.

НЛП базируется на целом ряде физиологических и психологических принципов: для более быстрого и удачного доступа в сознание НЛП использует наиболее репрезентативную сенсорную систему (что выявляется в специальных наблюдениях). На включение этой системы ориентирован язык интервью с клиентом, в результате чего устанавливается раппорт, позволяющий углубить и улучшить коммуникацию. Кроме того, для фиксации положительных эмоций и снятия отрицательных используются так называемые “якоря”, позволяющие условнорефлекторно закрепить нужные установки и таким образом помочь человеку изменить свою модель мира.

Сопоставление физиологического статуса людей с их проблематикой и ходом психокоррекции показало, что наиболее трудно корректируемые проблемы возникают у меланхоликов. И вообще наиболее часто встречаемая при психологической дезадаптации проблематика в значительной степени (хотя, конечно, не полностью) связана с типологией человека. Так комплексом неполноценности в основном страдают меланхолики и меланхолики с холеризмом, комплексом вины – меланхолики и холерики, практически перманентной фрустрацией – меланхолики, меланхолики с холеризмом, холерики и холерики с меланхолизмом, “застреванием” в незавершенной ситуации – флегматики, флегмомеланхолики и меланхолики, фобийностью – меланхолики и холерики. Есть и такие проблемы, которым подвержены все типы, однако, тяжелее их переживают меланхолики. Это – неудачи в личной жизни, “плохие жизненные сценарии”, тоска в трагической ситуации, при потере близких.

При этом наиболее трудно корректируются меланхолики, склонные к “застреванию” в депрессивном состоянии, “увязающие” в своей проблематике (часто действительно достаточно тяжелой), имеющие сценарий неудачников и мазохистическую конструкцию личности, высокую тревожность и склонность к жестким психологическим играм. Ближе к ним по характеру “застревания” стоят флегматики. Легче всего корректируются сангвиники (менее всего склонные к невротизации) и холерики, которые, благодаря своей высокой лабильности, вовсе не склонны к застреванию в проблеме и часто, несмотря на свое очень эмоциональное восприятие, “скользят по поверхности” ситуации и поэтому гораздо легче из нее “выскакивают”.

Оптимальный способ психокоррекции определяется несколькими факторами: типологией и возрастом человека, “старостью” проблемы и возрастом, в котором она возникла, характером проблемы и ее тяжестью и т.д. И поэтому нет абсолютного рецепта для психореабилитации человека той или иной психофизиологической типологии. Однако, все же можно ориентироваться в некоторой степени для психокоррекции сангвиника в основном на приемы психотренинга и НЛП, холерика и сангвохолерика – на техники КПО, гештальт-подхода, психотренинга и НЛП, флегматика и сангвофлегматика – на психоанализ переноса, гештальт-подход и психотренинг, флегмомеланхолика, меланхолика и комбинации меланхолика и холерика – на анализ переноса, контрпереноса, КПО и психотренинг (Алейникова). Это не значит, что при работе с “быстрыми” типами (которые в основном являются правофильными) – сангвиниками, сангвохолериками и холериками – анализ переноса или КПО отсутствует, а при работе с “медленными” типами (которые зачастую принадлежат с левофильным, амбидекстрам и смешанным) – флегматиками, флегмомеланхоликами и меланхоликами – не используется НЛП. Речь идет лишь о расстановке акцентов на тех или иных методах психокоррекции при работе с людьми разной типологии.

Сопоставление скорости психокоррекции с разным профилем функциональной межполушарной асимметрии (ФМА) выявляет наиболее высокие способности к быстрой и прочной коррекции состояния (вплоть до сценарного перепрограммирования) у людей праволатерального профиля, что неудивительно, ибо этот профиль представлен в основном холериками, сангвохолериками и сангвиниками, в то время как леволатеральный профиль организован крайними типами (на две трети меланхоликами и на одну треть холериками), амбидекстральный – средними типами (флегматики и сангвофлегматики), а смешанный оказался охватывающим всю эмоционально-типологическую шкалу (от холерика до меланхолика, включая все промежуточные темпераменты).

В основе различных, описанных выше, немедикаментозных методов психокоррекции лежат разные психофизиологические механизмы.

Так, действие психотренинга и НЛП базируется в основном на выработке условных рефлексов (при “якорении” и выборе наиболее репрезентативной сенсорной системы), при этом наилучшим условием “якорения” (и в НЛП, и в психотренинге) оказывается доминирование в коре альфа- и даже тета-ритма (т.е. замыкание условных связей лучше происходит на подсознательном и/или даже на бессознательном уровне). Отсюда и более длительно идущая психокоррекция у представителей флегмомеланхолической типологии при использовании этих методов, что связано не только с более медленным протеканием у них возбуждительно-тормозных взаимодействий, но в значительной степени с включением на сознательном уровне анализа ситуации, мешающего “якорению” сигналов.

КПО (как и обычные сновидения), основывается на принципе доминанты; при этом происходит растормаживание энграмм, запускаемых доминирующими мотивами бессознательного, использующего индивидуальную и архетипическую символику.

Гештальт-подход по принципу индукционного торможения позволяет на психологическом уровне произвести передоминирование и изменить соотношение между “фигурой” и “фоном”.

И, наконец, механизм “переноса” и “контрпереноса” можно рассматривать как проявление иррадиации состояний возбуждения и торможения в эмоциональной среде.

Естественно, все эти динамические процессы быстрее протекают у людей сангвохолерической популяции (в основном правофильных, т.е. левополушарных) по сравнению с представителями флегмомеланхолической типологии (в основном левофильных, т.е. правополушарных, а также амбидекстров и со смешанным профилем функциональной межполушарной асимметрии).

В современных условиях возникает необходимость интенсификации и ускорения аналитико-терапевтической работы, а в связи с этим – выработки алгоритмов использования и сочетания различных аналитических и терапевтических методов.

На основании проведенного психоанализа с последующей психокоррекцией эмоционального состояния 270 человек предлагается модель (пошаговая мета-модель) психокоррекции дезадаптированной личности, состоящая из 4-х блоков: I - блок Преданализ, II блок - Психофизиологическое обследование, III блок - Психоанализ, IV блок - Психокоррекция.

I блок включает: 1. Первичное интервью, 2. Определение способности к визуализации, 3. Определение наиболее репрезентативной сенсорной системы.

II блок содержит: 4. Определение психофизиологических характеристик человека, 5. Определение профиля ФМА.

III блок представлен: 6. КПО-анализом, 7. Анализом переноса, 8. Анализом сновидений, 9. Анализом детских переживаний, 10. Трансакционным анализом, 11. Анализом психологических игр и сценариев.

IV блок включает: 12. КПО-терапию, 13. Гештальт-терапию, 14. Психотренинг, 15. Приемы НЛП.

Каждый из пунктов I и II блоков имеют свои подпункты, и в зависимости от этого выстраивается цепь аналитико-коррекционной деятельности. Так, блок I в значительной степени определяет методы последующего психоанализа (блок III), а блок II – методы психокоррекции (блок IV).

Возникшая в ходе анализа и терапии мета-модель предлагает оптимизацию ведения психоанализа и психотерапии в зависимости от проблемы при учете ряда характеристик личности.

Так, уже первичное интервью в значительной мере обуславливает дальнейшие приемы психоанализа, определяемые проблематикой анализанта, его способностью к визуализации и наиболее репрезентативной сенсорной системой.

Итак, I блок (Преданализ):

1. Первичное интервью, выявление проблематики анализанта. В случае общей фрустрации рекомендуется переход к пунктам 8, 9, 10 анализа (8 - Анализ сновидений, 9 - Анализ детских переживаний, 10 - Трансактный анализ). В случае нарушения общения – к п.п. 9, 10. В случае невозможности удержать партнера – к п.п. 9, 10, 11 (11 – Анализ игр и сценариев). В случае “застревания” в незаконченной ситуации – к п.п. 7, 9 (7 – Анализ переноса). В случае потери близких – к п.п. 7, 9, 11.

2. Определение способности к визуализации. В случае хорошей визуализации рекомендуется переход к п. 3 для определения наиболее репрезентативной сенсорной системы с акцентом на зрительную систему, а затем к п. 6а (КПО-анализ с доминирующим использованием зрительных образов). В случае средней способности к визуализации – к п.п. 3, 6 (а, б, в). В случае плохой визуализации – к п.п. 3, 6 (б, в).

3. Определение наиболее репрезентативной сенсорной системы. В случае доминирования зрительной системы рекомендуется переход к п. 6а (КПО-анализ с доминирующим использованием зрительных образов). В случае преобладания слуховой сенсорной системы – к п. 6б (КПО-анализ при доминировании слуховых образов). Преобладание же кинестетической

сенсорики определяет переход к п. 6в (КПО-анализ при доминировании кинэстетических образов).

II блок (Психофизиологическое обследование):

4. Определение психофизиологических характеристик личности анализанта. В случае проявления в тесте Айзенка холерического темперамента рекомендуется для психотерапии перейти к п.п. 12 (КПО-терапия с использованием образов соответствующей доминирующей репрезентативной сенсорной системы), 13 (Гештальт-терапия), 14 (Психотренинг). В случае диагностики сангвинического темперамента – к п.п. 14 (Психотренинг), 15 (НЛП). В случае флегматического темперамента – к п.п. 7, 8, 9, 12, 13. При обнаружении меланхолического темперамента – к п.п. 7, 8, 9, 12.

При выявлении с помощью теста Спилбергера-Ханина повышенной тревожности анализант идентифицируется с холериком либо с меланхоликом, пониженной – с флегматиком, средней – с сангвиником. Результаты теста Леонгарда-Шмишека также сопоставляются с темпераментом (гиперертизмность, возбудимость, демонстративность, циклотимность – холерик, дистимность, застревание, тревожность – меланхолик, экзальтированность, эмотивность – сангвиник, застревание, педантичность – флегматик). Тест Люшера (п. 4А). описывающий эмоционально-характерологические качества человека, отмечает его зависимость от людей и обстоятельств (и тогда – путь к п.п. 7, 9, 11) либо независимость (к п. 11).

5. Определение профиля функциональной межполушарной асимметрии (ФМА). Так же, как и в п. 4, рассматриваются типологические различия правопрофильных (а), в основном это холерики и сангвиники, левопрофильных (б) – холерики и меланхолики, амбидекстров (в) – флегматики и смешанные (г) – фактически все возможные типы.

III блок (Психоанализ):

6. КПО-анализ. От КПО-анализа вполне можно плавно перейти к КПО-терапии (п. 12).

7. Анализ переноса. Если анализа переноса не достаточно для терапии, то рекомендуется перейти к п.п. 13 (Гештальт-терапия), 14 (Психотренинг), либо 15 (НЛП), в зависимости от психофизиологической типологии анализанта.

8. Анализ сновидений. В зависимости от типологии после анализа сновидений (если этого для терапии недостаточно) рекомендуется переход к п.п. 12, 13, 14, 15.

9. Анализ детских переживаний. Так же, как и в предыдущем случае, рекомендуется переход к терапии (п.п. 12, 13, 14, 15).

10. Трансактный анализ. Если трансактный анализ оказывается недостаточно эффективным для психокоррекции эмоционального состояния и поведения человека, рекомендуется в целях терапии переход к п.п. 12, 14, 15.

11. Анализ игр и сценариев. Для более эффективной переделки сценария можно рекомендовать переход к п.п. 13, 14, 15.

Все вышеописанные связи и зависимости можно формализовать к виде пошаговой метамодеи (рис. 1), демонстрирующей наиболее адекватную последовательность аналитических и коррекционных операций. Однако, всегда следует помнить, что могут встречаться случаи, не укладывающиеся в прокрустово ложе рекомендаций, и тогда выручает интуиция, т.е. мы здесь имеем дело со своеобразным “ноу-хау”.

Литература

1. Бендлер Р., Гриндер Дж. Структура магии (1975-1976). – СПб.: «Белый кролик», 1996. – 496 с.
2. Берн Э. Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры (1970). СПб.-М.: “Университетская книга”, 1996. – 398 с.
3. Джонсон Р. Сновидения и фантазии (1986). М.: “Ралф-бук”, “Ваклер”, 1996. – 288 с.
4. Лейнер Х. Кататимное переживание образов (1989). М.: “Эйдос”, 1996. – 253 с.
5. Перлз Ф. Гештальт-подход и Свидетель терапии (1973). М.:1996. – 235 с.
6. Сильва Х., Миэле Ф. Управление разумом по методу Сильва (1977). – Минск: «Попурри», 1996. – 254 с.
7. Томэ Х., Кэхеле Х. Современный психоанализ. т. I: Теория (1985), т. II: Практика (1988). М.: “Прогресс” - “Литера”, “Яхтсмен”, 1996. – 576 с. (т. I) и 776 с. (т. II).
8. Фрейд З. Психопатология обыденной жизни (1901). Избранное, с. 125-242. М.: “ВТИ”, 1990. – 448 с.
9. Фрейд З. О сновидениях (1904). Избранное, с. 89-124. М.: “ВТИ”, 1990. – 448 с.
10. Фрейд З. Фрагмент анализа истерии (История болезни Доры) (1905). В кн.: “Интерес к психоанализу”, с.177-336. Ростов-на-Дону:“Феникс”, 1998. – 352 с.
11. Фрейд З. По ту сторону принципа удовольствия (1920). Избранное, с. 382-424. М.: “ВТИ”, 1990. – 448 с.
12. Фрейд З. Я и Оно (1923). В кн.: “Психология бессознательного”, с. 425-439. М.: “Просвещение”, 1989. – 448 с.
13. Юнг К.Г. Душа и миф: шесть архетипов (1949). Киев: Гос. библиотека Украины для юношества, 1996. – 384 с.
14. Юнг К.Г. Человек и его символы (1964). СПб.: “Б.С.К.”, 1996. - 454 с.
15. Spielrein S. Destruktion als Ursache des Werdens. Internat. Zeitschr. fur Psychoanal. 4, 1912.

***Психологическое консультирование:
проблемы, методы, техники.
Ростов-на-Дону, ЮРГИ, 2000, с. 58-78***

Мета-модель быстрого психоанализа и быстрой психокоррекции при суперпозиционном психоаналитико-психотерапевтическом подходе

Т.В.Алейникова

Кризис психоаналитической теории и развития психоаналитической терапии неизбежно отражается и на развитии психоаналитической техники. Одновременно с появлением новых технических приемов анализа и терапии (КПО - Лейнер [4], НЛП - Бендлер и Гриндер [2] и др.) имеет место конвергенция различных методов [5] и их суперпозиция [1]. В современных условиях возникает необходимость интенсификации и ускорения аналитико-терапевтической работы, а в связи с этим — выработки алгоритмов, допускающих использование и сочетание различных аналитических и терапевтических методов.

Мы предлагаем мета-модель быстрого психоанализа и быстрой психокоррекции при суперпозиционном психоаналитико-терапевтическом подходе (рис. 1,2). Модель построена на основании психофизиологического и психоаналитического обследования в ходе психокоррекции 255 человек разной типологии, с различной акцентуацией характера и при разном профиле функциональной меж-полушарной асимметрии.

При построении модели были учтены наиболее оптимальные условия психокоррекции людей разной психофизиологической типологии [1], хотя абсолютной рецептуры не существует, и речь идет лишь о наиболее вероятной и существенной расстановке акцентов на тех или иных методах при работе с различными людьми. Так, для психокоррекции сангвиника наиболее оптимальны приемы психотренинга и НЛП, холерика и сангвохолерика - КПО, гештальт-подхода, психотренинга и НЛП, флегматика и сангвофлегматика - психоанализ переноса, гештальт-подход и психотренинг, флегмомеланхолика, меланхолика и комбинации меланхолика и холерика - анализ переноса, КПО и психотренинг.

Предлагаемая нами модель (мета-модель) психокоррекции дезадаптированной личности состоит из 4 блоков:

I блок - Преданализ, II блок — Психофизиологическое обследование, III блок - Психоанализ, IV блок - Психокоррекция.

I блок включает: 1. Первичное интервью, 2. Определение способности к визуализации, 3. Определение наиболее репрезентативной сенсорной системы.

II блок содержит: 4. Определение психофизиологических характеристик человека, 5. Определение профиля функциональной межполушарной асимметрии (ФМА).

III блок представлен: 6. КПО (кататимное переживание образа) анализом, 7. Анализом переноса, 8. Анализом сновидений, 9. Анализом детских переживаний, 10. Трансакционным анализом, 11. Анализом психологических игр и сценариев.

IV блок включает: 12. КПО-терапию, 13. Гештальт-терапию, 14. Психотренинг, 15. Приемы нейролингвистического программирования (НЛП).

Каждый из пунктов I и II блоков имеет свои подпункты, и в зависимости от этого выстраивается цепь аналитико-коррекционной деятельности. Так, блок I в значительной степени определяет методы последующего психоанализа (блок III), а блок II - методы психокоррекции (блок IV). [Это отмечено в модели (на рис. 1) жирными стрелками].

Возникающая в ходе анализа и терапии мета-модель предлагает оптимизацию ведения психоанализа и психотерапии в зависимости от проблемы и при учете ряда характеристик личности.

Так, уже первичное интервью в значительной мере обуславливает дальнейшие приемы психоанализа, определяемые проблематикой анализанта, его способностью к визуализации и наиболее репрезентативной сенсорной системой.

Рис 2. Мета-модель (пошаговая) быстрого психоанализа и быстрой психокоррекции при суперпозиционном психоаналитико-терапевтическом подходе: 1 — первичное интервью (а— общая фрустрация, б - нарушение общения, в - невозможность удержать партнера / партнершу, г - «застывание» в незаконченной ситуации, д - потеря близких), 2 - определение способностей к визуализации (а - хорошая визуализация, б - средняя способность к визуализации, в - плохая визуализация), 3 - определение наиболее репрезентативной сенсорной системы (а - доминирование зрительной системы, б - доминирование слуховой системы, в - доминирование кинестетической системы), 4 - определение психофизиологических характеристик личности (а - холерический темперамент, б - сангвинический темперамент, в - флегматический темперамент, г - меланхолический темперамент), 4А - тест Люшера (а - зависимость от людей и обстоятельств, б - независимость от людей и обстоятельств), 5 - определение функциональной межполушарной асимметрии (а - правопрофильность, б — левопрофильность, в - амбидекстральность, г - смешанность), 6 — КПО-анализ, 7 - анализ переноса, 8 — анализ сновидений, 9 - анализ детских переживаний, 10 — трансактный анализ, 11 -* анализ игр и сценариев, 12 - КПО-терапия, 13 - гешт'альт-терапия, 14 - психотренинг 15 - приемы НЛП

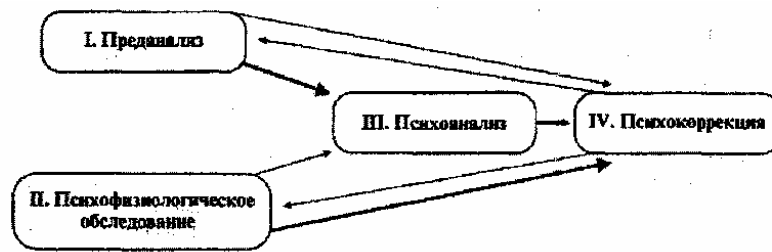
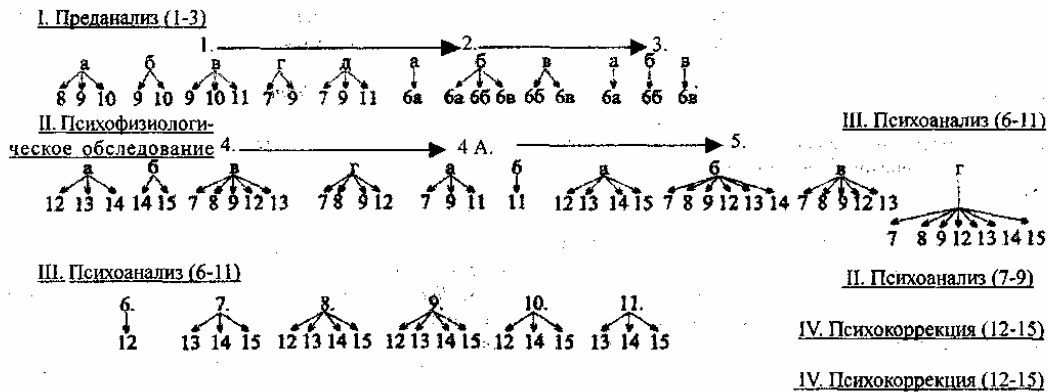

Рис. 1. Концептуальная модель психокоррекции дезаппированной личности

Итак, I блок (Преданализ):

1. *Первичное интервью, выявление проблематики анализанта.* В случае общей фрустрации (а) рекомендуется переход к пунктам 8,9,10 анализа (8 - анализ сновидений, 9 - анализ детских переживаний, 10 - транзактный анализ). В случае нарушения общения (б) - к пунктам 9, 10. В случае невозможности удержать партнера / партнершу (в) - к пунктам 9, 10, 11 (11 - анализ игр и сценариев). В случае «застревания» в незаконченной ситуации (г) - к пунктам 7, 9 (7 - анализ переноса). В случае потери близких (д) - к пунктам 7, 9, 11.

2. *Определение способности к визуализации.* В случае хорошей визуализации (а) рекомендуется переход к пункту 3 для определения наиболее репрезентативной сенсорной системы с акцентом на зрительную систему, а затем - к пункту 6а (КПО-анализ с доминирующим использованием зрительных образов). При средней способности к визуализации (б) - к пунктам 3, 6 (а, б, в). В случае плохой визуализации (в) - к пунктам 3, 6 (б, в).

3. *Определение наиболее репрезентативной сенсорной системы.* В случае доминирования зрительной системы (а) рекомендуется переход к пункту 6а (КПО-анализ с доминирующим использованием зрительных образов). В случае преобладания слуховой сенсорной системы (б) - к пункту 6б (КПО-анализ при доминировании слуховых образов). Преобладание же кинестетической сенсорики (в) определяет переход к пункту 6в (КПО-анализ при доминировании кинестетических образов).

II блок (Психофизиологическое обследование):

4. *Определение психофизиологических* характеристик личности анализанта. В случае выявления в тесте Айзенка холерического темперамента (а) рекомендуется для психотерапии перейти к пунктам 12 (КПО-терапия с использованием образов соответствующей доминирующей репрезентативной сенсорной системы), 13 (гештальт-терапия), 14 (психотренинг). Если диагностирован сангвиничный темперамент (б) - к пунктам 14 (психотренинг), 15 (НЛП). В случае флегматического темперамента (в) - к пунктам 7, 8, 9, 12, 13. При обнаружении меланхолического темперамента (г) - к пунктам 7, 8, 9, 12. При выявлении с помощью теста Спилбергера - Ха-нина повышенной тревожности анализант идентифицируется с холериком либо с меланхоликом, пониженной - с флегматиком, средней - с сангвиником. Результаты теста Леонгарда - Шмишека также сопоставляются с темпераментом (гипертимность, возбудимость, тревожность, демонстративность, циклотимность - холерик; дистимность, застревание, тревожность - меланхолик; экзальтированность, эмотивность - сангвиник; застревание, педантичность - флегматик). Тест Люшера (пункт 4А), описывающий эмоционально-характерологические качества человека, отмечает также его зависимость от других людей и обстоятельств (а) и тогда - путь к пунктам 7, 9, 11, либо независимость (б) - к пункту 11.

5. *Определение профиля функциональной межполу-тарной асимметрии (ФМА)*. Так же, как и в пункте 4, рассматриваются типологические различия правопро-фильных (а), в основном это холерики и сангвиники, левопрофильных (б) - холерики и меланхолики, амбидек-стров (в) - флегматики и смешанные (г) - практически все возможные типы.

III блок (Психоанализ):

6. *(КПО-анализ)*. От КПО-анализа вполне можно плавно перейти к КПО-терапии (пункт 12).

7. *Анализ переноса*. Если анализа переноса недостаточно для терапии, то рекомендуется перейти к пунктам 13 (гештальт-терапия), 14 (психотренинг), либо 15 (приемы НЛП) в зависимости от психофизиологической типологии анализанта.

8. *Анализ сновидений*. В зависимости от типологии после анализа сновидений (если этого для терапии недостаточно) рекомендуется переход к пунктам 12, 13, 14, 15.

9. *Анализ детских переживаний*. Так же, как и в предыдущем случае, рекомендуется переход к терапии (пункты 12, 13, 14, 15).

10. *Трансактный анализ*. Если трансактный анализ оказывается недостаточно эффективным для психокоррекции эмоционального состояния и поведения личности, рекомендуется в целях терапии переход к пунктам 12, 14, 15.

11. *Анализ игр и сценариев*. Для более эффективной переделки сценария можно рекомендовать переход к пунктам 14, 15. Все вышеописанные связи и зависимости можно формализовать в блочной концептуальной модели (рис. 1) и детальной пошаговой мета-модели (рис. 2), демонстрирующих наиболее адекватную последовательность аналитических и коррекционных операций.

Однако всегда следует помнить, что могут встречаться случаи, не укладывающиеся в «прокрустово ложе» предлагаемых рекомендаций, и тогда аналитика-терапевта выручает интуиция, т.е. мы здесь опять имеем дело со своеобразным «ноу хау».

Литература

1. *Алейникова Т.В.* Исследование особенностей и способов коррекции психофизиологического статуса людей с психологической дезадаптацией//Валеология. 1999. № 1. С. 17-20
2. *Бендлер Р., Гриндер Дж.* (Bendler R., Grinder J., 1975-1976). Структура магии. СПб., 1996. 496 с.
3. *Берн Э.* (Berne V., 1970). Игры, в которые играют люди. Люди, которые играют в игры. Л., 1992. 400с.
4. *Лейнер Х.* (Leuner H., 1970). Кататимное переживание образов. М., 1996. 253 с.
5. *Томэ Х., Кэхеле Х.* (Тота Н, Kachele H., 1985, 1988). Современный психоанализ. М., 1996. Т. 1. 576 с. Т. 2. 776 с.
6. *Перлз Ф.* (Perls F, 1973). Гештальт-подход и Свидетель терапии. М., 1996. 235 с.
7. *Сильва Х., Миэле Ф.* (Silva J., Miele Ph., 1977). Управление разумом по методу Сильва. Минск, 1996. 254 с.
8. *Фрейд З.* (Freud S., 1917). Введение в психоанализ: Лекции. М., 1991. 456 с.

Валеология, 2000, N3, с. 22-24

Психоанализ без интерпретаций?

М.М.Решетников

Мой давний друг и коллега профессор Светлана Соловьева как-то предложила мне опубликовать материал «хотя бы одной конкретной сессии, живой, реальной, чувственной - практический фрагмент психотерапевтической работы». Это было необычным предложением, и после определенных колебаний я попытался сделать это. Надо сказать, что аналогичные просьбы поступали и ранее, и, вероятно, в этом есть какая-то потребность и смысл. Но это лишь одна причина появления этой публикации. Вторая, и как мне представляется, не менее важная - состоит в желании обсудить с профессиональным читателем то, как может модифицироваться «метод свободных ассоциаций» и позиция терапевта в аналитической ситуации. Я постараюсь сформулировать эти идеи максимально кратко и упрощенно.

В классическом психоанализе под свободными ассоциациями понимается ничем не сдерживаемое, свободное выражение мыслей, чувств и желаний пациента, что обычно обозначается как «спонтанная речь», так как только в этом случае (при достаточной теоретической и практической подготовке терапевта) можно выявить «заблокированные» конфликты и проблемы. Аналитик при этом на протяжении достаточно длительного периода времени выступает в роли задающего вопросы и «умело направляющего» вербальную активность пациента. А затем - когда уже сформировались определенные представления о причине внутриличностного или межличностного конфликта, аналитик начинает проработку вербализованного материала и интерпретацию бессознательного, чтобы, постепенно преодолевая сопротивление пациента, «сделать бессознательное сознательным». Это, конечно, очень схематично, но... Главное здесь, на что хотелось бы обратить внимание - это особая позиция интерпретатора, которая, фактически, ставит аналитика в положение более знающего, более понимающего, более глубоко мыслящего, а пациенту отводит роль апеллирующего к последнему, а затем - внимающего и обучаемого. Этот же стереотип органически присутствует практически во всех методах психотерапии: пациент говорит или ассоциирует - терапевт задает вопросы, и затем высказывает суждения или интерпретирует. То есть - учит...

Как мне представляется, такое распределение ролей (во многих случаях оказывающееся достаточно эффективным) имеет множество недостатков. И в последние годы я, вначале интуитивно, а позднее - вполне осознанно, всячески пытаюсь избегать этого «сюжета», используя для этого два основных правила. Первое: «Не стимулировать ничего, кроме собственного материала пациента». Я постараюсь пояснить, что это значит, на примере, который уже однажды использовал в одной из своих публикаций [4:232-240]. Мой супервизант, докладывая очередную сессию своей пациентки, передает дословно: что было сказано последней, и как он реагировал на это. В

частности (я приведу для демонстрации всего две фразы): Пациентка: «Когда мой сын болен (сын женат и живет отдельно - М.Р.), я не могу заниматься сексом». Аналитик: «А как к этому относится ваш муж?» С точки зрения сформулированного выше правила - это ошибка, которая допустима в случае обычной заинтересованной беседы, но не психоанализа. - Мы не беседуем с пациентом, мы исследуем его проблемы, его бессознательное и его речь, в которой и первое, и второе (но - чаще всего - неявно) манифестируется. Я многократно повторяю в своих лекциях, что психоанализ не имеет ничего общего с обычной беседой, кроме того, что и там, и здесь используются слова. Я позволю себе еще одно образное сравнение: мы все умеем пользоваться ножом, скальпель - это тоже вариант ножа, и им также можно воспользоваться в бытовых целях. Но возьмет ли на себя смелость умеющий пользоваться ножом или скальпелем на бытовом уровне, оперировать, например, мозг человека, который устроен намного проще, чем психика? То, чему труднее всего научиться будущему терапевту - умение постоянно анализировать: «Не что говорит пациент, а как он говорит, и почему он говорит именно об этом?» Это имеет принципиальное отличие от всем хорошо знакомого навыка обыденной речи, и представление об аналитике, дремлющем в кресле у изголовья пациента не имеет ничего общего с его сверхдетерминированным интеллектуальным и эмоциональным напряжением.

Вернемся к примеру из супервизии. Пациентка ничего не говорила о муже. И одним из возможных адекватных (неявному ходу мысли пациентки) вариантов вопроса мог бы быть: «А как связаны ваш сын и ваш секс?» Даже если бы эти два тезиса (о болезни сына и «синхронном» отказе от секса) были в разных частях сессии, аналитик должен их заметить и предъявить пациенту это «случайное» совпадение («конфронтируя» последнего, таким образом, с самим собой, и предлагая ему самому найти объяснение этому). Еще несколько слов. Любой вопрос всегда личностно обусловлен и частично содержит в себе тот или иной вариант ответа или перечень возможных ответов, которые предполагаются спрашивающим. Но у пациента, у его сознания и бессознательного мог быть совершенно иной «поворот» мысли и, задавая неуместный вопрос, мы прерываем цепь его непредсказуемых (ибо у него может быть принципиально иной опыт) и гораздо более важных для него и терапевтического процесса в целом (чем наш обычный человеческий интерес) ассоциаций. Поэтому вопросы должны быть максимально обезличены, и иметь самую минимальную прогностическую (в отношении ответа) составляющую.

Второе правило покажется читателю, скорее всего, достаточно странным. В самом простом виде я бы сформулировал его так: «Хороший аналитик - это предельно тупой аналитик». Если немного расширить этот тезис, то следовало бы добавить, что хороший аналитик (в рамках предлагаемого подхода) - это тот, кто не дает интерпретаций и не демонстрирует своих высокоинтеллектуальных качеств и познаний, а способен (в том числе - своим молчанием и «хроническим непониманием») - я еще раз повторюсь:

побуждать пациента самого делать интерпретации, предъявлять их себе и аналитику, самому принимать или отвергать их. В этой ситуации в роли «знающего лучше» и «понимающего больше» оказывается уже не аналитик, а пациент, и именно здесь скрыты огромные резервы для его личностного роста и установления контакта с собственным бессознательным. Третье правило общеизвестно, но нередко в «интерпретаторском порыве» о нем забывают: продвигаться в терапии нужно с той скоростью, которая возможна и приемлема для пациента, чтобы минимизировать неизбежную болезненность его обращения к вытесненному материалу, интенсивность которой может быть эквивалентна или даже идентична ощущениям насильственного вторжения (в любых воображаемых читателем вариантах). Эта специфика и определенные недостатки обращения к классическому методу интерпретации подчеркивалась многими авторитетными авторами, которые, как мне представляется, иногда делали это бессознательно, даже сами не замечая негативный смысл, вкладываемый в его описание. Так, Х. Томэ (1996), обращаясь к теме и технике интерпретации, пишет: «В соответствии с ходом своей мысли [здесь и далее - выделено мной - М.Р.] я обратился к одному из предыдущих сновидений, в котором она танцевала и демонстрировала себя на людях... Это было стопроцентное попадание, и [со стороны пациентки] не последовало никаких «но»... [5:495;498]. Думаю, что проницательный читатель уже заметил, но стоит еще раз обратить внимание, что автор пишет о ходе «своей мысли», а не пациентки, у которой этот «ход» мог быть принципиально иным, и далее - говорит о «попадании», а, значит, мог быть и «промах». В другом месте тот же автор говорит: «Я интерпретировал это в том смысле, что, по ее мнению, она не может быть этой женщиной... Пациентка уловила эту мысль» [5:495;498]. Я думаю, эту красноречивую конструкцию (типа: «Он думал, что я думаю, он думает...») можно было бы оставить без комментариев, но все же приведем их: аналитик думает за пациентку, выдает свое мнение за ее, а последней отводится роль «улавливающей», «принимающей» или «непринимавшей», при этом последнее, как показывает практический опыт - при достаточно авторитетном аналитике и наличии сформировавшегося переноса - имеет гораздо меньшую вероятность. Отто Кернберг (1998), обращаясь к той же теме интерпретации в процессе работы с инфантильными личностями, отмечает, что «...все попытки по конструкции или реконструкции заканчивались путаницей или ощущением, что я участвую в стерильном интеллектуальном упражнении» [1:184]. В процессе своей (далеко не безупречной) практики и супервизий случаев других специалистов я сталкивался с подобными «интерпретаторскими тупиками» неоднократно.

Сходные идеи (с той или иной косвенной критикой интерпретаций) высказывали Петер Куттер², Динора Пайнз³ и другие авторы. Как мне представляется, интерпретации были абсолютно необходимы на первом этапе развития психоанализа. Но сейчас, когда он органически имплицирован в культуру, а фразы типа: «...Не слишком ли ты

сублимируешь?», «...Это проекция», «...Она (он) слишком с ним идентифицируется», «...Тебе следовало бы давно сепарироваться от своей матери», «...Я бы не стал так уж вытеснять эту возможность» и т. д. - стали достоянием обыденной речи, а об Эдиповом комплексе «квалифицированно» судачат даже школьники, классический метод интерпретаций нередко провоцирует не столько инсайт, сколько раздражение пациента. Здесь уместно напомнить, что еще Фрейд, безусловный автор и приверженец идеи интерпретаций, отмечал, что терапия должна «не вызывать неприязни у больного», а сам анализ и интерпретации именовал «чем-то вроде довоспитания» пациента, однако, делая при этом оговорку, что «есть все-таки опасность, что влияние на пациента ставит под сомнение объективную достоверность наших данных» (я позволю себе добавить - и интерпретаций - М.Р.). Далее Фрейд отмечает: «Несоответствующие предположения врача отпадают в процессе анализа, от них следует отказаться и заменить более правильными» [6:287-289]. То есть, речь идет о методе «проб и ошибок», каждая из которых - и мы это знаем - может быть фатальной (в лучшем случае - для терапии). Исходя из вышеизложенного, предлагаемый нами прием, предполагает практически полный отказ от метода «проб и ошибок», и в первую очередь направлен на снижение влияния аналитика на пациента и, соответственно - искажения объективных данных. То есть, он ориентирован не столько на «довоспитание», сколько на самопонимание и самовоспитание пациента. Я уже не говорю о том, что для начинающего специалиста такой подход (отказ от интерпретаций) в гораздо большей степени гарантирует следование основополагающему принципу любой терапии: «Не навреди!» Я еще раз повторю: в рамках предлагаемого подхода и ассоциации, и их интерпретация предоставляются пациенту. А аналитик не столько «терапевтирует», сколько исследует. После такого краткого и, как мне кажется, не очень убедительного вступления (но статья и не предполагала какого-то значительного теоретического осмысления), я попытаюсь продемонстрировать обозначенные выше положения на конкретном примере. Моя пациентка - эффектная, прекрасно сложенная брюнетка 44-х лет, одна из совладельцев и руководителей частной фирмы. Первоначально причина ее обращения ко мне была сформулировано предельно просто: она недавно прочитала книгу Эрика Берна, еще что-то о психоанализе, но не удовлетворилась этим и хотела бы «найти истину». В процессе первой встречи она также отметила, что есть вещи, которых она не принимает в психоанализе, в частности, всякую ерунду о сексе, Эдиповом комплексе и т. д. Она замужем, у нее двое взрослых детей (сын и дочь), которые живут отдельно (она особенно акцентировала: «Я сделала все, чтобы они жили отдельно!»). Ее отец умер около 20-и лет назад, мать жива. В процессе последующих сессий проблемы пациентки приобрели более ясные очертания: периодические состояния депрессии, страх, что ее в чем-то обвинят, что все окружающие мужчины (включая сына) думают, что она их

соблазняет (но ей «вообще никого нельзя соблазнять»), неудовлетворенность браком и своей сексуальной жизнью, трудности в установлении контактов (особенно - с женщинами), отвращение к косметике и ряду других атрибутов женственности (включая кольца, серьги, юбки), ощущение, что «внутри нее есть какая-то червоточина», что в 15 лет она, как будто, «потеряла резвость» и «тело стало не ее». Характерные фразы: «Мне нужно не только делать вид, что я не хочу нравиться мужчинам, а действовать так, чтобы действительно им не нравиться». «Я не могу сказать, что в брюках я себя чувствую меньше женщиной, но платье к чему-то обязывает». «Мне так неприятно, что это моя мать меня родила, я ненавижу себя за то, что сосала ее грудь!» «Я не могу любить!»

При огромном разнообразии материала 153-х сессий, практически на каждой пациентка, так или иначе, обращается к предельно идеализированному образу отца: «У него были представления о добродетели, и я - по его мнению - не могу их нарушить, уже потому, что я - его дочь, его часть, он не воспринимал меня, как самостоятельную личность». «Моей заветной мечтой было: умереть вместе с папой». «Он был такой честный, правильный, не то, что я... [А вы?] Я грязная, порочная... [Да?] Знаете, кем бы я хотела быть? [Кем?] Помойной кошкой. Найти вонючую рыбку голову в грязном баке, и грызть ее... Быть самой собой...» Образ отца был всегда инцестуозно окрашенным, но пациентка на протяжении длительного (почти двухлетнего) периода ни разу не озвучила это чувство. Естественно, что не говорил об этом и я. Несколько раз она задавалась вопросом: «А зачем я вообще к Вам хожу?» Я возвращал ей вопрос: «Действительно, зачем?» Ответом, как правило, было: «Я не знаю. Но зачем-то мне это нужно». В ее переносе я - тоже отец, и периодически она ведет себя соблазняяще, но гораздо чаще - ее отношение ко мне окрашено тщательно скрываемой агрессией. Каждая наша встреча начинается с ее желания «не говорить ни о чем», и мне все время приходится стимулировать ее вербальную активность. К описываемому ниже периоду мы работаем с ней уже три года, при этом в связи с ее частыми командировками и поездками - аналитический сеттинг сильно варьирует: от одной-двух сессий в месяц до пяти в неделю. И теперь две сессии. Вначале 151 (внеочередная, в дневное время).

П.: Я шла и ругалась: какое неудобное время!

А.: Почему было не обсудить это в прошлый раз?

П.: Я думала, Вам так удобнее.

А.: Мы договаривались все обсуждать...

П.: Хо-ро-шо... Я помню... Ну вот... Я все сказала...

А.: Впереди - еще час.

П.: ...Что это за свеча у вас в шкафу?

А.: Подарок.

П.: Чтобы Вы не угасли?

А.: Почему такая ассоциация?

П.: А есть другие?
А.: Масса.
П.: Да? Но я чувствую так... Угасание, смерть, страх.
А.: Чего-то боитесь?
П.: Угасания, смерти.
А.: А кто не боится?
П.: Раньше я думала, все боятся, а сейчас нет. Это связано с завистью и жадностью. Щедрый - не боится.
А.: А Вы?
П.: Этот страх разный. Когда я раньше думала о папе... - Как это будет? Сейчас думаю: как мои дети будут говорить? И будут ли?
А.: Сомневаетесь?
П.: Нет. Будут.
А.: Что?
П.: Не знаю... У меня что-то изменилось. Я сейчас по-другому ощущаю... папу. Это время ближе, и мое. Раньше думала, как будто это было с кем-то другим. А теперь понимаю - со мной. И, когда я смотрю на свои детские фото, возникает чувство узнавания. И очень приятное... Возникло ощущение, что Вы меня изучаете (привстает на кушетке и оглядывается).
А.: Зачем?
П.: Чтобы отобрать?
А.: Что?
П.: Что-то...
А.: Я уже делал так?
П.: Нет. Но чувство такое есть.
А.: Мы уже говорили об этом: я - не изучаю, мы - вместе исследуем и пытаемся понять, и только в ваших интересах, и только то, что Вы хотите.
П.: Но я не должна доверяться. Иначе могут украсть... Есть какие-то ценности, о которых не подозреваешь... Знаете, как старушка: продает картину по дешевке, а оценщик знает, что она дорогая, но виду не подает, и тут старушка догадывается...
А.: Я могу подтвердить, что эта «картина» - ваша, и она - бесценна. Все, что я способен сделать, это только направить на нее свет, обратить внимание на возможное прочтение сюжета или детали, которых Вы, возможно, не замечали.
П.: Но это еще и опасно.
А.: Что?
П.: Говорить о себе.
А.: Почему?
П.: ...Что-то откроешь, а оно взорвется...
А.: Что - оно? (этот мой вопрос, возможно, был излишен, так как пациентка сама продолжает цепь ассоциаций).
П.: ...Или выйдет и не вернется
А.: А может быть стоит выпустить? Пусть выходит.
П.: Это не-воз-мож-но... О себе нельзя говорить.

А.: А о ком мы говорим?
П.: А-а-х...Го-во-рим, но как-то не так...
А.: А как надо?
П.: Внутри меня ничего нет. Как в «Маске Красной Смерти»... И часы эбенового дерева... Я не то говорю, но... У меня ощущение, что я... - где-то, и ко мне подходит мужчина, и что-то там начинается... А я сразу: нет!
А.: Как это можно было бы связать: под маской ничего нет и мужчине: нет?
П.: Да, что-то есть...
А.: Вы - в маске?
П.: Конечно!
А.: А если снимете?
П.: Все умрут...
А.: Под маской что-то ужасное?
П.: Да. Все... Точнее - я умру, и все умрут для меня... ..
А.: То, к чему подходит мужчина, и где - ничего нет. Это кто?
П.: Женщина, естественно.
А.: А он может ее найти?
П.: Нет, конечно. Меня даже удивляет, что он ее надеется найти!
А.: А если он ее найдет?
П.: Это какой-то... м-м-м, вопрос...
А.: Какой?
П.: Бессмысленный. Это все равно, что надеяться выиграть в лотерею. Думать: а вдруг я выиграю? Эту вероятность можно рассчитать, но она не имеет никакого значения... Я никогда не играла, и не верю в выигрыши...
А.: Мы говорим о мужчине?
П.: Да.
А.: И чтобы выиграть, то есть - найти женщину, ему должно сильно повезти? Значит, она там все-таки есть?
П.: Мне стало как-то не по себе... Как будто Вы посягаете...
А.: На женщину или на идею..., что ее там нет?
П.: И на то, и на другое. И мы с Вами соперничаем...
А.: За что?
П.: За что-то важное для нас обоих. Но оно - только одно. Неделимое.
А.: Если Вы скажете - за что (мы соперничаем), я отдам это Вам. Все.
П.: Я не знаю - что? Но ...Вы - не отдадите.
А.: Но, хотя бы примерно, что?
П.: Это связано... связано... связано с... превосходством.
А.: Превосходством... И чем-то еще, почему это так болезненно? Почему Вы никому не хотите это отдать?
П.: Боль... Боль... У-у, как странно Вы говорите. Не знаю... Не знаю... Как-то... Как-то... Когда кто-то ко мне приближается - это покушение на мою боль...
А.: Я не хочу причинить Вам боль... Мы можем сменить тему...
П.: ...Здесь есть что-то оскорбительное... Он покушается..., не видя эту боль...

А.: Кто он?

П.: ..... (без ответа)

А.: Мы начали с попыток флирта со стороны какого-то мужчины, и пришли каким-то образом к тому, что он покушается на вашу боль... Ваша сексуальность, ваша женственность - это что-то болезненное?

П.: Да... И это большой секрет... Как в рассказе, помните: мальчик предлагает девочке покататься на велосипеде, а она - не умеет, но говорит: «Я не хочу»... - Зачем об этом говорить?...

А.: Вы хотите сказать, что женщина с более чем 20-летним супружеским стажем и мать двоих детей, не умеет... «кататься на велосипеде»?

П.: Х-м...

А.: Что Вы не умеете?

П.: Предположим... Не знаю... Я бы никогда не смогла вступить в сексуальные отношения с человеком, который мне нравится...

А.: Откуда такой запрет?

П.: Не знаю... Считается, что я - верная жена и люблю мужа. Хотя он мне и не нравится. Но если мне мужчина нравится... это - просто невозможно...

А.: Невозможно...

П.: Вдруг возникла мысль: а о ком это я вообще говорю? - Нет никакого конкретного мужчины.

А.: Действительно, о ком?

П.: Не знаю. Какое-то приближение к невозможности...

А.: Очень интересное выражение: «приближение к невозможности».

П.: Да. Гипотетически..., если бы это было..., это - невозможно... Я подумала об отце, но это не отец... Я помню, что соперничала с мамой, за любовь..., но телесно - нет.

А.: Мне почему-то вновь пришла в голову ваша фраза о «велосипеде»...

П.: Это о сексе?

А.: Может быть.

П.: Тогда - да. Вы правы.

А.: В чем?

П.: Я как бы запрещаю себе...

А.: Что?

П.: Получать удовольствие от секса...

А.: Почему?

П.: Как только за мной начинают ухаживать, у меня возникает жуткое ощущение скуки... Вдруг вспомнила, как я ходила с папой на футбол. Он был страстный болельщик. Но сам футбол - это такая скука. Но я всегда соглашалась с ним пойти... Мама не ходила...

А.: Только Вы и он?

П.: Да... Я понимаю... Но я не согласна, что это как-то связано: секс и скука.

А.: Разве я сказал, что это связано?

П.: Нет, не говорили, но это так..., подразумевалось...

А.: Что-то в этом есть: ваши ощущения на футболе действительно сходны с отношением к сексу: папа страстный, а Вам скучно, и с мужчинами потом -

то же самое...

П.: Да. Страсть - это не любовь. Любовь - это другое... И вообще, можно жить без секса...

А.: Можно.

П.: Хотя, что-то там есть. А любовь - это тихая спокойная беседа.

А.: Тогда мы с Вами - самые настоящие любовники.

П.: Да. (Смеется). Хотя нет! Любовь - это еще и обида.

А.: Любовь - это обида. Страсть - это скука... Так необычно.

П.: (Вздыхает).

А.: У меня вдруг появилось такое чувство злости к Вам (я всегда озвучиваю возникновение у меня необычных чувств и стараюсь доверять своему бессознательному). Злость плохой советчик, и я не могу пока объяснить - почему? Но что-то Вы сделали такое...

П.: Лишила чего-то мужа...

А.: Чего?

П.: И себя... Да, я вредная, с детства. Вот возьму, и сделаю себе плохо...

А.: И что?

П.: Вот они будут тогда знать!

А.: Что они будут знать?

П.: Какие они плохие, что надо их наказать!

А.: Кого наказать?

П.: Всех. Если мне будет плохо, и им всем будет плохо.

А.: Прохожему у нас под окном - тоже?

П.: Нет. Ему нет.

А.: А кому?

П.: Тем, кто со мной...

А.: Я чего-то не понимаю: Вы делаете себе плохо, чтобы стало больно тем, кто Вас любит?

П.: Они плохо любят! Они не понимают, не ценят, а надо, чтобы они оценили...

А.: Как это можно узнать?

П.: Если я сделаю себе больно, они спохватятся, и поймут, что они меня любят. Это примитивно, но верно.

А.: Вы им как будто мстите?

П.: Ну да! Здесь такая ситуация: например, человек знает, как надо, а другой ему советует - неправильно, но нужно сделать так, как он советует, даже зная, что - неправильно...

А.: Зачем?

П.: Очень важно, чтобы человек увидел, что он не прав. Это связано с превосходством. Его нужно устранять. Чтобы другой увидел: он - ничто!

А.: И вот Вы доказали... Что дальше?

П.: Они меня все равно не любят... Родители... И я мщу!

А.: Вы думаете это возможно, например, по отношению к отцу?

П.: ... (Молчание).

А.: К сожалению, наше время истекло.

П.: А у меня после вашей фразы тут же появилось чувство: нет, я докажу, что это возможно (скороговоркой)!

А.: Если бы для этого нужно было отомстить еще двум-трем человекам или «помстить» еще 2-3 года, я бы сказал: мстите интенсивнее. Но то чувство, которое Вы испытываете - оно необъятно. И отца - уже нет.

П.: И что?

А.: Я не знаю.

П.: Просто забыть?

А.: Если бы это было возможно, я был бы безработным.

П.: И что тогда остается?

А.: Не знаю.

П.: Знаете! Вы хотите сказать: «Простить!»

А.: Тоже маловероятно.

П.: Да уж. Не думаю... У меня сейчас ощущение, что я говорю с папой в тот момент, когда умерла мать... (я знаю, что мать пациентки жива, а отец умер, но я умышленно пропускаю эту ошибку, которая скоро вскроется сама).

А.: И что?

П.: Я вспоминаю... Но как это связать?... Я не думаю, что я скорбела о бабушке...

А.: Вы говорите о матери отца?

П.: Ну да!

А.: Но Вы сказали просто: «...Когда умерла мать».

П.: Да?... Да, я так сказала...

А.: Вы хотели ее смерти?

П.: Сейчас кажется, что нет. Хотя раньше думала, что да.

А.: Продолжим в следующий раз.

Сессия 152 (она очень краткая, так как пациентка опоздала, и обсуждение опоздания - в данном случае незначимое - можно опустить без ущерба для основного материала).

П.: ...Какая все-таки хорошая погода! И снег, и дождь одновременно. Я люблю такую... Прихожу - и не хочется говорить о том, что до этого хотела сказать...

А.: Почему так происходит?

П.: Когда хочешь заранее что-то рассказать, это вначале... м-м, всегда неприятно. Хочется, чтобы это уже было рассказано...

А.: О чем Вы хотели рассказать?

П.: Когда я вчера говорила, что умерла мама (пациентка привстает и, поворачиваясь ко мне, добавляет очень выразительно) - ПАПИНА! - мама папина... (вновь ложится и молчит)... Я помню свою маму в этот день. Мне очень хотелось, чтобы бабушка выздоровела. Для папы. Чтобы ему было лучше... У нас, знаете, такая семья..., очень плохая... Мама никогда не ходила к бабушке в больницу. Ходили я и папа. И мы сами все покупали...

А.: Да?

П.: Я знаю, что невестка может не любить свекровь. Но ведь смерть - это важнее... Пришел папа и сказал, что умерла бабушка... Было лето...

А мама была в таком сарафане (презрительно)...

А.: Почему это запомнилось?

П: В ней было что-то такое отвратительное...

А.: Что?

П: Что-то очень естественное и... отвратительное.

А.: Как это связано с сарафаном?

П: Это был такой отвратительно открытый сарафан... Я ее и его разглядывала. Я вообще не любила..., я избегала на нее смотреть... Она, конечно, была рада этой смерти... Может быть, и я хотела ее смерти... Я как будто все время сравнивала что-то с чем-то?

А.: Что?

П: Ее с собой... Но этот сарафан..., такой открытый... И, что она хотела смерти свекрови... И ее сарафан... Ей не надо было прикрывать ее желание смерти...⁴ Ей не надо было прикрывать даже свою радость перед папой...

А.: Что это значит?

П: Она не прикрывалась, так как она знала, что ОН - конечно, ее!...

...Умирает королева, какое-то время - борьба за власть, какое-то смятение, или - как в истории - смутное время... А здесь - смутное чувство...

А.: Смутное чувство...

П: Соотношение каких-то сил, борьба⁵, какая-то «перестройка»... Чувство отвращения к ней. Тоска. Злость... У меня не было чувства, что лучше бы она умерла, но вот сейчас... И этот сарафан... Она небольшого роста, полная, и очень большая грудь... Я еще думала: зачем ей такое декольте, такой вырез?... Я все время смотрела на папу. А папа на меня не смотрел... И еще помню, когда ее похоронили, прошли поминки, папа сказал: «Пойдем погуляем». Мама ответила: «Это неприлично!» А папа: «Какая ерунда!» Мы пошли гулять. Но без мамы... Он никогда не рассказывал мне о своей матери. И это не случайно...

А.: Что - не случайно?

П: Не хотел. Может быть, ему было больно... Когда он сказал, что я похожа на его мать, я очень удивилась... Именно тому, что он это сказал...

А.: Что здесь удивительного? - Внучка похожа на бабушку.

П: Именно, что он сказал!

А.: Что это значило?

П: Что он меня любит. И мать свою тоже любил...

А.: А маму?

П: Она здесь не участвует! Ее здесь нет! Это хорошо... Мы без нее устроились...

А.: Как это?

П: А вот так! Устроились. Хорошо, уютненько. Такая замечательная троица... По крайней мере, бабушка не носила таких сарафанов...

А.: Вы сказали «троица», но ведь бабушки там уже не было...

П: Да, идея другая: вот, если бы не мама... Это как бы невинно прикрывает идею, что папе было бы лучше... лучше...

А.: С Вами?

П: Да.

А.: Разве это возможно?

П: Невозможно, конечно.

А.: Мне кажется, что Вы до сих пор не принимаете то, что это невозможно...

П: Да, как идея - это есть... Я не хочу смириться с тем, что это невозможно...

А.: Я понимаю, как дорого Вам это чувство и мечта, но это - невозможно...

П: С этим связано... связано...

А.: Что?

П: Страх изменения чего-то...

А.: Изменения... Или - измены?

П: Отцу?... Да.

А.: К сожалению, наше время истекло.

Остановимся на этом... Думаю, что эдипальная природа конфликта пациентки (для любого психодинамически ориентированного специалиста) была предельно ясна уже из материала предварительного интервью. Но мы немного бы достигли, сделав такую интерпретацию не только в процессе первых сессий, но даже в процессе первых двух лет терапии. Еще несколько заключительных комментариев. Как мне представляется с учетом имеющихся данных и наблюдений, инфантильные фантазии пациентки о желании быть соблазненной отцом приобрели характер фиксации вследствие того, что со стороны последнего ни разу не была достаточно четко обозначена невозможность этого, то есть отец был - «почти явно соблазняющим». Это нередкая ошибка «воспитания» дочерей, и, возможно, отец в последующем мог бы осознать и исправить ее, но ранняя смерть

лишила его такой возможности. В связи с этим перенос пациентки и тщательно завуалированные попытки соблазнения меня в процессе трехлетней работы многократно и чрезвычайно деликатно обсуждались, при этом - всегда с полным принятием этой темы как возможной для обсуждения, но одновременно - с позиций, исключающих какую бы то ни было двусмысленность в отношении ее реализации. Характерно, что первые два года эти обсуждения сопровождалось нескрываемым чувством вины пациентки по отношению к этой теме и страхом отвержения ее уже в самой аналитической ситуации. Сейчас это еще есть, но уже гораздо меньше. В этой же бессознательной вине, как мне сейчас представляется, скрыты корни самопораженчески-мазохистических стереотипов ее отношений с мужчинами вообще (впрочем, как и с женщинами), постоянный эдипальный страх и желание отдалиться от детей (особенно - сына, по ее определению в предварительном интервью, «чтобы не навредить»), а также ее неспособность к глубоким объектным отношениям. Отыгрывание эдиповой вины вовне все еще продолжается, но у него уже немного другая окраска: об этом уже можно говорить и это доступно обсуждению, иногда - даже с оттенком юмора. Можно сказать, что мы вошли или входим в период проработки эдипового конфликта и ее амбивалентности в отношении обоих

родителей. Самое главное и самое большое достижение, а может быть, и самое большое вознаграждение за три года работы - это недавнее заявление пациентки: «Я стала как будто более счастлива, хотя не знаю - почему?» Я немного догадываюсь: почему. Но пусть она сама мне об этом когда-нибудь расскажет. И я думаю, это будет несколько или совсем иная история, чем та, что сложилась в моих представлениях и проекциях. Предлагаемый подход вовсе не исключает возможность, а иногда и необходимость интерпретаций. Но их роль и значение в современной аналитической практике, как представляется, требуют критического переосмысления.

В заключение я должен выразить благодарность моей пациентке за согласие на публикацию этого материала.

Она выразила ее несколько своеобразно: «Если это кому-нибудь нужно...».

Я надеюсь, что нужно.

1 Решетников Михаил Михайлович - доктор психологических наук, кандидат медицинских наук, профессор, ректор Восточно-Европейского Института Психоанализа, президент Национальной Федерации Психоанализа, член Правления РПА и ОППЛ, практикующий психотерапевт психоаналитической ориентации, супервизор НФП, РПА, ОППЛ и Европейской Ассоциации Психотерапии.

2 В частности, Петер Куттер отмечал, что интерпретация дается «психоаналитиком в соответствии с общими для всех людей закономерностями...». Но мы ведь хорошо знаем, как вариативно это «общее». Кстати, в этой же книге Петер Куттер подчеркивает, что «процессы, протекающие в психике аналитика, стремящегося придти к верному толкованию, изучены мало» [2:263-264].

3 Динора Пайнз, например, особо указывала, что мы должны «осознавать, что мы проецируем на пациента», и далее: «Сколь сильно не желали бы мы оставаться в нейтральной позиции... мы должны признать, что мы не нейтральные складские помещения и что нам постоянно нужно осознавать границу между чувствами и установками наших пациентов и нашими собственными» [3:33].

4 Здесь можно было бы «зацепиться» за то, что пациентке, в отличие от матери, нужно было «прикрывать» свое желание смерти матери, но это прервало бы цепь ассоциаций пациентки и могло бы даже прекратить их.

5 С точки зрения классической техники - это почти идеальная ситуация для интерпретации «борьбы» за отца после «минимизации» числа соперниц, но мы пропускаем это, представляя интерпретации пациентке.

6 Пациентка не умышленно пропускает или заменяет слово «бабушка» местоимением «ее», как бы продолжая монолог о матери, это ее бессознательное действует таким закономерным образом, желая, чтобы мать была похоронена.

Литература

1. Кернберг, О.Ф. Агрессия при расстройствах личности и перверсиях. М.: Класс, 1998.
2. Куттер, П. Современный психоанализ. СПб.: БСК, 1997.
3. Пайнз, Д. Бессознательное использование своего тела женщиной. СПб.: ВЕИП, 1997.
4. Решетников, М.М. Основные пути к достижению профессионального признания в психоанализе. //Вестник психоанализа. 1999'2(8).
5. Томэ Х., Кэхеле, Х. Современный психоанализ. Практика. М.: Прогресс-Литера, 1996.
6. Фрейд, З. Введение в психоанализ. Лекции. М.: Наука, 1991.

О человеческой сексуальности Как всё начиналось...

Н.Н.Нарицын

...Многим может показаться странным, что начинается она с каких-то исторически-палеонтологических выкладок, вроде бы к делу не относящихся. Однако именно в истории человеческой сексуальности можно найти ответы на многие вопросы и понять причину многих проблем.

Часто люди замечают, что вот у зверей в плане интима все гораздо проще: в пору шутить, как в известной песне, что "хорошо быть кисою, хорошо собакою..." Одно из основных отличий людей от "братьев меньших" - то, что интимная жизнь человека не привязана жестко к периоду размножения и вообще отделена от размножения (ведь в таком случае, когда соотношение половых актов и зачатий в природе идет фактически один к одному, людям, которые хотят иметь двух-трех детей, было бы положено всего два-три половых акта за всю жизнь...) А за возможность иметь гораздо больше интимных контактов приходится действительно расплачиваться дополнительными сложностями в этой сфере, вызванными именно наличием интеллекта. Более того, человек в сексе реализует не только физиологические потребности и возможность произвести потомство, а еще и социальные, и психологические задачи. И тут во многом появляются сложности, которые оцениваются как сексуальные, а решение зачастую лежит вовсе не в интимной сфере!

Но тогда стоит разобраться прежде всего в том, откуда взялась такая интенсивность и сложность в интимной жизни людей, да и зачем она? Почему человек стал, по выражению известного сексолога А.Комфорта, "самым сексуальным животным" и каким образом стал использовать свою интимную близость, что называется, не только для плотских утех?

Важное уточнение: сразу хочу предупредить, что приведенные выкладки и доводы во многом носят характер гипотезы. Но судите сами - уж больно хороша оказывается гипотеза, если в нее настолько укладывается практически все происходящее в человеческой психологии, и даже физиологии - и в частности, в человеческой сексуальности...

...Давным-давно, когда на земле еще царил достаточный биологический хаос, природа ставила на своих "подопечных живых организмах" массу различных экспериментов. Преобразования происходили одно за другим. Но поскольку размножались подопытные существа примитивным делением, закрепить результаты экспериментов не удавалось никак - все новое практически исчезало в последующем "поколении", возвращаясь на круги своя! Тогда пришлось природе выступить в роли самого настоящего первого консерватора-бюрократа. Ведь, как известно, это неживая природа стремится увеличению энтропии (иными словами, беспорядка), а вот все, что касается биосферы, тяготеет, наоборот, к стабильности... И специально для того, чтобы сохранить результаты прогрессивных достижений в развитии, было "изобретено" двуполое размножение. А точнее - двойная цепочка ДНК.

Здесь необходимо заметить, что подобные формулировки вроде "природа решила, сделала" и т.п., честно говоря, не совсем точны. На самом деле запуск этих процессов имел более сложные - и одновременно более простые - механизмы, не связанные ни с каким волевым решением. И природа как таковая, собственно, не обладает высшим (и вообще каким-либо) разумом, как ошибочно полагают многие (в основном те, про кого говорят, что "Природа - это бог для атеистов"). На самом деле природа - это стихия (поэтому не стоит на нее все сваливать), и все ее преобразования проходят во многом, как говорится, "методом инженерного тыка". И если нет никаких иных обстоятельств, этот "тык" иногда попадает в точку. Помимо того, для подобного попадания у природы в то время было достаточное количество времени и биологического материала.

Так вот. С появлением двуполого механизма размножения результаты преобразований удалось закрепить для передачи последующим поколениям. Ведь при таком подходе вся генетическая информация, необходимая для получения потомства, как бы оказывалась разделенной между двумя разнополыми особями, и для воспроизведения требовалось непременно их слияние. А так как при этом оказывались в наличии как бы две резервные копии генетического кода, то выбиралась та, которая наименее повреждена. Таким образом появление полового размножения позволило "законсервировать" различные конструкторско-биологические природные достижения и сохранить их, что называется, на века. Ведь на самом деле, какая-нибудь инфузория-туфелька так и сохранилась в том самом виде, в каком была много миллионов лет назад! Более того, без полового размножения вся последующая эволюция живого мира шла бы как революция: быстро и в никуда. А при упомянутом способе размножения из всех изменений постепенно отбирались лишь самые рациональные и необходимые. И все, чего удалось достичь живому миру за период развития, сохранилось благодаря именно тому, что для воспроизведения нового поколения использовалось дублирование наследственной информации!... Именно поэтому мы сейчас можем любоваться теми видами фауны, которые существовали на земле миллионы лет назад (ну разве кроме тех видов, которые на сегодняшний день окончательно изведены человеком). Вот теперь давайте обратим особое внимание на судьбу наших, так сказать, предков по Дарвину - в частности, на то, что происходило с ними после ледникового периода. Потому что отсюда берут свое начало многие особенности именно человеческой сексуальности, которые и объясняют наличие многих современных интимных проблем.

Итак, после того как упомянутый период был пережит, часть сохранившихся приматов поселилась в так называемой предледниковой зоне, причем именно на берегах крупных рек. (Есть теория, что это были не реки, а море, но она не очень состоятельна. Ведь река была необходима для увеличения возможностей пропитания: в ней живет много потенциальной еды, да и в пойме рек съедобной растительности больше... А море - оно не предполагает проживания на границе суши и воды - либо там, либо там.)

Собственно, предки наверняка не отказались бы поселиться на берегах более теплых рек, однако случилась накладка: в теплых водоемах уже обосновались крокодилы. Это были фактически полные конкуренты за область обитания - причем довольно конфликтные и неприятные.

Да, и в самом деле вряд ли нашими ПРЯМЫМИ предками все же были современные обезьяны - ведь крокодилы с обезьянами напрямую не конкурируют. Хотя бы потому, что обезьяны не хищники, а крокодилы не лазают по деревьям. Таким образом получает подтверждение гипотеза о том, что непосредственно люди произошли от иного вида высших приматов (на сегодняшний день не сохранившихся - как промежуточный этап эволюции...). И прямые наши предки по деревьям не лазили, а жили именно около воды - были хищниками, но могли употреблять и растительную пищу. У такого предположения, что предок человека чуть ли не должен был быть таким околководным хищником, есть свои доводы: во-первых, возле реки удобно промышлять и собирательством (ракушки всякие, растения, причем именно прибрежные и пойменные - не ягель и не верблюжья колючка; а во-вторых, что главнее, тому предку человека, который, будучи хищником, не имел специальных орудий для охоты, удобнее всего было добывать мясо, когда это "мясо" приходило на водопой. К тому же скрыться от глаз потенциальной добычи удобнее тоже в воде или в прибрежной растительности.

Так что наши предки решили вполне разумно: раз более теплое местечко занято, надо выживать там, где еще осталось пространство для жизни! Тем более, что в отличие от крокодилов, они были теплокровными - проще было приспособиться в более холодной зоне. И предки подались в более северные места.

Однако в местах их нового обитания был климат мало того что неустойчивый, но еще и так называемый континентальный: то есть днем жара, ночью холод, а из-за близости ледника - резкий холодный ветер. На них была шерсть? Верно. Но как раз в это самое время она стала человеку мешать. В жаркий день шкура вполне могла привести к перегреву вследствие плохой работы потовых желез, а ночью не спасала полностью от ветра и холода. В ночное время от переохлаждения запросто можно было умереть. А как греться ночью? Тогда человек еще не был пещерным. Естественных укрытий на всех не хватало (вот когда появился пресловутый квартирный вопрос!) К тому же речь идет о том периоде, когда человек еще не знал огня...

И есть серьезные основания полагать, что в таких условиях предлюди согревались ночью так называемым методом выстаивания. В принципе, им всю еще тогда (и до сих пор) пользовались пингвины. Стая на ночь собирается тесной толпой в кружок и так переживает непогоду, согреваясь друг о друга. Это стало причиной еще и того, что люди постепенно начали выпрямляться и подниматься с четверенек: кто более вертикально стоял, тот более тесно прижимался, лучше согревался и чаще выживал. Выжили и те, на ком было меньше шерсти - потому что она мешала обмену взаимным теплом.

Вот только сверху у такой толпы прикрыться было нечем - именно поэтому немножко шерсти осталось на голове. А на всем теле шкура постепенно атрофировалась, уступив место обычной голой коже. Таким образом мы получили практически то, что имеем сегодня: прямоходящую особь на двух ногах, с волосами на голове и безволосым телом (рудиментарные волосы как бы не в счет).

Так вот: потому, что при резком изменении погоды и при защите от крупных зверей предлюдям помогало сплочение в одну кучу - удовольствие от такого сплочения закрепилось в их бессознательном, точнее, в центре удовольствия. Иначе говоря, собираться вместе и стоять, тесно прижавшись друг к другу, им стало приятно. Таким образом эксплуатация центра удовольствия в целях выживания привела к своеобразной эротизации человека.

И ко всему прочему человек с тех времен получил еще одно генетическое наследство - статус "социального животного", а точнее - тягу к совместному выживанию, к всеобщему преодолению трудностей, к сплочению... Именно потому большинство людей, нуждаясь в защите, хотят именно прижаться к кому-то.

Здесь давайте скажем несколько слов о том, что такое вообще центр удовольствия.

Все, что направлено на сохранение и продолжение рода, изначально живому существу приятно. Это уже мы, разумные люди, отделили собственно секс от рождения детей, а вообще он из той же категории, что и еда, и сон, и забота о собственной безопасности... В результате многие расценивают любое раздражение центра удовольствия как сексуальное возбуждение.

Например, по тому же механизму возникает любовь к детям, в том числе желание их оберегать и ласкать. Обычно человеку приятно погладить собственное дитя по головке, чмокнуть в макушечку, посадить на колени или просто взять на руки. И от ласк собственного ребенка незакомплексованный человек получает удовольствие. Но порой люди не отличают и этого удовольствия от сексуального возбуждения. И тогда человек говорит: неужели я педофил? Нет, конечно. Более того, ваши ощущения естественны. А вот если из-за страха перед этими ощущениями вы предпочитаете собственных детей не ласкать, а ругать и шлепать - тогда дети вырастут озлобленными, нервными, неконтактными.

А на самом деле нашему бессознательному неважно, какого рода удовольствие мы получаем: спим, едим, занимаемся любовью или делаем еще что-то, что сохраняет человека как вид. Это может быть удовольствие и от творчества. и от работы - так называемое явление сублимации, о котором чуть ниже поговорим подробно.

И эротизация человека помогала ему выжить - именно потому, что прижиматься друг к другу людям стало приятно. Таким образом, центр удовольствия "записал" эту информацию как полезную, и люди стали... гиперсексуальными.

Тут следует определить, что понятие человеческой гиперсексуальности - это вовсе не то, что подразумевается под этим словом сейчас. На сегодняшний день гиперсексуальностью обычно называют излишне частые половые контакты (хотя термин "излишне частые" в принципе очень расплывчат. И для каждого человека потребность очень индивидуальна). Гиперсексуальность нашего предка заключалась в том, что в отличие от животных, которые практикуют интимную близость только в период размножения и только с целью воспроизвести потомство, человек стал заниматься сексом на протяжении всего времени и в гораздо больших количествах, чем требуется для продолжения рода (судите сами: если самка человека, скажем так, способна за период репродукции родить в среднем 20 детей, то получается, что человеку было бы достаточно только 20 половых актов за всю жизнь. Но не мне вам рассказывать, что многие люди, причем не такие уж гиперсексуальные в современном смысле, эту норму выбирают за одну-две недели...).

...Вообще-то необходимость активного выживания в не слишком комфортных природных условиях дала предкам человека все-таки существенный стимул интеллектуального развития. Но чтобы этот стимул реализовать, необходимо было тоже экспериментировать... не говоря уже о том, что вначале приспособление к таким условиям уносило большое количество человеческих особей. Плюс к тому уже тогда первобытный человек стал хищником, и значит, его жизнь и так была коротка... И "предкам" пришлось отказаться от испытанного природой и проверенного средства естественного отбора (моногамный брак) и пуститься, что называется, во все тяжкие. Именно этот период выживания стал одновременно периодом и раннего человеческого промискуитета. Поэтому совершенно неверно называть беспорядочные половые связи "животными". Гораздо вернее называть их человеческими - ну если хотите, первобытно-человеческими... В это время предлюди стремились воспроизвести как можно больше новых особей для сохранения вида. Ведомые инстинктом, самцы пытались передать свою сперму как можно большему количеству самок, а самки, в свою очередь - собрать генетический материал от возможно большего количества самцов. Это был период самого настоящего свального греха (хотя это понятие появилось намного позже).

Кстати, именно этот период кардинальным образом повлиял на фазовость человеческой сексуальности. При избыточной эротизации и тяге особей к промискуиту самке предчеловека пришлось "учиться" маскировать эструс (то, что у животных обычно называется течкой) - поскольку в такой плотной толпе скрыть "готовность к размножению" было очень сложно, и явные проявления такой готовности, во-первых, нарушали "равномерное распределение генетического материала" - все самцы набрасывались на эту самку, обделяя других. И таким образом уменьшали "равномерность распределения контактов" и равномерность зачатия потомства (а значит, уменьшение его количества). А во-вторых, явно не поздоровится в такой ситуации и той особи, на которую чуть ли не

одновременно набрасываются толпа "кавалеров", привлеченных запахом ее эструса. Вообще самка человека, у которой момент готовности к оплодотворению (или как мы сейчас называем, овуляции) не будет замаскирован, просто не выживет от такого обращения. И таким образом опять же постепенно на уровне естественного отбора произошло то, что также отделяет человека от животных - уже в области физиологии: у человека разделены процессы овуляции и месячных (которые многие специалисты считают аналогом эструса у животных), да к тому же фаза овуляции явно не выражена. Именно особенности существования человека в этот период привели и к тому, что сейчас женщина вынуждена идти на всякие ухищрения, чтобы определить момент своего оплодотворения (чаще всего затем, чтобы такового избежать).

Кстати, можно еще сказать, что до сегодняшнего дня человек сохранил генетическую, инстинктивную потребность к активной и даже беспорядочной половой жизни именно в периоды всякой нестабильности, угрозы выживания и т.п. Вообще любую революцию сопровождают не только разруха, голод и жертвы, но еще и всплеск того самого первобытного промискуитета. Вспомните 17-й год с его теорией "стакана воды" и демонстрациями "долгой стыд", послевоенные "беби-бумы", а заодно и нашу сексуальную революцию периода перестройки ("перестрелки"?). Чуть только появляется угроза жизни - тут же начинается всплеск беспорядочной сексуальной активности. Поэтому кстати, вместо того, чтобы говорить о цензуре в СМИ, взяли бы да позволили людям почувствовать себя стабильно и уверенно - сразу бы значительно упала гипертрофированная тяга ко всякой "порнухе", "разврату" и тому подобным явлениям...

И еще к слову. Приходилось слышать мнение, вроде бы подтверждающее сказанное: мол, каждый мужчина по сути своей стремится раздать как можно большему количеству дам свой генетический материал, именно потому, мол, все мужчины полигамны и в принципе невозможно требовать от них верности... Но вот тут давайте внесем существенную поправку. Как выяснилось, такое стремление "разбрасывания материала" проявляется только при ощущении нестабильности и угрозы выживанию. Одно дело, когда действительно есть такая тенденция - но тогда столь же беспорядочно начинают вести себя и особи женского пола - а как же иначе, ведь процесс принятия спермы тоже более-менее активный!) Но когда этим оправдываются отдельно взятые самцы - тогда вполне можно заметить, что толкает их на такое промискуитетное поведение их собственная, внутренняя нестабильность, своя внутренняя неуверенность в завтрашнем дне и в самом себе... То есть во многих отдельных случаях беспорядочный промискуитет (кстати, как мужской, так и женский) - не что иное, как самая настоящая паника, выраженная таким завуалированным способом...

Однако вернемся снова к нашим предкам. Через некоторое время, когда они все-таки приспособились к своим погодным условиям и научились в них выживать, нужда в большом количестве новых особей - а значит, и в промискуитете - отпала. Кроме того,

период промискуитета был еще и возможностью самого человека (точнее, его предка) самостоятельно экспериментировать со своим "генетическим материалом). И вот когда фаза эксперимента прошла, были получены определенные результаты, которые следовало сохранить - тогда период промискуитета пошел на спад, что в то же время совпало с падением актуальности выстаивания.

Но пока человек сохранял тепло этим коллективным способом, в такой тесной толпе он выпрямился, а руки потеряли функцию опоры и освободились для манипуляторных функций, оказавшись к тому же постоянно в поле зрения: это дало людям новый толчок развития. Кстати, в своих тесных толпах стоящие по краям особи (как правило, молодые и сильные самцы) использовали свободные руки как инструмент защиты. И если кто-то нападал, кидали в него палки. Но что происходило, если "нападал" огонь? Кидай в него палки, а он их ест... И очень скоро люди узнали: если огонь кормить палками, на нем можно готовить еду и греться. В этот период окончательно атрофировались остатки шерстяного покрова на теле: гладкая кожа более успешно утилизировала тепловую энергию огня, а шкура мешала согреться. А подойдешь ближе - загорится...(и не зря на инстинктивном уровне огня боятся звери). Итак, человек с освоением огня перестал нуждаться в выживании плотной толпой, однако избыточная сексуальность (иными словами, стремление спариваться не только в период размножения) осталась.

Во многом потому, что к этому моменту сексуальность человека потеряла значение только способа размножения и стала использоваться и для других целей, и прежде всего - для получения чувства защищенности (тесный телесный контакт). То есть уже на уровне нашего предка - "человека огненного" - зародились так называемые социальные функции секса. Эти функции на протяжении всего исторического времени совершенствовались - вот в результате мы и получили, что сейчас секс у людей стал не только физиологическим актом (если хотите, это в принципе самое малое его значение). С помощью секса люди выражают любовь и ненависть, власть и преданность, утверждают командование и пытаются общаться... К тому же именно с тех времен идет то, что сексуальное общение - это не только контакт половых органов! Ведь приятно было прежде всего именно телесное соприкосновение, а дальше уже - как получится... Кстати, отсюда возможно берет свое начало такая перверсия, как фроттаж - стремление к тесному контакту в толпе, причем часто в общественных местах или в транспорте...

Возможно, тут играет свою роль бессознательное атавистическое стремление к тому самому всеобщему телесному контакту, который давал даже не столько сексуальное удовольствие, сколько чувство безопасности. А поскольку, как выясняется, центр удовольствий иногда не разделяет удовольствие от секса и удовольствие от защищенности, такие "прижимания" к посторонним людям в толпе нередко вырождаются в способ получения возбуждения и интимной разрядки... Кстати, в период выстаивания в середине толпы оказывались наиболее ценные особи: старые самцы -

предводители и учителя - и молодые самки с детенышами. Таким образом, ощущение того, что тебя зажали со всех сторон, может вызвать в генетической памяти человека ощущение своей ценности - в том числе и этим может быть привлекательна езда в набитом транспорте! Кстати, другой вид такого стремления почувствовать себя значимым - тяга к объятиям, когда тебя берут, что называется, в обхват. Некоторые жены именно ради этого, кстати, провоцируют драку с мужьями - только чтобы их обхватили что есть силы (но это уже проявление некоего садомазохизма, о котором речь пойдет в главе четвертой).

Кстати говоря, приятность прикосновений (ставшая зачатком человеческой гиперсексуальности) оказалась еще и неким символом единения между партнерами. Признанием того, что они вместе, а то и как бы сливаются в одно целое... Вот еще одна функция интимного общения людей - выражение признания, доверия, слияния. Причем не обязательно при непосредственном контакте половых органов...

Итак, именно в процессе выстаивания появляется потребность определить, кто в стае наиболее ценная личность (которую прячут в середину для наибольшей защиты), а кем можно и пожертвовать (эти будут стоять с краю и защищать остальных от внешней угрозы). И тут берет свое начало система человеческой иерархии. Именно в этот период сексуальность человека получает еще одну социальную функцию - утверждения своей значимости и власти. Тут же к зачаточному табу "не убий" (поскольку все были хищниками, то без этого табу не выжили бы) прибавился прообраз табу "не возжелай жену ближнего своего". Иными словами - не вступай в близость с чужой самкой, таким образом проявляя агрессию на самца... То есть секс стал еще и инструментом правового регулирования! И это своего рода "первобытное право" распространилось в том числе и на интимные отношения. То есть таким образом человек закрепил свое преимущество над животными - ограничение сексуальности посредством возврата к моногамии. А когда стая, в процессе освоения огня постепенно терявшая потребность собираться вместе, стала расходиться по отдельным жилищам, то выяснилось, что одно жилье вместить всех ее членов не в состоянии. То есть стали появляться прообразы неких селений, между которыми было необходимо общение. Как это сделать? Проще всего - своего рода "браки" между членами групп. То есть появилась и еще одна функция секса - коммуникативная...

Вот и выходит, что человеческий секс - это сложная, многозадачная структура, при "наладке" которой простые решения не всегда верны. Если у современного человека происходит какой-то сбой в сексуальной сфере, то последнее дело кормить его какой-нибудь виагрой!!! Ведь вполне вероятно, что у него разладилось что-то в социальных функциях интимной жизни, которых как видно, великое множество. И вследствие этого сбоя человек бессознательно блокирует свою сексуальную функцию. Поэтому в данном случае у него от неверно примененных стимуляторов в лучшем случае будет инфаркт...

А также не слишком правы те, кто надеется именно на чисто физиологические отношения: мол, встретимся, переспим и пойдем дальше, как будто ничего не случилось. Извините, так не бывает: в процесс такого контакта непременно вмешаются всякие психологические взаимоотношения - именно потому, что с довольно давних времен человеческая сексуальность сцеплена со всякими социальными и общественными функциями! То есть за возможность вступать в интимную близость не только в период размножения, пришлось фактически заплатить психологической нагрузкой на секс. И поэтому и проблемы у людей бывают в этом случае вовсе не технического характера. И сексуальное общение как правило не ограничивается близостью: тут обязательно пойдет либо потребность в защите, либо самоутверждение, либо тяга к экспериментам... да все, что угодно! Поэтому человеку иногда так сложно расхлебывать последствия какой-нибудь совершенно случайной связи.

Не говоря уже о том, когда сексуальная функция людей становится мерилom его социальной ценности вообще! Широко известен пример из нашей новейшей истории, что "коммунист не должен быть импотентом". Но в период действия этого лозунга мало кто интересовался, почему у этого коммуниста не получается ничего с супругой (которая, недовольная, приходила жаловаться на мужа в партком): может быть, этого мужа, извините, затрахали на работе - часто на нелюбимой? Может быть, ему жена психологически чужая, и он ее именно на уровне общения не воспринимает? А может быть, у него какие-то иные глубинные проблемы? Но никто в этом не копался. Не "можешь" - частенько партбилет на стол; а в тридцатые годы могли и серьезнее подойти к вопросу...

Кстати о новейшей истории: сейчас широко уже известен тот факт, что наше государство, стремясь для более результативного манипулирования гражданами истребить в них все личностные потребности и превратить людей в винтиков, всячески подавляло проявления сексуальности, как ревнивая жена. Мол, что это люди будут любить друг друга, а кто же будет любить партию? Они будут заниматься любовью, а кто же будет на субботники ходить? Но самое интересное, что тут вдохновители такой идеи фактически пошли в направлении, прямо противоположном! Ну собственно, это им не привыкать. То реки вспять повернут, то еще что-нибудь придумают... А на самом деле еще на том самом уровне зарождения человеческой гиперсексуальности, в период интенсивной эксплуатации его центра удовольствия в целях выживания, большинство трудовых процессов стало человеку приятно именно наравне с интимной близостью! Только потому, что практически все эти процессы... включают однообразные ритмические движения, которые в результате гиперсексуальности в принципе закрепились как приятные (уже независимо от собственно процесса спаривания) - потому что и в труде, и в интимной близости способствовали выживанию человека как вида. Ведь, скажем, для того, чтобы сделать один каменный топор, на уровне тогдашней технической оснащенности было нужно очень долго ритмично и однообразно долбить

камень. Так для того чтобы человек все же дождался результата, закрепилось удовольствие именно от подобного процесса! Если хотите, это удовольствие - в принципе основа любого труда. И его именно потому легко спутать с сексуальным, что центр этих ощущений опять же единственный.

Но вот тут многие могут сказать: чем же неправы были советские идеологи, когда пытались заменить секс трудом? А тем, что это приятно, пока идет от внутренних потребностей. Когда же труд пытаются навязать - это уже будет не удовольствие, а изнасилование. Человеку необходимо было, чтобы его труд одобрялся социально и была внутренняя мотивация. Иными словами - работать на своем дачном участке, где была хоть какая-то ощутимая польза - называлось спекуляцией и социально презиралось, а то и преследовалось (как любой труд ради собственной выгоды). А вот вкалывать на родном заводе, особенно когда видишь, как большая часть заказанной тебе продукции идет по разряду "квадратные колеса" - это поощрялось, однако внутренней мотивации не было никакой. И от такого труда получать удовольствие, которое легко перепутать с сексуальным, было очень трудно. Вот и не получалось... Кстати, побочный вывод таков: Хотите, чтобы человек работал с полной отдачей и с удовольствием, не отвлекаясь на мелочи - создайте ему внутреннюю мотивацию, точнее - явную выгоду именно для него). А во-вторых, его труд должен быть социально одобрен. Что хорошего работать на предприятии, продукцию которого никто не покупает, или в органах, работников которых никто не уважает? И в таком случае люди сами себе начинают создавать и мотивацию, и выгоду... А когда все эти условия соблюдены - многие начинают гореть на работе, забывая про собственную интимную жизнь - а то и компенсируя проблемы в ней "ударным трудом".

Вот тут как раз стоит сказать несколько слов о сублимации. Итак, центр удовольствия у человека один - им генерируются абсолютно все приятные ощущения. И лишь наше сознание раскладывает все эти удовольствия "по полочкам" - на сон, на еду, на безопасность, на общение с детьми, на творчество, на секс...

А когда сознание дает неверную оценку бессознательным ощущениям, иначе говоря, кладет "не на ту полочку", - вот тогда возникают проблемы, называемые "замещением ощущений". То есть, например, когда удовольствие от физического труда или от воспитания детей заменяет удовольствие сексуальное. Чаще всего взамен секса люди начинают интенсивно заниматься творческой, социальной и политической деятельностью - именно это обычно называется фрейдовской сублимацией.

Однако нельзя сказать, что все испытываемые людьми удовольствия есть результат перерожденного сексуального влечения. Опять повторим, что любое действие, направленное на выживание и сохранение вида, приносит удовольствие, закрепленное на генетическом уровне - как у пчел, собирающих мед, или у муравьев, кормящих свою царицу, или у птиц, выующих гнездо - они же явно все это делают бессознательно, хотя бы потому, что сознание у них не столь развито! Более того, когда родитель наказывает

ребенка или ласкает его - все это он делает именно для выживания рода (пусть ребенок не делает того, что опасно, но в то же время получит подтверждения родительской любви и вырастет адекватной личностью). Правда, нередко это стремление перерастает (в зависимости от родительского психологического акцента) либо в гиперопеку дитя, либо в откровенный садизм. Просто человеческое бессознательное в развитии не успевает адаптироваться к изменению социальной "надстройки" и среды - отсюда, кстати, возникают и многие сексуальные проблемы.

И современные психоаналитики именно в этой области взялись критиковать самого Фрейда: во-первых, начали с того, что "сублимация - часто используемое в психоаналитической литературе понятие, оно настолько отвечает глубинным задачам фрейдовского учения, что трудно даже понять, как можно без него обойтись. Однако мы не располагаем связной теорией сублимации, что остается существенным пробелом в психоаналитической мысли" (словарь по психоанализу Лапланша и Понталиса).

Потом, стали появляться высказывания, что пансексуализм Фрейда (то есть стремление все основывать на сексуальности человека) нецелесообразен - правда, есть другая точка зрения, что сам Фрейд на самом деле и не стремился к пансексуализму, иллюстрируя проявления человеческого бессознательного на примере интимной области лишь потому, что она наиболее наглядная... И действительно - по логике получается наоборот: не все прочее поведение от секса, а именно секс, вернее, формирование сексуального поведения, во многом зависит от социальных, психологических и даже экономических факторов!

В конце концов, все можно довести до абсурда, даже фрейдовскую теорию. Как известно, иллюстрацией человеческого бессознательного являются сновидения. И это тоже часть теории Фрейда. Но очень часто сновидения толкуются именно исключительно в рассуждении сексуальных проявлений - даже если для этого толкования приходится притягивать за уши. Вот два примера.

Молодая девушка рассказывает свой сон, где самая яркая деталь - будильник, который показывает шесть часов. Эта ассоциация могла быть вызвана чем угодно, однако горе-психоаналитик, что называется, рубит сплеча: все понятно, Вы хотите секса! (а дело было еще в пору, когда сексуальная революция еще не начала греметь, так что юная девственница не на шутку испугалась). И спросила: почему? Тогда консультант снизошел до объяснения: мол, часов-то шесть, а шесть по-английски - звучит как секс"... Эту ассоциацию, если можно так выразиться, притянули даже не за уши, а за горло. Начнем с того, что оба собеседника и говорили, и думали по-русски. При чем тут английский язык? Затем, если уж быть фонетически точными, по-английски шесть звучит не как "секс", а как "сикс". Что, согласитесь, именно в ассоциативном смысле существенно. И потом, если уж говорить об ассоциациях, бессознательные проблемы могли быть связаны и с цифрой "шесть", и с самим будильником, и с чем угодно еще - смотря на каком столе

этот будильник стоял, где девушка его видела раньше... Но нет, консультанту показалось проще всего упереться в секс - причем по-английски...

В перерыве между консультациями беседовала группа психологов. Один из собеседников, ярый поклонник пансексуализма, рассказывал: сегодня одна его клиентка поведала, что ей третью ночь снится, будто она едет на машине. Он и начал ей втолковывать, что у нее скрытые сексуальные проблемы, потому что, мол, "по Фрейду" (бедный Фрейд!!!) езда на машине во сне якобы обозначает стремление к оргазму. А дама никак не хочет в этом стремлении признаваться (забегая вперед, скажу, что все было проще: подобные вещи снились даме потому, что она как раз в эти дни начала получать уроки вождения, что было для нее весьма острым, ярким и актуальным переживанием).

Однако в ответ на такое утверждение другой психолог (причем никоим образом в гомосексуальных тенденциях не замеченный) сказал: "Правда? А вот мне пару дней назад снилось, что я на большом грузовике "сдаю задом..." Слушатели засмеялись, и на том дискуссия закончилась.

Таким образом, в человеческом бессознательном опять же далеко не все идет от секса - скорее проблемы с сексом возникают нередко из-за прочих скрытых ощущений!

Более того, действительно в итоге разговора получается, что в реальной жизни людей простого секса "только ради физиологии" практически не бывает! (Ну, за исключением разве что окончательно примитивных личностей...).

Всегда интимная близость людей несет какую-то дополнительную "социальную нагрузку", всегда она, если можно так выразиться, отягощена еще каким-то дополнительным смыслом и значением - кстати, в основном бессознательным. Именно поэтому, как правило, могут возникать в интимном общении людей всякие проблемы, недовольства и неудовлетворенности - не потому, что не произошло физиологической разрядки, а оттого, что не сложилось что-то именно в психологическом плане! Например, очень часто бывает так, что каждый из партнеров преследует в близости какие-то свои внутренние дополнительные цели, имеет на эту близость свои взгляды - у каждого разные. И когда в результате эти цели не совпадают и кто-то остается неудовлетворенным именно в этом плане - вот тогда возникает и недовольство, и разочарование, и тому подобное...

В сексуальную функцию людей включены практически все человеческие чувства и ощущения. Вообще мне не раз приходилось в работе вспоминать высказывание одного из моих коллег: "Вот когда, извините, осел видит самку-ослицу в состоянии эструса (или говоря привычными словами - течки), у них все пойдет по плану и все прекрасно получится. То есть, иными словами, - все, что в сексе у человека создает беспокойство, нервное напряжение и прочие проблемы, возникает только от того, что он человек, а не осел".

Вот и получается, что основная эrogenная зона у человека - голова. Вернее "то, что в голове".

И за свой человеческий интеллект действительно приходится расплачиваться именно интимными неурядицами!

*Фрагмент из книги
Нарицын Н.Н. "О сексе и не только".
См. Сайт Н.Н.Нарицына*

Психоанализ, психофизиологический тип личности и вопросы сексуальности

Т.В.Алейникова

*Человек, его тело и его дух, представляют собой попытку,
состоящую из попыток
(С. Фанти)*

Психоанализ, по представлениям С.Фанти [7], есть конечный результат бесчисленных, бьющих ключом попыток вырваться за пределы бессознательного, понять происхождение и основы психоматериальных явлений. Суммой попыток является и жизнь, приводящая к смерти, и само влечение к смерти, связанное с влечением к жизни [7,8,10,14,15]. «Любое жизненное проявление - это движение от-и-к смерти, что, в свою очередь, служит трамплином для жизни. Следовательно, являясь центром влечения к смерти-жизни:

а) смерть - это ось жизни;

б) жизнь - это несчастный случай, произошедший по причине энергетического провала смерти» (С.Фанти).

И тем не менее, именно этим «несчастливым случаем» хочется воспользоваться наиболее рационально. И именно психоанализ порой выступает как орудие, позволяющее оценить положительные стороны и ошибки этого «несчастливого случая», дабы по возможности скорректировать его.

Одной из центральных проблем психоанализа, по крайней мере применительно к жизненным ситуациям людей молодого и зрелого возраста, является проблема сексуальных отношений [2-4,7-9,13,14]. Практически всегда, когда речь идет о дискомфорте супружеских (либо партнерских) отношений, вопрос упирается в психосексуальную сферу. Что здесь первично, трудно сказать - в ряде случаев плохая психологическая совместимость отражается пагубно на сексуальных отношениях, а часто наоборот, сексуальное несоответствие партнеров способствует нарушению психологического климата, в результате чего возникает замкнутый порочный круг, в котором психологический дискомфорт, усиливая сексуальный, сам вследствие этого все более углубляется, что приводит в конечном счете к разрыву отношений.

Естественно, возникает вопрос о возможностях психологической и сексуальной совместимости людей, а также о связи некоторых психофизиологических и психосексуальных характеристик. При этом не следует забывать, что эта связь не жесткая, а весьма вероятностная.

При существующем на сегодняшний день множестве типологических классификаций [12] мы будем придерживаться классической

гиппократовско-павловской как наиболее обобщающей, выдержавшей испытание временем и предусматривающей наличие четырех основных типов и практически континуума промежуточных [5].

Естественно на межличностные отношения существенный отпечаток накладывают типологические особенности высшей нервной деятельности партнеров, позволяющие установить либо бесконфликтные, либо напряженные партнерские отношения, приводящие рано или поздно к конфликтам. Но прежде чем обсуждать возможные психологически удачные и неудачные союзы, хотелось бы предупредить, что любая схема, даже самая хорошая, остается схемой, гораздо более бедной, чем реальная жизнь, и поэтому не следует к ней относиться как к абсолюту. («Теория, мой друг, суха, но зеленеет жизни древо» - Гете).

Наши наблюдения проводились на проходивших в научно-практическом центре валеологии РГУ психоаналитическое обследование и психокоррекцию 70 анализантах в возрасте от 16 до 38 лет (55 женщин и 15 мужчин). Почти все они имели четко выраженные сексуальные проблемы, хотя в начале беседы с психоаналитиком нередко ссылались на другие мотивы, побудившие их обратиться за помощью. Однако, как правило, в первой же беседе выявлялись истинные глубинные причины, вызывающие дискомфорт в мироощущении анализантов и лежащие в психосексуальной сфере.

Психоанализ проводился при комбинации классических методов З.Фрейда [8,9] и К.Г.Юнга [11,13,14] (с использованием катарсиса, ассоциативного эксперимента, анализа элементов свободного и активного воображения, анализа сновидений и детских воспоминаний) с трансактным анализом и анализом игр Э.Берна [2] и методом гештальтподхода Ф.Перлза [6].

Кроме того, исследовались типологические особенности анализантов по опросникам Айзенка и Стреляу.

Типологическое распределение среди проанализированных мужчин оказалось следующим: из 15 человек сангвиников (С) было 3, холериков (Х) - 4, меланхоликов (М) - 4, сангво-холериков (СХ) - 2, флегмо-меланхоликов (ФМ) - 2 анализанта, а сангво-флегматиков (СФ), как и чистых флегматиков (Ф), среди анализированных мужчин не оказалось, вероятно, в силу очень малой выборки. У женщин из 55 анализанток С оказались в количестве 10, Ф - 6, Х - 4, М - 8. СФ - 9, СХ - 11, и ФМ - 7. Таким образом, среди прошедших психоанализ в целях психокоррекции имелось 28 представителей средней типологии (С, Ф и СФ) и 42 представителя крайней типологии или с чертами крайних типов (Х, М, СХ и ФМ).

Исследования психологических характеристик личности позволили нам внести некоторые дополнения в схему Э.Берна [2] для людей разной типологии [1], заключающиеся в дифференцировании значимости «Детского» (Д), «Взрослого» (В) и «Родительского» (Р) этажей («Я»-состояний) личности, что дает возможность оценить диапазон совместимости людей разных типов (см рисунок).

*Рис. Дифференцирование «Я» состояний:
двесплошные линии - доминирующее «Я»-состояние,
одна сплошная линия - субдоминирующее «Я»-состояние,
пунктирная линия - вытесненное «Я»-состояние.
Остальные пояснения - в тексте*

Итак, у С доминирует В-, субдоминирует Д- и в значительной степени вытеснено Р-состояние;

у Ф доминирует также В-состояние, субдоминирует Р- и весьма сильно вытеснено Д-состояние;

у Х доминирует Д-, субдоминирует В- и значительно вытеснено Р-состояние;

у М, также как и у Х, доминирует Д-состояние, субдоминирует Р- и существенно вытеснено В-состояние.

Однако Д-позиции Х и М различаются по эмоциональной окраске: у Х - это радость и гнев, у М - тоска и страх. Кроме того, у Ф и М возможно передоминирование состояний (на схеме - линии, направленные влево): В и Р - для Ф. Д и Р - для М.

Отсюда ясно, что наиболее адаптивны С и Ф, имеющие доминирующим В-состояние, затем - Х, у которого В-состояние субдоминирует, в то время как М со слабым В-состоянием наименее адаптивен.

Что касается совместимости людей разных типов, то С и Ф практически совместимы (хотя и в разной степени) со всеми типами, Х и М - только со своим и с ближайшим (для Х это С, для М - Ф).

Более детальный транзакционный анализ показывает, что С наиболее легко взаимодействует с С, затем - с Х (с которым у него два общих этажа: В и Д), затем - с Ф (с которым его роднит уравновешенность возбуждительного и тормозного состояний) и лишь потом - с М.

Ф легче всего контактирует с Ф, затем - с М либо с С и только потом - с Х, слишком быстрым для Ф.

Для Х в качестве партнера наиболее желателен С, который может несколько уравновесить Х, затем - Х, потом - Ф и наименее желателен М, с которым Х склонен сильно конфликтовать («гремучая смесь»!).

Для М наиболее подходящим партнером является Ф, который, будучи медлительным, рассудительным, а нередко и демагогичным, как и М, но в отличие от него малоэмоциональным, способен сбалансировать и успокоить эмоционально неустойчивого М с обидчивым Д-»Я»-состоянием (в отличие от радостного Д-»Я»-состояния С и радостного и гневного Д-»Я»-состояния Х). Вторым по значимости партнером для М является сам М, затем - С,

который, хотя и быстроват для М. но, благодаря его доминирующему радостному и доброжелательному настроению, все же меланхоликом переносится лучше, чем Х, который для М, как постоянный психологический партнер, очень труден (гораздо труднее, чем М для Х, ибо Х все же неплохо адаптивен, чего о М сказать нельзя).

Таким образом, Х и М представляют собой наиболее конфликтную пару. К тому же, крайние типы (Х и М) наиболее склонны к деструктивному поведению - это касается всего, включая и творческую деятельность, и партнерские отношения, причем Х обычно идет на это вполне сознательно, а М - часто в значительной степени неосознанно.

Однако в то же время люди именно этих темпераментов часто тянутся друг к другу и порой объединяются в союзы, которым предопределено стать трагическими (особенно, если Х - женщина, а М - мужчина, ибо Х склонен к лидерству, а мужчина лидерство женщины приемлет с трудом). Причина взаимного притяжения людей этих типов состоит в основном в том, что закомплексованного интровертированного М привлекает веселый, раскрепощенный экстравертированный Х, а «легкого» Х - глубокий М (часто к тому же творческий). Но к сожалению, при длительном партнерстве (особенно при совместной жизни) несоответствие темпераментов зачастую перекрывает первоначальный взаимный интерес, который довольно скоро уступает место взаимному раздражению.

Ну и конечно, не последнюю роль играет психосексуальная сфера. В этой статье мы не станем рассматривать вопросы сексопатологии, хотя, во время психоанализа в 10% случаев выявлялись бисексуальные или даже гомосексуальные ориентации анализантов обоего пола. Однако, и при нормальной гетеросексуальной ориентации партнеров нередко выяснялось их недостаточное сексуальное соответствие из-за некоторых особенностей высшей нервной деятельности, сопряженных с их типологией (например, более медленное нарастание возбуждения у Ф и М и более быстрое - у С и Х). А согласованность в сексуальных реакциях - тоже обстоятельство немаловажное.

Так, если у женщины оргазм наступает более быстро, чем у мужчины, это может вообще не породить дискомфорта у партнеров. Обратные же отношения (быстрая эякуляция у мужчины при медленно развивающемся и запаздывающем оргазме у женщины) оставляет женщину неудовлетворенной, что при повторных подобных ситуациях вызывает у нее появление повышенной раздражительности, при этом причина ею не всегда осознается.

Следует отметить, что именно у мужчин-М часто при очень медленном нарастании эрекции может иметь место очень быстрая эякуляция при малом числе фрикции, практически почти сразу вслед за интродукцией (что может рассматриваться как характерное для слабого типа проявление раздражительной слабости на фоне повышенной тревожности). И это все при том, что М как раз наиболее чувствительны и, как правило, отличаются повышенной чувственностью. У женщин меланхолического темперамента

оргазм может протекать вяло или вообще отсутствовать из-за различных психологических проблем, которые почти перманентно угнетают людей меланхолического типа.

В то же время именно у женщин-М и Х нередко встречается полиоргазмия, которая, конечно, лучше реализуется при пролонгированном половом акте. Однако и здесь есть различия в реагировании женщин-Х и М: женщины меланхолического типа, как правило, нуждаются в длительной прелюдии (из отчетов анализанток-М: «прелюдия должна занимать минут 20 - 30»), в то время как полиоргастичные женщины холерического темперамента подчас способны реагировать почти сразу (из отчетов анализанток-Х: «если мужчина очень нравится, то бывает достаточно даже его прикосновения»).

Другая типологическая особенность сексуальности - это более сильная зависимость сексуальной настройки от психологического состояния у Х и М, чем у С и Ф. Поэтому при психологических разладах в паре, где хотя бы один из партнеров относится к среднему типу (С либо Ф), психосексуальный климат страдает меньше, чем в паре, где оба партнера относятся к крайним типам (Х и М).

Однако все эти сексуальные характеристики отнюдь не жестко связаны с типологией. К тому же есть немало способов привести партнеров в соответствие друг другу, если еще не полностью разрушен психологический климат.

К сожалению, в силу низкой сексуальной культуры, эти связи рвутся очень быстро при сексуальном несоответствии партнеров, а нарастающая у них взаимная раздражительность, переходящая в нетерпимость, не позволяет предпринять в этой области попытки наладить психосексуальные отношения.

Литература

1. Алейникова Т.В. Современные проблемы психоанализа // Валеология. 1996, № 2, С.51-57
2. Берн Э. Игры, в которые играю! люди (Психология человеческих взаимоотношений). Люди, которые играют в игры (Психология человеческой судьбы) (1970). Л., 1992. 400 с.
3. Берн Э. Секс в человеческой любви (1970). М., 1990. 224 с.
4. Кон И.С. Введение в сексологию. М., 1988. 319 с.
5. Павлов И.П. Физиологическое учение о типах нервной системы, темпераментах тожд (1928). // Поли. собр. соч. Т. 3, Кн. 2, Двадцатилетний опыт объективного изучения высшей нервной деятельности (поведения) животных. - М.;Л, 1951. С. 77-88.
6. Перлз Ф. Опыты психологии самопознания. Практикум по гештальттерапии (1951). М., 1993. 352 с.
7. Фанти С. Микropsихоанализ (1990). М., 1995. 352 с.
8. Фрейд З. Введение в психоанализ. Лекции (1917). М., 1991. 456 с.
9. Фрейд З. Очерки по психологии сексуальности (1923). Минск, 1990. 166 с.
10. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности (1973). М., 1994. 447 с.
11. Холл Д.А. Юнгианское толкование сновидений (1983). Спб., 1996. 168 с.
12. Юнг К. Психологические типы (1921). СПб.; М., 1995. 716 с.
13. Юнг К. Об архетипах коллективного бессознательного (1934) // Архетип и символ. М., 1991. С. 95-128.

14. Юнг К. Подход к бессознательному (1961) //Архетип и символ. М., 1991, с. 23-94.
15. Spielrein S. Destruction als Ursache des Werdens //Internal. Zeitschr. fur Psychoanal., 1912. № 4.

Валеология, 1996, N3-4, с. 10-12

Иллюзия и рождение реальности

Д. С. Рождественский

Одно из главных свойств зрелой личности – способность к одиночеству. Нетравматичное переживание одиночества подразумевает: а) – нормальную сформированность Я-границ, то есть способность к различению себя и не себя; б) – способность принять себя в существующей реальности без компенсирующего (дополняющего) объекта.

Согласно наблюдениям М.Малер, с переживанием одиночества ребенок знакомится в конце первого - начале второго года жизни, когда начинает осознавать свою отдельность от матери и ограниченность собственных возможностей («психологическое рождение»).

Субъект мало способен к одиночеству, если знакомство с реальностью было для него травматичным – то есть, если реальность преждевременно вторглась в его границы. Такая травма возможна при избыточной внешней стимуляции в первые недели жизни – в период, когда младенец пребывает в нормальном аутистическом состоянии (М.Малер, Р.Шпиц); позднее – в любой ситуации, когда мир обретает для него свойство непредсказуемости. Во всех этих случаях можно говорить о том, что реальность не оставила субъекту подстраховывающего опыта иллюзий. Без него одиночество невыносимо, сопряжено с чувством тревоги, брошенности, внутренней пустоты.

Важность опыта иллюзий для адекватного восприятия мира подчеркивал Д.Винникотт. Реальный мир не может быть принят младенцем сразу: он должен быть «сотворен» его галлюцинаторной фантазией и затем постепенно обрести реальность. Иллюзии – своего рода переходная область на этом пути: то, что перестало быть галлюцинаторным творением, но не стало реальностью объективной, существующей вне ребенка и независимо от него. После отказа от фантазийного созидания реальности иллюзии остаются с человеком как важный внутренний источник поддержки и удовольствия. С точки зрения Винникотта, они – та сфера, которой в зрелости предназначено заполниться религией и искусством. Поначалу ребенок теряет интерес к сказке, узнав, что «на самом деле этого не было»; но, взрослея, он обретает способность принять иллюзию, предложенную ему фильмом или романом, так, «как если бы это было». При разрушении иллюзий заменой им становятся наркотики и алкоголь – средство ухода от мира. Вся человеческая культура (я употребляю это понятие вслед за Шпенглером как антитезу понятию цивилизации) является продуктом сферы иллюзий. Цивилизация – это реальность: достижения науки, промышленности, сверхновые технологии. Культура подстраховывает от травмы принятия реальности, давая людям веру, искусство, нравственные ценности, традиции. Культура живет внутри человека, цивилизация – вне его и независимо от него. Противоречие между реальностью и иллюзией, цивилизацией и культурой стало предельным в XX столетии – с научно-техническим

прогрессом и развитием индустрии. Говоря словами Ницше, «умер старый Бог». Говоря словами Винникотта – человечество потеряло иллюзии и столкнулось с малопримлемой реальностью. Последствия этого наиболее ярко отразились в судьбе народностей, чей характер мировосприятия близок к детскому – например, северных народов России. Когда цивилизация отняла у них традиции, анимистическое мировоззрение, возможность беседовать с духами предков – на смену пришел практически стопроцентный алкоголизм. Именно XX век способствовал массовому развитию таких патологий, как депрессия и психосоматические заболевания – патологий, которые я называю болезнями одиночества. В их основе лежит ощущение внутренней пустоты. Эта пустота – пространство, не занятое иллюзиями – делает одиночество невыносимым и заставляет человека болеть, чтобы сохранять поддерживающий объект.

Предсказуемость – свойство того мира, в котором ребенок может расставаться со всемогуществом постепенно. Тогда иллюзии заполняют пустоту, остающуюся после ухода магических фантазий, и помогают нетравматично принять реальность. Лишь при выполнении этого условия субъект способен адекватно сформировать границы собственного Я и быть в них самодостаточным. Проблема формирования границ – это проблема самоопределения и соотнесенности с миром. Собственно, вся история личности может быть рассмотрена как история ее границ, от их зарождения в конце безобъектной стадии до окончательного становления в зрелости. Любое психическое расстройство можно, в свою очередь, представить как следствие нарушенной коммуникации с реальностью, то есть дефекта границ. Реальность (в каком либо аспекте или в целом) подменяется фантазией – иными словами, Я смешивается с Не-Я. Иллюзии – опыт, который лишает такое смешение необходимости. Исходя из последнего, я предлагаю рассматривать лечение психопатологий как помощь в формировании и укреплении границ при сохранении иллюзий. И пациент, и терапевт испытывают первичную потребность в объекте, которая сама по себе не является переносной или контрпереносной. Разница состоит лишь в том, что пациент, будучи мало способен к одиночеству, рассматривает терапевта как реальный компенсирующий объект; терапевт же понимая, что реальность иллюзорна, налагает на нее ограничения. Главный его инструмент – интерпретация переноса. Интерпретация способствует установлению границ между Я и Не-Я, то есть принятию объективной реальности. При этом задача терапевта – не лишать пациента подстраховки иллюзиями, чтобы позволить ему принять реальность нетравматичным путем. Разрешая переносу свободно развиваться определенное время, он поступает как родитель, не спешащий разочаровать ребенка тем, что «сказка выдумана».

Интерпретация препятствует реальности пациента. Устанавливаемый ею барьер между Я и Не-Я превращает иллюзорно-реальное восприятие в невроз переноса (понятие, подразумевающее отграничение фантазий от реальности). Ситуация «это так» трансформируется в ситуацию «как если бы это было

так». Любая интерпретация вызывает у пациента более или менее депрессивный отклик, поскольку она всегда ведет к потере объекта и лишает некоего удовлетворения.

Однако интерпретация не влечет за собой болезненного вторжения реальности в пределы Я пациента, если не разрушает иллюзий. Перенос – это иллюзия, которую следует понять, но не уничтожить. Так, терапевт может интерпретировать реакцию пациента как направленную на фигуру отца или матери, но при этом продолжает предлагать себя в качестве объекта. Когда он говорит пациенту: «Вы злитесь на меня, как если бы я был Вашим отцом», — он позволяет иллюзии сохраниться. К ее разрушению могла бы привести реплика: «Послушайте, я же не Ваш отец!» Подобная насильственная замена фантазии реальностью выбивает у пациента почву из-под ног. Фантазия «проваливается в пустоту» и вновь скрывается там, где пребывала до установления переноса.

Таким образом, иллюзии способствуют формированию границ и постепенному рождению реальности. Отношение пациента к терапевту как объекту переноса проходит те же стадии, что отношение ребенка к сказке: от принятия последней лишь при условии ее “взаправдошности» до наслаждения ею независимо от реальности событий и героев. Субъект принимает фантазию, сознавая ее отличие от реальности. Сохранение иллюзий выражается, в частности, в том, что перенос не исчезает в посттерапевтический период, однако уже не влияет на отношения патогенным образом. Бессознательная фантазия “каждый человек – мой отец» через осознание лишается магических свойств. Иллюзии обладают большой поддерживающей силой. Вера помогает справиться с переживанием бессилия, мечта – с чувством бессмысленности бытия, идентификация с героем – найти выход из внешне безвыходной ситуации. Без иллюзий человек, ограничивший свой мир реальностью, ощущает себя вынужденным к ее принятию и неспособным что-либо в ней изменить. Одиночество для него – прежде всего беспомощность. Противоположным состоянием является магическое всемогущество и ожидание несбыточного (в отличие от несбывшегося), завершающееся травматичным разочарованием. При сохранении иллюзий потребность в компенсирующем объекте сменяется удовлетворением от фантазии; объект заполняет внутреннюю пустоту, позволяя одиночеству превратиться в уединение, а субъекту – принять себя в реальном мире.

Проблема эмоциональной привязанности: психоаналитический взгляд

В.В. Старовойтов

По мнению известного этолога К.Лоренца, персональные узы возникли в ходе эволюции, "когда у агрессивных животных появилась необходимость в совместной деятельности двух или более особей ради какой-то задачи сохранения вида; вероятно, главным образом ради заботы о потомстве. Несомненно, что личные узы и любовь во многих случаях возникли из внутривидовой агрессии, в известных случаях это происходило путем ритуализации переориентированного нападения или угрозы. Поскольку возникшие таким образом ритуалы связаны лично с партнером, и поскольку в дальнейшем, превратившись в самостоятельные инстинктивные действия, они становятся потребностью, - они превращают в насущную потребность и постоянное присутствие партнера, а его самого - в "животное, эквивалентное дому" ". [1]

Рене Шпиц, один из основоположников генетического направления в психоанализе, выделял два основных класса животных с принципиально различным поведением, связанным с кормлением и уходом - класс альтрициалов и прекоциалов. К первому классу относились детеныши тех видов, которые рождались на свет незрелыми и беспомощными, а потому некоторое время после рождения нуждались в кормлении и уходе, в то время как детеныши второго класса животных к моменту рождения были покрыты пухом и способны к самостоятельному передвижению. Так как прекоциал, таким образом, по мнению Шпица, имеет в своем распоряжении обширный диапазон врожденных унаследованных паттернов поведения, то обучение и воздействие, или изменения внешней среды будут играть относительно малую роль в его адаптации к окружающей среде, вследствие чего адаптируется не особь, а адаптивные изменения происходят у видов в результате филогенетических модификаций. В отличие от них, у альтрициалов, с довольно длительным периодом беспомощности, "поведение, которое обеспечивает выживание, может быть приобретено путем обучения у кормящей и защищающей матери. Поэтому, чтобы обеспечить выживание альтрициалов, требуется лишь сравнительно небольшое число врожденных паттернов поведения. Защита в период вскармливания и беспомощности позволяет передавать индивидуальный опыт в процессе онтогенеза". [2] Человек, по мнению Шпица, с его длительным периодом беспомощности, нуждающийся в кормлении, помощи и уходе, несомненно относится к альтрициалам.

Благодаря тесному взаимодействию детеныша с матерью, обусловленному беспомощностью альтрициалов, между ними развиваются объектные отношения и коммуникация. Поэтому, как считает Джон Боулби, в свете филогенеза вероятно, что те инстинктивные связи, которые

привязывают маленького ребенка к материнской фигуре, основываясь на том же самом паттерне, что и у других видов млекопитающих. Таким образом, по мнению Боулби, поведение привязанности является формой инстинктивного поведения, которое развивается у людей, как и у других млекопитающих, в период младенчества, и имеет в качестве своего стремления или цели близость к материнской фигуре, а основная функция поведения привязанности заключается в защите. "В дикой природе",- пишет Боулби - "потерять контакт со своей семейной группой чрезвычайно опасно, в особенности для детенышей. Поэтому в интересах как индивидуальной безопасности, так и воспроизводства видов, должны существовать сильные связи, связывающие воедино членов семьи или расширенной семьи". [3]

С самого начала жизни младенец обладает определенной врожденной оснасткой, которую составляет тотальность филогенетически заранее сформированных и унаследованных способностей новорожденного, а также развертывающиеся в ходе развития задатки и врожденные пусковые механизмы. В частности, Боулби пишет о том, что человеческий детеныш "входит в жизнь, обладая пятью высокоорганизованными поведенческими системами: он способен сосать, плакать, улыбаться, цепляться, а также следовать или ориентироваться". [4] Кроме того, по мнению американского психоаналитика Скотта Даулинга, среди врожденных, временных способностей новорожденного находится способность, известная как интермодальное восприятие (То, что на опыте познается в одном способе восприятия, интраоральном прикосновении, предпочтительно выбирается через другой способ восприятия - зрение.), которая теряется после нескольких недель жизни. Младенец, по мнению Даулинга, также обладает врожденной способностью активно повторять то, что он наблюдал пассивно. Так, в ходе опытов было установлено, что недельные младенцы воспроизводят движения губ взрослого человека после их визуального наблюдения. Причем это происходит при первой попытке, без процесса постепенного научения. По мнению Даулинга, "эти ранние способности, большинство из которых как автоматические механизмы вскоре утрачиваются, служили эволюционной цели, гарантируя способствующие выживанию умения и отклик осуществляющего уход лица, а также обеспечивая поддержку последующего приобретения сходных способностей благодаря психологическому развитию". [5]

Ненаправленный процесс разрядки напряжения у младенца протекает благодаря посторонней помощи (матери). Вначале аффективные отклики младенца являются единственным средством коммуникации. Таким образом развивается важная роль аффектов как сигналов другому лицу. По мнению известного финского психоаналитика В.Тэхкэ, в начале человеческой жизни у действующего вслепую организма есть лишь две первые цели: выживание и уменьшение напряжения. "У недавно рожденного младенца еще нет каких-либо человеческих целей; они возникают лишь в связи с постепенным формированием психики и требуют, чтобы в эмпирическом мире младенца произошла дифференциация самостных и объектных представлений, т.е.

чтобы возникла психология даже в субъективном смысле. До этого аккумуляция восприятий вряд ли может иметь какой-либо иной мотив, кроме возрастания и хранения информации относительно условий уменьшения напряжений и ранних форм удовлетворения. Поэтому, вероятно, лишь ощущения, связанные с удовлетворением, становятся имеющими смысл и регистрируются до тех пор, пока их достаточная аккумуляция не сделает возможной эмпирическую дифференциацию субъекта и объекта". [6]

В процессе взаимодействий с матерью у младенца накапливается все большее число следов памяти (энграмм) об ощущениях, связанных с удовлетворением, которые в интактном мозге могут извлекаться из памяти независимо от внешних стимулов. "Фактором, активирующим энграммы ранее воспринятых раздражителей, в последнем случае служит возбуждение мозгового субстрата потребностей - голода, жажды, и т.п., а электрофизиологическим коррелятом механизма, квантирующего поток извлекаемых из памяти энграмм, является тета-ритм, столь характерный для электрической активности гиппокампа". [7] Таким образом, при болезненных возрастаниях напряжения младенец все в большей степени становится в состоянии извлекать из памяти следы о приносящих удовлетворение восприятиях в галлюцинаторной форме. Однако галлюцинации не могут заменять "реального" удовлетворения в течение сколько-нибудь значительного времени. По мнению В.Тэхкэ, "решающим событием, которое кладет начало процессу дифференциации, является первое открытие ребенка: его крик приносит восприятие удовлетворения после того, как галлюцинаторное выполнение желания оказалось невозможным". [8] Всё более полное овладение этим новым средством получения удовлетворения становится для младенца жизненно важным, после чего происходит энергичная и быстрая дифференциация самостных и объектных фрагментов друг от друга с последующим их собиранием вокруг недавно появившихся ядер для дифференциации.

После первичной дифференциации, при наличии достаточно благоприятных и безопасных условий, у ребенка начинается период функциональных селективных идентификаций, в ходе которых он всё в большей мере овладевает теми или иными функциями объекта, и в этом отношении становится независим от ухаживающего за ним лица. Однако для того, чтобы та или иная функция стала эмоционально значимой для ребенка, необходимо эмоциональное отзеркаливание со стороны социального окружения (в нашей культуре обычно со стороны матери), которое становится для ребенка источником его вторичного нарциссизма. Таким образом, функционально-селективная идентификация предстает двухфазным процессом, включающим как первоначальную идентификацию ребенка с функцией объекта, так и его последующую идентификацию со способом объекта отзеркаливать ребенка как обладателя и исполнителя этой функции. Результатом множества функционально-селективных идентификаций приблизительно на третьем году жизни становится рождение индивидуальности ребенка с особым внутренним миром, то есть открытие им

своей отделенности от других людей. Параллельно происходит открытие объектов как индивидуальностей с их собственным внутренним миром. Однако до установления такой интеграции и рождения индивидуального объекта, отношение к объекту может быть только исключительно эксплуатирующим и ни благодарность, ни любознательность, ни стремление к персоне не могут испытываться в этой связи, ибо, как считает В.Тэхкэ, "хотя функциональный объект является пространственно отдельным индивидом, он еще не может переживаться ребенком в качестве независимого человека с собственной жизнью и собственным внутренним миром, который возбуждал бы в ребенке интерес и любопытство, а также такие эмоциональные отклики, как благодарность, триадную ревность и стремление к отдельному человеку". [9] Любовь к другому человеку, по мнению В.Тэхкэ, становится возможной, только когда она или он воспринимаются как индивидуальности с внутренним миром и мотивациями и таким образом как находящиеся вне непосредственного обладания и контроля. "Только такое положение дел делает возможной и мотивирует сознательную потребность и любопытство по отношению к вновь открытому внутреннему миру объекта с сопутствующе развивающейся способностью к эмпатическому пониманию. Открытие ребенком того, что любовь объекта не самоочевидна, но обусловлена его способом обращения с этой любовью, сместит акцент его тревоги утраты объекта (и Собственного Я) на тревогу утраты любви объекта. Теперь начнут естественно развиваться попытки активно нравиться объекту, возрастающее внимание к ее (матери) чувствам, нормальная вина и потребность в возмещении и примирении. Понимание самостоятельного выбора в любви у объекта инициирует чувства благодарности так же, как константность объекта делает теперь возможной нормальную идеализацию индивидуального объекта". [10]

При описании характера взаимоотношений между ребенком и его родителями необходимо также принимать во внимание тот тип общества, в котором развивается ребенок. Это тем более важно, так как исходно в примитивных сообществах ребенок, по мнению Д.Б.Эльконина, "встречается" с обществом в целом, где условием развития является система "ребенок-общество". В то время как "по мере развития общества и его усложнения в этом исходно целостном отношении выявляются более конкретные системы "ребенок-общественный взрослый" или "ребенок-общественный предмет", которые представляют как бы две стороны единого отношения "ребенок-общество"". [11] Для описания ядра характерологической структуры множества индивидов Э.Фромм ввел понятие социального характера как совокупности черт характера, общей для большинства. Говоря о социальном характере, Э.Фромм подчеркивал, что эта совокупность черт формируется в результате общих для какой-либо группы переживаний и общего образа жизни, а функция социального характера заключается в том, чтобы направлять и формировать человеческую энергию внутри данного общества во имя функционирования данного общества. Так, например, описывая взросление на Самоа, известный американский

антрополог М.Мид отмечала, что система социальных отношений на Самоа была построена таким образом, чтобы по возможности избегать конфликтов и соперничества, поэтому главное требование к поведению состояло в том, чтобы не вызывать ненависти и неодобрения у своих ровесников или старших. Как писала М.Мид: "Здесь никто не спешит в жизни и никого не наказывают за отставание. Наоборот, здесь сдерживают одаренных, развитых не по возрасту, чтобы самые медленные могли сравняться с ними. И в личных отношениях самоанцев мы не видим сильных привязанностей.... С первого месяца своей жизни ребенок, передаваемый из одних случайных женских рук в другие, усваивает урок: не привязывайся очень сильно к одному человеку, не связывай очень больших ожиданий ни с одним из родственников". [12] Такой результат воспитания обусловлен тем, что детей на Самоа "воспитывает не отдельное лицо, а армия родственников, воспитывает в соответствии с общепринятыми стандартами, и личность их родителей очень слабо сказывается на этом процессе". [13]

Несколько иную картину воспитания мы видим у представителей племени манус, живущих к северу от Новой Гвинеи. С самого раннего детства они прививают своим детям чувство уважения к собственности и развивают у них физическую выносливость, сочетая суровую дисциплину с постоянной заботой о детях. Главную роль в семье у манус играет отец, ибо когда ребенку исполняется год, от молодой матери требуют, чтобы она оставила ребенка отцу и занялась выполнением своих обязательств перед своими родственниками. Поэтому неудивительно, что в соперничестве за любовь ребенка всегда выигрывает отец. Так как ребенок постоянно находится рядом с отцом, что в очень большой мере способствует формированию его личности, то "в родительских заботах взрослых мужчин о своих детях манус обрели великолепный социальный механизм переноса их личностных характеристик на следующее поколение". [14]

Подытоживая индивидуальные отличия у людей в этих двух культурах, М.Мид отмечает, что у детей манус в отличие от детей на Самоа роль возрастной группы незначительна, и они в очень большой степени усваивают отличительные особенности своих отцов, связанные с их возрастом, экономическим положением и успехом в обществе, что в дальнейшем приводит к резким индивидуальным различиям. В то же время на Самоа "заботливо воспитанные привычки благоразумного стандартизации поведения, соответствующего скорее социальному статусу человека, чем его естественным склонностям или личностным особенностям, делают самоанцев значительно более однородной массой, гораздо более пригодными для стрижки под одну гребенку". [15]

По мнению известного американского психоаналитика Х.Кохута, приобретение новых психических структур ребенком (особенно мальчиком) посредством преобразующей интернализации часто протекает "от матери как объекта самости (обладающей для ребенка прежде всего функцией зеркального отражения) к отцу как объекту самости (главная функция которого состоит в том, чтобы быть объектом идеализации со стороны

ребенка". [16] Как считает Х.Кохут: "Матрицу для развития здоровой самости ребенка создает способность объекта самости отвечать точным зеркальным отражением, по крайней мере время от времени; патогенным является не случайная несостоятельность объекта самости, а его или ее хроническая неспособность отвечать адекватно, которая в свою очередь обусловлена его или ее собственной патологией в сфере самости....Здоровый в психологическом отношении взрослый сохраняет потребность в зеркальном отражении самости объектами самости (точнее говоря, объектами его любви), и он сохраняет потребность в объектах для идеализации". [17] При нарушении обоих полюсов развития самости, депривированный человек пытается противостоять внутреннему ощущению фрагментации своей самости посредством аддиктивного поведения, пытаясь заменить недостающие материнские и отцовские функции посредством наркотика. Как пишет известный французский психоаналитик МакДугалл: "Вдобавок к безнадежной потребности разрядить непереносимое давление аффектов, все формы сильных наркотических привычек стремятся восстановить разрушенный образ "Я", что неизменно включает в себя попытку установить связь с родительскими фигурами прошлого (иногда проецируемыми на общество в целом).

Это тройной вызов:

1. Это вызов внутреннему материнскому объекту (который ощущается как отсутствующий или мало способный успокоить беспокойного внутреннего ребенка). Наркотический эрзац всегда будет доступен как замена недостающих материнских функций.

2. Это вызов внутреннему отцу, который, согласно убеждению сына (дочери), не смог выполнить своих отцовских функций и поэтому был изгнан. Эта установка обычно проецируется на общество.

3. Наконец, это вызов самой смерти, принимающий две формы. Первая - состояние всемогущества. Затем, когда эта грандиозная форма защиты рушится и становится невозможно более отрицать чувство внутренней неодушевленности, возникает уступка зову смерти". [18]

Подобные случаи патологического воздействия родителей на своих детей часто встречаются в современном обществе, "особенно в тех патогенных семейных констелляциях, когда мать страдает серьезной патологией самости, а отец отказывается от семьи эмоционально (например, уходя в свои дела или в работу либо тратя все свое время на развлечения и хобби). Другими словами, отец, пытаясь спастись от деструктивного влияния жены, жертвует ребенком, который остается под патогенным влиянием матери". [19] Могут иметь место и другие патогенные семейные констелляции. Например, говоря о состоянии семейных отношений в Америке, М.Мид писала о том, что "низведение роли отца до роли усталого, часто смущенного, ночного гостя сделало очень многое для того, чтобы исключить саму возможность плодотворной идентификации сына с ним". [20]

Джон Боулби, который предпринял специальное исследование развития у людей уверенности в себе и в своих силах, что помогает таким людям быть успешными как в своих человеческих взаимоотношениях, так и в работе, пришел к выводу о том, что для внутрисемейной жизни таких людей типической была картина мирного дома, в котором оба родителя делили ответственность и интересы, и воспринимались детьми любящими и дающими людьми. Во время детства, по словам этих людей, они ощущали себя с матерью в полной безопасности. В то же самое время у них была сильная идентификация с отцом. Кроме того, те преграды, с которыми они встречались, были им по силам, что увеличивало уровень их притязаний, вело к успеху и достижению добавочной уверенности в своих силах. В результате проведенного исследования Д.Боулби пришел к выводу, что сильная и постоянная поддержка от родителей, в сочетании с ободрением и уважением автономии ребенка, не только не подрывает уверенность последнего в своих силах, но обеспечивает условия, которые могут наилучшим образом способствовать развитию такой уверенности. [21]

Примечания

- [1] К.Лоренц, Агрессия (так называемое "зло"). М., 1994, с.214 - 215.
- [2] Р.Шпиц, Психоанализ раннего детского возраста, М., 2001, с.22-23.
- [3] См. Bowlby, Support, Innovation and Autonomy. London: Tavistok Publications, 1973.
- [4] Ф.Тайсон, Р.Тайсон, Психоаналитические теории развития. Екатеринбург, 1998, с.95.
- [5] Скотт Даулинг, Формирование фантазии: точка зрения детского аналитика, Журнал практического психолога, №1-2, январь-февраль 2001, с.107.
- [6] Вейкко Тэхкэ, Психика и ее лечение: психоаналитический подход, М., 2001, с.35.
- [7] П.В.Симонов, Эмоциональный мозг, М., 1981, с.119.
- [8] Вейкко Тэхкэ, Психика и ее лечение: психоаналитический подход, М., 2001, с.50.
- [9] Там же, с.347.
- [10] Там же, с.110-111.
- [11] К.Н.Поливанова, Психология возрастных кризисов, М., 2000, с.19-20.
- [12] М.Мид, Культура и мир детства, М., 1988, с.150.
- [13] Там же, с.159.
- [14] Там же, с.219.
- [15] Там же, с.220-221.
- [16] Хайнц Кохут, Восстановление самости, М., 2002, с.180.
- [17] Там же, с.182.
- [18] Джойс МакДугалл, Тысячеликий Эрос, Санкт-Петербург, 1999, с.208.
- [19] Хайнц Кохут, Восстановление самости, М., 2002, с.192.
- [20] М.Мид, Культура и мир детства, М., 1988, с.221.

[21] См. Bowlby, Support, Innovation and Autonomy. London: Tavistoc Publications, 1973.

*Журнал практической
психологии и психоанализа, 2002, № 2*

Отто Кернберг о психоанализе и религии

Я.Л.Обухов

В июле 1996 г. в Вене состоялся 1-й Всемирный конгресс по психотерапии, организованный Всемирной организацией психотерапии. Важным событием конгресса стали два больших доклада президента Международной психоаналитической ассоциации (ИПА) профессора Отто Кернберга из Нью-Йорка — "Психоанализ и религия" и "Зло". О.Кернберг провел также два ворк-шопа — "Новое развитие техники психоаналитической терапии" и "Сходство и различия в психоаналитической технике".

О 1-ом Всемирном конгрессе по психотерапии уже сообщалось в отечественных периодических психологических, медицинских и психотерапевтических изданиях [1, 2, 3]. Сегодня мы хотим более подробно познакомить читателей журнала с содержанием исключительно интересного и важного доклада О.Кернберга о "Психоанализе и религии".

Во время своего пленарного выступления О.Кернберг говорил о том, что, по его мнению, психоанализ сегодня может сказать о психологии религии и религиозности. Проанализировав и обобщив существующие в психоанализе концепции, О.Кернберг сформулировал свой подход в психоаналитическом понимании религии.

Первым обращением психоанализа к теме психологии религии стала работа З.Фрейда "Будущее одной иллюзии" (1927), в которой З.Фрейд определил задачу культуры как приобретение "людьми знания и умения", необходимых для овладения силами природы [6, с.482]. С другой стороны, "в нее входят все те установления, которые необходимы для упорядочения отношений людей между собой, а особенно для распределения достижимых материальных благ" [там же]. Таким образом, культура необходима для овладения природой и для регулирования межчеловеческих взаимоотношений.

Этому противится, как считал З.Фрейд, враждебность индивида, направленная против контролирующих аспектов культуры, требующей от него отказаться от своих первичных позывов. Индивид защищается против этих контролирующих аспектов культуры и опасностей психологии масс с их регрессирующими тенденциями. З.Фрейд пишет о сложностях сдерживания и ограничения инстинктов и о психологической функции сверх-Я как интериоризации (внутреннего осваивания) внешнего принуждения в ходе воспитания в раннем детстве и через отношения между ребенком и родителями, а также через позитивные воздействия, которые придают сверх-Я идеалы и произведения искусства.

После такого вступления З.Фрейд непосредственно переходит к рассмотрению религиозных представлений и описывает налагаемые культурой ограничения в возможности удовлетворения первичных позывов,

которые и делают на самом деле возможным преодоление природы. "Ведь главная задача культуры, настоящая причина ее существования в том и состоит, чтобы защитить нас от природы" [6, с.490]. Мы не можем полностью преодолеть природу: болезни и смерть постоянно напоминают нам о наших границах. С другой стороны, индивидуум ограничен в своих способностях соответствовать, отвечать требованиям культуры, и запреты культуры постоянно нарушаются. Религия — это мощная сила внутри культуры, которая утешает человека, помогая ему справиться со всеми этими ограничениями.

З.Фрейд считает, что религия начинается с очеловечивания природы, с определенного рода анимации, одушевления, когда инфантильное поведение маленького ребенка по отношению к родителям находит выражение в примитивных религиях (сначала в тотемизме, затем в политеизме) и переносится на фантастическое очеловечивание природных опасностей и природных закономерностей (сил судьбы). З.Фрейд говорит, что инфантильное поведение, тоска по отцу, связанная с потребностью в защите, превращаются в тоску по Богу. Функция политеистических богов заключается в упорядочении, систематизации ужасов природы, в утешении, позволяющем примириться с жестокими поворотами судьбы, и, особенно, принять неизбежность смерти, а также в усилении ограничений культуры и вознаграждении за "страдания и лишения, налагаемые на человека совместной культурной жизнью" [6, с.492—493]. З.Фрейд говорит, что сами предписания культуры посвящены богам и приписываются им. Так возникает концепция Бога — власти, которая выше природы, которая вознаграждает за все хорошее и наказывает за все плохое, которая контролирует судьбу. Это власть, которая сама определяет основные принципы культуры. Таким образом, единство Бога, если взять, например, монотеизм, вновь раскрывает изначальный отцовский принцип и защищает от всемогущества природы. Религия компенсирует ограничения, накладываемые культурой.

Подводя итог, З.Фрейд описывает отношение человека к Богу, сравнивая его с беспомощностью ребенка, с его тоской по отцу, с беспомощностью человека перед силами природы. В отношении к Богу проявляется амбивалентное отношение к отцу, которое выражается в идеализации Бога и одновременно в страхе перед Богом.

После этого анализа З.Фрейд дает критическую оценку религии, в которой он утверждает, что религиозные догмы и тезисы не отвечают научным требованиям, а обосновываются тем, что

"1) в них верили уже наши праотцы;

2) у нас есть доказательства, которые переданы нам из именно этих древних времен;

3) вообще запрещено поднимать вопрос об их достоверности" [6, с.500]. Далее З.Фрейд говорит, что эти три доказательства религии взаимно противоречат как друг другу, так и вере в целом, так как существует запрет на сомнения, а все доказательства относятся к традиции и вере в традицию. З.Фрейд приходит к заключению о том, что религия представляет собой

иллюзию, в которой желаемое принимается за действительность с целью поддержать и оправдать ограничения, накладываемые культурой.

О.Кернберг добавляет в этой связи, что психоаналитические исследования психологии масс и групповой психологии не только подтвердили, но и страшным образом расширили короткое замечание З.Фрейда об ограничениях, накладываемых культурой, которые, в свою очередь, исходят из психологии масс. Мы знаем сегодня, говорит О.Кернберг, что в неструктурированных малых группах (от 5 до 17 человек, занятых совместной работой или какой-либо иной функциональной деятельностью), в больших группах (50-100 человек или даже 300 человек, занятых общим делом), а также в массах (больших скоплениях людей, между которыми нет личного контакта) в случаях, если они не заняты какой-то работой или другой осмысленной деятельностью, которая связывала бы их с внешней реальностью, сразу же происходит регрессия на примитивные формы поведения и на уровень примитивной агрессии. Это означает, что у всех людей заложен потенциал регрессии на уровень примитивной агрессии как часть психологии масс. В работе З.Фрейда "Психология масс и анализ человеческого Я" (1921) было впервые сформулировано это исключительно важное открытие психоанализа. Работа З.Фрейда о психологии масс — это, по существу, его сильнейший аргумент против его же собственной идеализации человеческого разума.

Регрессия масс, считает О.Кернберг, проявляется в появлении примитивных механизмов, которые М.Кляйн описала для раннего детства и для случаев тяжелой патологии. К этим механизмам относятся: 1) расщепление с демонизацией внешних групп; 2) унижение внешних групп, оскорбление их достоинства, лишение человеческого облика, приписывание им бесчеловечности; 3) рационализация собственной агрессивности с проекцией ее на внешние группы, причем собственная агрессивность рассматривается как рациональный ответ на эту проецированную агрессию; 4) регрессия ценностных систем; 5) регрессия и разрушение разумного начала, регрессия интеллекта. О.Кернберг отмечает, что в подобное состояние очень легко впасть. В этом состоянии мы все можем снизить наши интеллектуальные способности на ужасающе низкий уровень.

Эти открытия психоанализа подтверждают не только эмпирические исследования.

Новейшая история XX века, отмечает О.Кернберг, дает нам немало примеров того, как народы создавали социальные системы, в которых моральные устои диктовались "разумным началом", идущим из идеологии этих систем. Религия отвергалась, морально-этическая система выводилась из "чистого разума", из идеологии. О.Кернберг имеет при этом в виду, прежде всего коммунистические режимы и идеологию национал-социализма, следствием которых стало массовое убийство и лишение свободы многих миллионов людей — одно из самых чудовищных преступлений против человечества.

О.Кернберг приходит к заключению о необходимости критического пересмотра позиции З.Фрейда в отношении религии как "иллюзии, которая со временем будет заменена разумом". О.Кернберг считает, что "будущее иллюзии" означает "иллюзию разума": З.Фрейд идеализировал значение роли разума в установлении нравственных норм общества. Создатель психоаналитического учения был убежден, что так как религия возникает в результате психологических потребностей, на ее основе не может строиться объективное существование человека. И лишь последующее развитие психоанализа позволило признать религиозность фундаментальной человеческой функцией.

Моральные устои, считает О.Кернберг, не могут быть выведены из одного только разума. О.Кернберг полагает, что психологические истоки нашей способности создавать интегрированные ценностные системы, т.е. определенный моральный мир, не могут свести этот моральный мир лишь к иллюзии. С точки зрения зрелого развития человеческой психологии возникает концепция интеграции системы ценностей, что можно сравнить с тем, что мы ожидаем от зрелого религиозного образования (в отличие от подавляющего и изнуряющего религиозного образования). Это та интегрированная система ценностей, которая стоит над ценностями отдельного человека, имеет универсальную законную силу для всех людей, охватывает все человечество, понятна и рациональна, опирается на преобладание любви над ненавистью, на любовь к ближнему, любовь к себе, на уважение к себе самому и к другим, на чувство ответственности за эту систему ценностей, стоящую над всеми конкретными законами. Чувство ответственности ожидается также и от других. Оно сочетается с пониманием, милосердием и состраданием, с тревогой и заботой за души других людей. Чувство ответственности включает понимание неминуемой амбивалентности всех человеческих отношений.

О.Кернберг выделяет следующие важнейшие ценности зрелой религиозности:

- Строгий запрет убийства, продолжающий и опирающийся на запрет отцеубийства и детоубийства.
- Запрет инцеста в самом широком смысле. Он включает регулирование сексуальных отношений, охраняющее любовь и супружеские пары.
- Терпимость, доверие и надежда на "лучшее" и "хорошее", не закрывая при этом глаза на "злое", не отрицая его.
- Доверие к высшей моральной власти или высшему моральному принципу, соответствующему общему идеалу человечества.
- Работа и творчество (креативность) как вклад в создание "доброго" и "хорошего".
- Развитие стремления вновь исправить нарушенное или разрушенное, стремление к реанимации (Д.В.Винникотт).
- Борьба против разрушения.

- Уважение к правам других людей и терпимое отношение к неминуемым проявлениям примитивной агрессии, зависти, жадности и корыстолюбия.

- Способность не стать рабом этих чувств.

Считая религию важнейшей составляющей человеческого существования, О.Кернберг пытается также ответить на вопрос, почему одним людям легко принять основные религиозные догмы, вера для них органична и естественна, в то время как для других людей, несмотря на "рациональное понимание" трудно принять веру эмоционально. Психоанализ связывает развитие базовой способности доверия к миру с особенностями первого года жизни (Э.Эриксон). Фрустрации на самых ранних этапах развития приводят к регрессии и фиксации на нарциссической позиции, для которой характерно: иллюзорное удовлетворение желаний, нарушение критического отношения к реальности, чувство omnipotency (всесилия, всемогущества), которое проявляется в магическом контроле и управлении. Omnipotentные установки переносятся также на внешние объекты — сначала на "всемогущих родителей", затем на "всемогущества Бога". Вера в бессмертие, идея реинкарнации также соответствуют omnipotentному желанию быть сильнее смерти. Человеку, пережившему фрустрацию базовых потребностей в первые месяцы жизни, в последующем легче поверить в чудо и в сверхъестественное.

Отдельное торжественное заседание на I Всемирном конгрессе по психотерапии было посвящено совместному докладу О.Кернберга и ведущего психоаналитика Германии Хорста-Эберхарда Рихтера о психологических истоках зла, свободы и страха. Ученые пытались объяснить психологические истоки таких явлений, как национал-социализм, коммунизм или война в Боснии. Как могло случиться, что люди вдруг отказываются от всех норм, превращаясь в извергов? О.Кернберг и Х.-Э.Рихтер пытались объяснить через особенности развития ребенка в младенчестве и раннем детском возрасте формирование синдрома злобного нарциссизма, преобладание ненависти и агрессивности, феномены расщепления, обесценивание другого человека через самоидеализацию, проецирование идеализации на лидера, вождя или "фюрера", феномены групповой регрессии. Причин такого нарушения развития может быть множество: это и наследственные факторы, и психические травмы, и ошибки в воспитании. Зло, как полагает О.Кернберг, постоянно присутствует в человеческой сущности. Однако то обстоятельство, что зло имеет свои истоки в бессознательном, ни в коей мере не снимает ответственности с человека. Общество, утверждает О.Кернберг, должно поставить перед человеком границы и пределы. Х.-Э.Рихтер пытался ответить на вопрос: "Почему мы совершаем так много зла и даже не замечаем этого? Ведь, создавая атомную бомбу, человек не чувствовал ненависти". Х.-Э.Рихтер предложил историческую модель соотношения между свободой и страхом. В средние века, например, человек находился в жестких рамках церковных и цеховых предписаний. С появлением свободы появилось сомнение и страх за

ответственность. Чтобы избавиться от сомнений и страхов, люди ищут спасения в сектах и магии, в кумирах и идолах, способных избавить их от необходимости самим решать для себя жизненно важные вопросы. Выход из этого кризиса человечества Х.-Э.Рихтер видит в признании себя частью целого, в "реабилитации сердца".

ЛИТЕРАТУРА:

1. Занадворов М.С. Профессиональная Психотерапевтическая Лига — взгляд в будущее. Журнал практического психолога. 1996, 4. С.83-84.
2. Обухов Я.Л., Пезешкиан Х. Психотерапевты встречаются в Вене // Сообщение о Первом Всемирном конгрессе по психотерапии (30 июня-4 июля 1996 г., Вена). Московский психотерапевтический журнал, 3 (13), 1996, с.188-191.
3. Сосланд А.И. Конгресс-муравейник. Московский психотерапевтический журнал, 3 (13), 1996, с.193-199.
4. Фрейд З. (1912) Тотем и табу: Психология первобытной культуры и религии. М. — Пг., 1923.
5. Фрейд З. (1921) Психология масс и анализ человеческого Я. — В кн.: Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: ООО "Попурри", 1996.
6. Фрейд З. (1927) Будущее одной иллюзии. — В кн.: Фрейд З. Психоаналитические этюды. Минск: ООО "Попурри", 1996.
7. Эриксон Э. Детство и общество. — Изд. 2-е, перераб. и доп. /Пер. с англ. — СПб.: Ленато, АСТ, Фонд "Университетская книга", 1996.

Психоаналитический вестник, 1998, № 6

Пауль Федерн
(к 195-летию со дня рождения)

А.В.Литвинов

Один из пионеров психоанализа Пауль Федерн родился 13 октября 1871 г. в семье известного венского врача. Повинуясь настоятельной воле своего отца, юный Пауль приступил к изучению медицины, хотя сам больше интересовался биологией. В 1895 г. он окончил медицинский факультет Венского университета, прошел последиplomную практику в венской клинике Альгемайне Кранкенхауз и с 1902 г. стал практиковать самостоятельно как специалист по внутренним болезням.

В этом же году после знакомства с З.Фрейдом сразу стал горячим приверженцем психоанализа. С 1904 г. Федерн находился в ближайшем окружении Фрейда и принимал постоянное участие в еженедельных встречах в его доме, так называемых "средах" Психологического общества, из которого в 1908 г. и было организовано известное Венское психоаналитическое общество.

В этот первый период своей деятельности Федерн больше всего интересовался теорией инстинктов, проявлениями инстинктивных сил в сновидениях, проблемами садизма и мазохизма. Идеи из опубликованных им работ 1912—1914 гг. можно по праву считать первым вкладом в зарождающуюся Эго-психологию.

Во второй период своей профессиональной деятельности (1914-1924) большую часть времени Федерн посвящал проведению дидактического анализа. Возглавляя комитет по образованию Венского психоаналитического общества, он был одним из ведущих в те годы тренирующих аналитиков. При этом Федерн активно развивал идеи социальной психологии, что нашло наиболее яркое отражение в его работе "Психология революции: общество без отца" (1919). Кроме этого, он изучал феномен делинквентности, проблемы подавления в сновидениях, психоаналитические аспекты меланхолии.

В 1924 г. тяжело заболевший Фрейд объявил Федерна своим персональным преемником и заместителем. В этом же году Федерн был избран вице-президентом Венского психоаналитического общества, а двумя годами позже стал соредактором *Internationale Zeitschrift fur Psychoanalyse*. Он начал преподавать в Венском психоаналитическом институте, был членом венской секции Международного совета психической гигиены.

Начавшийся в 1924 г. третий период профессиональной биографии Федерна завершился в 1938 г. его эмиграцией в США, куда он попал, опасаясь преследований нацистов. На протяжении этого времени Федерн развивал свои ранние феноменологические концепции Эго-психологии и совершенствовал психоаналитические подходы к лечению психозов. Его концепции не были набором теоретических формулировок, но результатом детального изучения и точного описания внутренних закономерностей

поведения как больных, так и здоровых индивидов, включая его самого. Это феноменологическое самонаблюдение легло в основу работ Федерна 1926 г. о вариантах чувств Эго. Он считал, что чувства отчужденности и деперсонализации вызваны скорее недостаточным катексисом Эго, чем недостаточным катексисом объекта.

Федерн не сразу принял идею Фрейда о наличии инстинкта смерти, однако в работах "Нарциссизм в структуре Эго" (1927) и "Эго как субъект и объект нарциссизма" (1929) он выступает приверженцем дуализма инстинктов — либидо и деструктивного катексиса, обусловленного инстинктом смерти. Несколько позже, в работе "Реальность инстинкта смерти" (1932) он привел собственный клинический материал, по его мнению, подтверждавший эту концепцию. Федерн тем не менее никогда не отказывался от собственной идеи о трех основных видах катексиса: самосохраняющего, либидинозного и деструктивного, названного им впоследствии хорошо известным в настоящее время термином "мортидо".

Изучая психотиков, Федерн разработал специфические психотерапевтические методы, весьма отличавшиеся от методов, использовавшихся в его время в классическом психоаналитическом лечении больных неврозами. Указывая на важность "исправляющей материнской фигуры", он считал необходимым участие в лечении больных психозами терапевта-женщины (это, по его мнению, могла быть специально обученная медсестра или социальный работник). Более поздние работы Федерна "Анализ психотиков: о технике" (1933) и "Путь к душе психической болезни" (1940) хорошо показывают, что он никогда не ограничивал себя только теориями и техниками психоанализа.

Последний период жизни Федерна прошел в США. В 40-е годы его работы были посвящены проблемам избежания ошибок в анализе больных психозами (1943), принципам психотерапии при латентной шизофрении, психогигиене Эго, психотическому Эго (1949).

Пауль Федерн ушел из жизни 4 мая 1950 г. После его смерти вышел в свет сборник избранных работ "Эго-психология и психозы" (1952), в котором особенно наглядно показан вклад ученого в теорию и технику психоанализа.

*Перечень основных публикаций П. Федерна **

Zur Psychologic der Revolution: die vaterlose Gesellschaft // In "Der Aufsteig, neue Zeit-und Streitschriften, Nos. 12-13. Vienna: Anzengruber, 1919.

Zur Frage des Hemmungstraumes. "Int. Z. arzt.Psychoanal"., 1920, № 6, 73-75.

3. Narcissism in the structure of the ego. "Int. J.Psychoanal"., 1928, № 9, 401-419.

4. Das Ich als Subjekt und Objekt im Narzissmus. "Int. Z. Psychoanal"., 1929, № 15, 393-425.

---

* Приводится по книге "Psychanalytic Pioneers". Ed. by F.Alexander, S. Eisenstein and M. Grotjahn. New York: Basic Books, 1966, p.159.

Reality of the death instinct, especially in melancholia. "Psychoanal. Rev.", 1932, № 19, 129-151.

The ego feeling in dreams. "Psychoanal Quart.", 1932, № 1, 511-542.

The awakening of the ego in dreams: I. Orthriogenesis; II. Postulates to serve as a basis for an ego-psychology. "Int. J. Psychoanal.", 1934, № 15, 296-301.

The Undirected function of the central nervous system. "Int.J. Psychoanal.", 1938, №19, 173-198.

9. Ego Psychology and psychoses. (Ed. by E.Weiss). New York: Basic Books, 1952.

Психоаналитический вестник, 1996, № 5

Аналитическая психология и проблема происхождения архетипических сюжетов

Е.М.Мелетинский

Давно замечено, что сюжеты, мотивы, поэтические образы и символы часто повторяются в фольклоре и литературе. И чем древнее или архаичнее это словесное творчество, тем повторение чаще. Впрочем, традиционные сюжеты, взятые из давно сложившегося арсенала поэтического воображения, абсолютно господствуют в литературе Запада вплоть до начала XVIII века, а в литературе Востока до еще более поздних времен. Большинство традиционных сюжетов восходит на Западе к библейским и античным мифам, а на Востоке - к буддийским, индуистским и т.п. Но за этими конкретными традициями, отчасти связанными с высшими религиями, стоит огромный массив архаических мифов буквально всех стран, весьма однородных и сходных между собой.

В XVIII-XIX вв. литература демифологизировалась, а в науке возобладало позитивистское представление о мифах как только плодах незрелой мысли, неумелых, ложных обобщениях и пережитках первобытных институтов. Исключение составляли романтическая философия (прежде всего Шеллинг) и романтическая литература, которая если и прибегала к мифоподобным сюжетам, то не традиционным, а собственного изобретения (особенно Гофман).

Но с конца XIX века началась "ремифологизация". Ее пионерами были в теории Ф. Ницше, а в плане практики - Р. Вагнер. Этнология XX века, начиная с Б. Малиновского, Ф. Боаса, Дж. Фрезера и учеников последнего - так называемой "Кембриджской школы", показала фундаментальную роль мифа и ритуала в жизни архаического общества и генезисе социальных институтов. Восходящая к Ницше "философия жизни" (особенно подчеркнем роль Анри Бергсона) проложила путь к восприятию мифа не как полузабытого эпизода предыстории культуры, а как вечной вневременной живой сущности культуры. Глубокое понимание мифа как важнейшей "символической" формы человеческой деятельности с ее особой спецификой проявил неокантианец марбургской школы Эрнст Кассирер. В отличие от представителя французской социологической школы Л. Леви-Брюля, подчеркивающего иррациональный прелогизм мифа на основе механизма "партиципаций", Кассирер выявил и рациональные элементы мифа. Лидер структурной антропологии Клод Леви-Стросс описал мифологию в качестве интеллектуального и достаточно плодотворного мышления, но своеобразного и весьма громоздкого, с использованием механизма "медиации" и "бриколажа", т.е. как бы решение интеллектуальных задач - рикошетом. Отзвуки архаических схем, мифоподобные элементы если и встречаются в литературе второй половины XIX в., то в завуалированной форме, бессознательно. Зато в литературе XX века появляется настоящий поток

"ремифологизации", захватывающий поэзию (Йетс, Паунд и др.), драму (Ануй, Клодель, Кокто, Жироду, О'Нил и др.) и роман (Т. Манн, Дж. Джойс, Г. Брок, Дж. Апдайк, Дж. Лоуренс, А. Карпентьер, А. Астуриас, Х.М. Аргедас, Г.Г. Маркес, К. Ясин, М. Булгаков). В странах "третьего мира" при этом используются отчасти сохранившиеся местные фольклорно-мифологические традиции, а в европейской литературе имеет место манипулирование традиционными мифами и древними сюжетами с оглядкой на современную науку и философию. Мифы при этом привлекаются ценой некоторой иронии для выражения именно вечных начал человеческой психики и для описания ее современных бед, как, например, "отчуждение" и социальное одиночество - бед, совершенно невысказанных в архаических обществах. С указанным потоком мифологизации в литературе корреспондирует ритуально-мифологическая школа в литературоведении (М. Бодкин, Н. Фрай и др.), рассматривающая мифологические системы не как источник, а как сущность литературного произведения. Теоретической предпосылкой подобного понимания традиционных сюжетов мифологии и их применения к индивидуалистической психике человека XX века, кроме указанных выше философских и этнологических концепций, является психоанализ как в первичной фрейдистской редакции, так и в юнгианской.

Как известно, З. Фрейд усматривал в мифических сюжетах буквальное или аллегорическое выражение откровенных сексуальных влечений, якобы направленных на родителя противоположного пола и впоследствии вытесненных в подсознание, порой порождающих болезненные "комплексы", и завуалированных в сюжетах сказки и последующей литературы.

К.-Г. Юнг индивидуальным "комплексам" З. Фрейда удачно противопоставил коллективно-бессознательные "архетипы", непосредственной реализацией которых К.-Г. Юнг и его последователи (К. Кереньи, Дж. Кемпбелл, Э. Нойман и многие другие) считали мифологию народов мира и ее отголоски в литературе. Понятие коллективно-бессознательного К.-Г. Юнг отчасти заимствовал у французской социологической школы ("Коллективные представления" Э. Дюркгейма и Л. Леви-Брюля). Под архетипом Юнг понимал в основном (определения в разных местах его книг сильно колеблются) структурные схемы, структурные предпосылки образов, существующих в сфере коллективно-бессознательного и, возможно, "биологически" наследуемых, как концентрированное выражение психической энергии, актуализированной объектом. Юнг подчеркивает метафорический, или символический, а не аллегорический, как у Фрейда, характер архетипов.

В качестве важнейших архетипов Юнг выделяет архетипы "Матери", "Дитяти", "Тени", "Анимуса", "Анимы", "Мудрого старика" и "Мудрой старухи". "Мать" выражает вечную и бессмертную бессознательную стихию. "Дитя" символизирует и начало пробуждения индивидуального сознания из стихий коллективно-бессознательного, и связь с изначальной бессознательной недифференцированностью, и "антиципацию" смерти и нового рождения. "Тень" - оставшаяся за порогом сознания бессознательную

часть личности, которая может выглядеть как демонический двойник; "Анима" для мужчины и "Анимус" для женщины воплощают бессознательное начало личности, выраженное в образе противоположного пола, а "Мудрый старик" и "Мудрая старуха" - высший духовный синтез, гармонизирующий в старости сознательную и бессознательную сферы души. Юнговские архетипы представляют собой преимущественно образы, персонажи, в лучшем случае - роли, в гораздо меньшей мере - сюжеты, и, что особенно важно, все эти архетипы выражают главным образом ступени того, что Юнг называет процессом "индивидуации", постепенного выделения индивидуального сознания из коллективно-бессознательного, изменения соотношения сознательного и бессознательного в человеческой личности до их окончательной гармонизации в конце жизни. Таким образом, коллективно-бессознательное практически противостоит индивидуально-сознательному, и мы с самого начала имеем дело с сугубо индивидуальной сферой психики, которая вырывается из тенет коллективно-бессознательного. И эта ситуация несколько не меняется от первобытности до наших дней.

Таким образом, в плане исторической психологии имеет место совмещение модернизации по отношению к архаической культуре и архаизации по отношению к современному индивидуалистическому сознанию. Кроме того, по Юнгу архетипы описывают бессознательные душевные события в образах внешнего мира. С этим можно согласиться, но практически получается, что мифология полностью совпадает с психологией, а эта мифологизированная психология есть только самоописание души, пробуждающейся к индивидуальному сознательному существованию, есть только история взаимоотношения бессознательного и сознательного начал личности, процесса их постепенной гармонизации на протяжении человеческой жизни, переход от обращения вовне "Персоны" ("Маски") к высшей "Самости" личности. Окружающий мир при этом только предоставляет некоторые реалии для метафорического выражения душевных состояний. Творение мира в мифах трактуется юнгианцами (например, Э. Нойманом) как история рождения "я", постепенная эмансипация человека (Творение Света только в смысле света Сознания). Также и героическая борьба в мифе с драконами и т.д. интерпретируется как отделение сознательного "Я" от "Бессознательного".

Думается, что взаимоотношение внутреннего мира человека и окружающей его природной и социальной среды - не в меньшей мере предмет мифологического воображения, чем соотношение бессознательного и сознательного в душе, что внешний мир - не только материал для описания внутренних конфликтов, и что жизненный путь человека отражается в мифах и сказках в плане соотношения личности и социума, личности и космоса не в меньшей мере, чем в плане конфронтации-гармонизации сознательного и бессознательного.

Если мы обратимся к архаической культуре и древней мифологии, то прежде всего столкнемся с тем, что первобытный человек, взаимодействуя с

социальной и природной средой, не выделял себя из природной среды; поэтому природа часто мыслилась в человеческих формах, космос представлялся великаном, небесные светила - богами или героями, человеческое общество описывалось в природных терминах (сравни анимизмы, тотемизмы и тотемические классификации).

Очень долго человек никак не выделял себя как личность из социума. И в этом смысле мифический герой предперсонален. Во множестве мифов различные сферы природы или конкретные участки ее (леса, реки) олицетворяются духами-хозяевами, а социум, т.е. человеческую общину, субъективно отождествляемую со своим родом-племенем, представляют древнейшие мифологические персонажи, сочетающие черты предков, первоначально тотемических, т.е. неотделимых от "природы", - демиургов - культурных героев.

Эти существа мало соотносятся с индивидуальным самосознанием "я" и моделируют человеческое начало в целом. Другое дело, что человечество часто при этом совпадает со своим племенем, а чужие племена порой сливаются с "нелюдьми", с враждебной частью природы. Рядом с "культурным героем" часто в качестве его брата-близнеца или даже его собственной "второй натуры", иной ипостаси, выступает мифологический плут-трикстер с чертами шута. Трикстер или неудачно подражает деяниям культурного героя в делах создания элементов Космоса, введения обычаев и культурных навыков либо нарочно порождает "дурные" элементы природы и культуры, например, гористый рельеф, злых зверей, враждебные племена ("не-людей"), саму смерть. Кроме того, трикстер способен на всевозможные проделки ради утоления собственной жадности и в ущерб другим членам общины. Такая "индивидуалистическая" направленность его деятельности часто ему не удается и во всяком случае решительно осуждается. Культурный герой - прообраз положительного героя, а трикстер - прообраз антигероя. "Культурные герои" являются историческими предшественниками и образов богов, и образов эпических богатырей. От трикстеров тянется нить к хитрецам сказок о животных и к персонажам плутовских романов.

Выше указывалось на первоначальную связь предков-демиургов культурных героев с тотемизмом. Отсюда - звериные их имена, например, Ворон, Норка, Койот, Кролик (у индейцев Северной Америки) или Хамелеон, Паук, Антилопа, Муравей, Дикообраз (у многих народов Африки) и т.п. Яркий пример враждующих близнецов - культурного героя и трикстера - находим в меланезийском фольклоре: То Кабинана и То Карвуву. При этом оба уже внешне антропоморфны. Также уже антропоморфен и герой полинезийского фольклора - Мауи. Последний, как и, например, Ворон, Норка, Койот в Северной Америке, сочетает в себе черты и культурного героя, и трикстера.

Если тотемическая зоантропоморфная природа некоторых культурных героев затемняет дифференциацию культуры (социума) и природы, то знаменитый древнегреческий Прометей отчетливо противопоставляет богам именно как защитник человечества. Его брат - Эпиметей, принявший

Пандору с ее злыми дарами, есть вариант "негативного" культурного героя (трикстера).

Культурные герои богатырского типа, наподобие греческих Геракла, Тесея, Ясона или скандинавского бога Тора, некоторых персонажей героического эпоса, например, в эпопеях тюрко-монгольских народов Сибири, индийской "Рамаяне", тибето-монгольской "Гесэриаде", англо-саксонском "Беовульфе", русских былинах, представляют силы Космоса, борющиеся против демонических, хтонических "чудовищ" Хаоса, угрожающих мирному существованию людей. Эти герои, при всей своей "сверхчеловечности", тоже в основном пре-персональны и олицетворяют коллективное начало природно- и социально-упорядоченного Космоса.

Совершенно очевидно, что магистральной темой мифа, фундаментальным архетипом является "творение" элементов природы и культуры обожествленными предками, которые элементы или магически порождают, или даже "биологически", как родители детей. Демиурги изготавливают их, как ремесленники. Культурные герои добывают их, иногда похищают у первоначальных ("природных") хранителей. И речь идет о создании внешнего мира, а не только о пробуждении индивидуального самосознания.

Специфика мифа заключается и в том, что в виде рассказа о происхождении элементов мироздания и социума дается описание некоей модели мира. Происхождение мира дополняется его упорядочением, победой Космоса над Хаосом, и этот Космос - не аллегория индивидуации, а Хаос - не аллегория коллективно-бессознательного.

Упорядочение мира выражается также в борьбе сил Космоса против демонических сил Хаоса - чудовищ и т.п., эта борьба описывается в героических мифах и является тоже важнейшим архетипом. Кроме мифов творения и продолжающих их героических мифов, имеются мифы эсхатологические - о конце мира, о временной или окончательной победе Хаоса над Космосом, т.е. мифы творения "наизнанку", а также мифы календарные о периодическом обновлении природы и обновляющих ее богах и героях, причем обновление происходит через Смерть, Хаос и новое Творение в виде возрождения (Воскресения). Сюда же примыкает и мифологическая тема, тоже архетипическая, стоящая на грани "природы" и социума, - тема смены поколений, замены старого царя, жреца, колдуна, вождя молодым (сравни теогонии о смене поколений богов). Эта смена часто описывается как борьба Хаоса (старшее поколение) с Космосом (младшее поколение) и как успешное прохождение молодым героем "посвящения" в зрелость, т.е. инициации. При этом инициационные испытания сливаются с попытками старого вождя-отца или брата матери героя известить молодого претендента на власть. Зрелость героя также обычно проявляется в некоем гиперэротизме и в том, что герой вступает в любовные отношения с женой старого вождя, которая может оказаться даже его собственной матерью. Однако это не следует трактовать в фрейдистском духе как выражение инфантильной эротики в адрес матери и сексуального соперничества с отцом.

Примеров разработки темы смены поколений бесчисленное множество. Упомянем только два: первый - тлинкитский миф о борьбе молодого Ворона, будущего культурного героя, со старым вороном, его дядей. Рассказ включает инцест с женой дяди, попытки старого Ворона известить героя разными способами, вплоть до насылания потопа, т.е. водяного Хаоса. Второй пример - известный греческий миф об Эдипе, который до сих пор нещадно эксплуатируют психоаналитики.

Как сказано, в теме смены поколений отражается первобытный обряд инициации, посвящения по достижении половой зрелости в полноправные члены племени. Несомненно, что архетипические мотивы инициации встречаются и в других, упомянутых выше, героических и календарных мифах. Но инициация в мифе - акт социальный, переход из одной социальной группы в другую, акт, который можно рассматривать как своеобразную "космизацию" личности героя, покидающего аморфное сообщество женщин и детей; отсюда и естественное сближение с мифами творения. Но это не только символика пробуждения индивидуального сознания, но и символика приобщения к социуму. Что касается инцеста (запрещенной кровосмесительной эротической связи), то он в ряде сюжетов сигнализирует о зрелости и готовности героя к инициации, способности успешно ее пройти, причем речь может идти и об инициации высшего уровня - посвящении в вожди.

Но за исключением подобных случаев мифы не одобряют инцест. Так, в мифах о детях Ворона у каряков и ительменов (выше упоминался миф о Вороне у индейцев-тлинкитов) сын ворона Эмемкут женится дважды: один раз неудачно, а второй раз - удачно. Первый, неудавшийся брак - это либо брак с "бесполезным" существом, либо неправильный инцестуальный брак с родной сестрой Инианавут (Синаневт); второй удачный брак - с мифологическим существом, дающим хорошую погоду и удачную охоту. Прибавим, что популярный мифологический, а затем и сказочный архетипический сюжет женитьбы на чудесной жене, сбросившей временно звериную (тотемную) оболочку, при всей фантастичности, утверждает экзогамный брак с женщиной из другого рода (с другим тотемом). Эти и подобные им мифы не всегда подходят под психоаналитическое истолкование и, являясь социогенными, выражают процесс социогенеза общества за счет запрещения внутриродовых инцестуальных браков. Таков двойной аспект архетипа инцеста.

Следовательно, мифы и архетипические сюжеты не только имеют корни в коллективно-бессознательном, но обращены на Космос и социум, они бессознательно социальны и сознательно космичны в силу сближения и отождествления социума и Космоса; мифические герои пре-персональны, моделируют социум.

Персонализация и элементы того, что Юнг называет индивидуацией, появляются на постмифологической ступени развития словесного искусства. Далее обратим внимание на исключительность героя в героических мифах и в героическом эпосе. Эта исключительность антиципирована в чудесном

рождении героя, в происхождении его от богов, зверей (реликт тотемизма), от инцестуальной связи брата и сестры (аналог первых людей), в непорочном зачатии или чудесном рождении у престарелых и прежде бездетных родителей, или от вкушения плода, или вследствие волшебства и т.д. Чудесное рождение дополняется героическим детством, во время которого герой-ребенок проявляет недюжинную силу, убивает чудовищ, мстит за отца и т.д. или, наоборот, временно проявляет крайнюю пассивность, медленно развивается (сравни юнговский архетип "Дитя").

В героическом мифе архетипический характер только намечается. В героическом эпосе он окончательно формируется как характер смелый, решительный, гордый, неистовый, строптивый, склонный к переоценке своих сил. Вспомним "гнев" Ахилла, "неистовое сердце" Гильгамеша, буйство и чрезмерную гордыню библейского Самсона, наказанных за гордыню богоборцев Амирана, Абрскила, Артавазда, строптивного Илью Муромца, "храброго" Ролана в его противопоставлении "разумному" Оливеру и т.д. Неистовость, толкающая богатырей на конфликты с властителями и богами, явно подчеркивает их индивидуальность. Неслучайно эти конфликты (например, в случае Ахилла, Сида, Ильи Муромца) гармонически и самым естественным образом разрешаются. Это происходит потому, что эпические герои продолжают олицетворять прежде всего родо-племенной коллектив; их личные чувства не в силу особой "сознательности" или "дисциплины", а совершенно стихийно и естественно совпадают с общинными эмоциями и интересами. Личная стропливость на фоне социальной гармоничности - важная специфика героико-эпического архетипа. Подчеркнем, что в эпосе социум выступает уже не в космическом, а племенном или даже государственном облики.

И только в волшебной сказке, где мифический Космос уступает место не племенному государству, а семье, процесс "персонализации" проявляется осязаемым образом, несмотря на то, что сказочные персонажи гораздо пассивнее эпических (вплоть до иронического Иванушки-дурачка) и что в известном смысле за них действуют волшебные помощники. В сказке герой часто дается в соотношении со своими соперниками и завистниками, которые стремятся приписать себе его подвиги и овладеть наградой. Выяснение, кто именно истинный герой, очень важно для сказки, и в рамках ее возникает архетипический мотив "идентификации", установления авторства подвига. Для нас важно подчеркнуть, что герой противопоставляется не только хтоническим чудовищам (например, дракону, которого он должен победить, чтобы спасти царевну), но и членам своего узкого социума, например, старшим братьям или сестрам, мачехиным дочкам, царским зятям. Сказка в отличие от мифа открывает путь для свободного сопереживания, для психологии исполнения желаний: приобретения чудесных предметов, исполняющих желания, и женитьбы на царевне - прежде всего. Сказочная царевна, с точки зрения юнгианцев, есть "Анима" героя, т.е. женский вариант его души (что достаточно спорно).

Пре-персональный мифический герой в известном смысле имплицитно отождествлялся с социумом, эксплицитно действовал на космическом фоне. Персонализированный сказочный герой представляет личность, действующую на социальном фоне, выраженном в семейных терминах. Важнейший архетип, порожденный сказкой, - это мнимо "низкий" герой, герой, "не подающий надежд", который затем обнаруживает свою героическую сущность, часто выраженную волшебными помощниками, торжествует над своими врагами и соперниками. Изначально низкое положение героя часто получает социальную окраску обычно в рамках семьи: сирота, младший сын, обделенный наследством и обиженный старшими братьями, младшая дочь, падчерица, гонимая злой мачехой. Социальное унижение преодолевается повышением социального статуса после испытаний, ведущих к брачному союзу с принцессой (принцем), получением "полцарства". Сам образ принцессы символизирует этот социальный сдвиг в судьбе героя, а не только его женскую ипостась (Аниму), как утверждают юнгианцы.

Указанный архетип отражает исторический переход от рода к семье, разложение родового уклада. При этом младший сын в силу перехода от архаического минората к патриархальному майорату и падчерица в силу того, что само появление "мачехи" есть результат нарушения родовой эндогамии, т.е. возникновения браков на женщинах за пределами "класса жен", вне своего племени, являются жертвами этого процесса. Эти архетипические мотивы, имплицитно социальные, обычно обрамляют ядро сказки, в которой реализуются более старые архетипические мотивы, унаследованные от мифа и лишь слегка трансформированные. В частности, связанные с обрядом инициации и борьбой против сил Хаоса, добыванием объектов из иного мира, женитьбой на "тотемной" жене и т.д. В бытовой сказке место волшебных сил занимает собственный ум героя и его судьба, в сказке о животных и анекдотической сказке развивается архетип трикстера, торжествующего над простаками и глупцами. В легендах о пророках и подвижниках используются архетипические мотивы мифов о культурных героях и периферийные мотивы эпоса и сказки.

В рыцарских (куртуазных) романах завершается трансформация архетипов, намеченных в сказке и эпосе. Более того, именно в куртуазном романе архетипы выступают в наиболее "очищенном" виде, очень напоминая то, что юнгианцы искали в самых древних мифах.

По сравнению с эпическим героем, рыцарь вполне персонализирован и обходится без буйного своеволия, в нем больше цивилизованности. На старый эпический архетип героя оказывает давление новый романический идеал. Собственно рыцарское начало, которое можно соотнести с представлением об эпическом герое, приближается, отчасти, к тому, что К.-Г. Юнг называл "Персоной". Это начало вступает в противоречие с глубинным, подсознательным проявлением как раз не коллективного, а индивидуального начала души. Это индивидуальное начало проявляется прежде всего в стихийном, фатальном любовном чувстве к уникальному объекту. Попытки заменить его другим объектом не удаются. Самый яркий пример: Тристан не

может забыть Изольду белокурую в объятиях Изольды белокурой. Между тем это фатальное чувство социально деструктивно, оно ведет к супружеским изменам, инцесту (связь Тристана с женой дяди, сюзерена Марка, или связь Рамина в персидском романе "Гургани" с женой старшего брата и властителя Мубада, или связь Гендзи в японском романе "Мурасаки" с наложницей отца-императора и т.п. - все это преображенные мифологемы смены поколения вождей), позору племени (любовь Кайса-Меджнуна к Лейле у Низами) или просто к отвлечению от рыцарских приключений и выполнения рыцарского долга (в романах Кретьена де Труа).

В ранних рыцарских романах (например, в "Тристане и Изольде") конфликт не получает разрешения и угрожает герою гибелью. Психоаналитические критики (например, Кемпбелл) видят здесь исконную связь любви и смерти, восходящую к эротическим элементам аграрных обрядов. Эта отдаленная связь не исключается, но мало что объясняет в сюжете романа. В более развитых романах происходит гармонизация за счет куртуазной или суфийской концепции любви, т.е. любовь сама вдохновляет героя на подвиги. Этот процесс гармонизации внешнего и внутреннего, рационального и иррационального (подсознательного) осуществляется во времени и через новые испытания, которые сравнимы с тем, что Юнг называет индивидуацией. Любовный объект во всех этих романах сопоставим с юнговской "Анима" без натяжки в отличие от сказочных царевен. Но подсознательная стихия здесь как раз сугубо индивидуальна, а не коллективна, именно она как бы сопоставима с "Самостью". Архетип инициации здесь преобразован в сложные рыцарские приключения и испытания верности как эпического, так и романтического начала. В "Персевале" Кретьена де Труа в сюжете используется архетип смены поколений. Персеваль должен заменить больного Короля-Рыбака в качестве хозяина чудесного замка Грааль, оба начала (эпическое и романтическое) постепенно гармонизируются уже с точки зрения христианской любви.

Европейский рыцарский роман, используя традиционные мифы, охотно прибегает к разным традициям - христианской, античной, языческо-кельтской и т.д. Такое совмещение способствует выявлению архетипических сущностей. Такое же впечатление производит византийский роман при сравнении с более древним греческим романом эллинистического и римского времени.

Таким образом, картина оказывается более сложной по сравнению с юнгианскими представлениями, не говоря уже о фрейдистских, ибо пробуждение сугубо индивидуального сознания происходит постепенно, на протяжении определенной исторической дистанции и связано с некоторой мерой эмансипации личности. Поэтому рыцарский роман гораздо адекватнее юнговской картине, чем архаические мифы. С другой стороны, ученые, находящиеся под влиянием юнгианства (например, Кемпбелл в качестве автора книги "Маски бога" или упомянутая выше ритуально-мифологическая школа в литературоведении), не делают существенных различий между древней мифологией и мифологизирующим романом типа Джойса, а также

авторами XX века, не прибегающими к традиционным сюжетам, но создающим свою личную мифологию, как это делает Кафка.

Между тем Джойс с помощью иронически преобразованных мифологических архетипических мотивов выражает не только пробуждение индивидуального сознания из коллективно-бессознательного, хотя мотив освобождения от социальных клише у него присутствует, но и трагедию отчуждения и покинутости индивида в XX веке. У Джойса мы находим отчетливую дисгармонию личности и социума, личности и Космоса. То же и у Кафки, но без использования традиционных мотивов. Вопреки мифологичности Джойса и квази-мифологичности Кафки, вопреки их игре архетипами достаточно очевидна противоположность смыслов в модернистском романе и в фольклорно-литературной архаике от подлинного мифа до рыцарского романа: например, в настоящих тотемических мифах и в волшебной сказке о чудесной жене - превращение в животное есть соединение со своим социумом, а в "превращении" Кафки - разрыв с семьей и полное отчуждение. В мифах, сказках и рыцарских романах герой в конечном счете удачно проходит инициацию и получает доступ к высшим социальным и космическим ценностям, а джойсовский Улисс (Блум) не может укорениться в семье и в городе, где он живет, так же как землемер К. у Кафки в романе "Замок". Герой Кафки как бы не может пройти инициацию, необходимую для вхождения в желанный социум, так и для героя "Процесса", другого знаменитого романа Кафки, остаются недоступными "врата закона". Герои Кафки в противоположность архаическим ("архетипическим") персонажам отторгнуты и от общества, и от высших небесных сил, от которых зависит их судьба.

В большинстве "мифологизирующих" произведений XX века нарушен основной пафос древнего мифа, направленный на устранение Хаоса и создание модели достаточно упорядоченного, целесообразного и "уютного" Космоса.

*Мелетинский Е.М. Аналитическая психология
и проблема происхождения
архетипических сюжетов.
Бессознательное. Сборник. –
Новочеркасск, 1994, с.159-167.*

Фрейдизм в этнографии

С.А.Токарев

Фрейд и этнография.

С именем Зигмунда Фрейда связано научное направление, которое, зародившись вначале в далекой от этнографии области психиатрии, оказало в дальнейшем очень сильное влияние на этнографическую науку, как и на некоторые другие. Это направление получило название «психоаналитической» теории.

Зигмунд Фрейд (1856—1939) 1, медик по образованию, психиатр по основной профессии, работал сначала (1876—1882) в области физиологии человека, затем (с 1885 г.) в области неврологии и психиатрии.

Он учился у знаменитого французского невролога Шарко, потом у нескольких психиатров и перепробовал различные методы лечения неврозов и психозов, особенно удачно применяя гипноз и внушение.

Он обратил внимание при этом на то, что пациенты, страдающие нервными, особенно истерическими расстройствами, обычно не способны сами понять причину своего заболевания, но под гипнозом могут ответить врачу на его вопросы и тем самым обнаружить эту причину. А причина — это всегда некая «динамическая травма», вызванная тем или иным подавленным или вытесненным из сознания импульсом.

Эти подавленные импульсы Фрейд считал «постыдными импульсами» (потому-то они и подавляются). В каждом из нас идет борьба между «принципом удовольствия» (Lustprinzip), т. е. стремлением удовлетворить свои влечения, и «принципом реальности», т. е. невозможностью или трудностью их удовлетворения вследствие сопротивления внешней среды. Потому-то и происходит вытеснение этих импульсов в область «бессознательного» (или «подсознательного»). Наше сознание («я») Фрейд считает ничтожным по сравнению с областью «бессознательного» («оно»). Но эти вытесненные в «бессознательное» импульсы ищут себе как бы окольного выхода или лазейки, отсюда разные неврозы, истерия, психозы. В дальнейшем, в 1895 г., Фрейд пришел к выводу, что и без гипноза можно обнаруживать скрытую «динамическую травму» — причину нервного или психического заболевания — и доводить ее до сознания больного. Средства для этого — толкование сновидений, «свободная ассоциация» и «перенесение».

Особое значение придавал Фрейд толкованию сновидений; об этом методе он выпустил в 1900 г. толстую книгу. Упомянутые методы и их теоретическое обоснование и представляют собой пресловутый «психоанализ».

«Толкование сновидений» послужило краеугольным камнем теории психоанализа. Так как сны видят все без исключения люди, здоровые и больные, взрослые и дети, то Фрейд считал сновидение наиболее

плодотворным источником для познания закономерностей психической жизни человека — общих закономерностей для нормальной и патологической психики. В книге Фрейда о сновидениях содержится в сжатом виде суть его концепции.

Рассмотрев критически все существующие в литературе взгляды на «проблему сновидений», Фрейд останавливается на таком наиболее правильном, по его мнению, понимании сущности сновидения: «Сновидение есть исполнение желания»². Все сновидения всегда представляют то, что человек, большей частью тайно и неведомо для самого себя, желает. На это, естественно, возражают: как же так? ведь человек видит и «страшные» сны, испытывает во сне боль, страх, стыд и пр. — Да, конечно, отвечает на это Фрейд, но надо различать само содержание сновидения, которое очень часто бывает действительно неприятным, мучительным, и то, что скрывается за этим содержанием, т. е. как бы латентное (скрытое) содержание. Для того-то и нужно толкование сна, чтобы вскрыть его латентный смысл.

Содержание снов заимствуется большей частью из впечатлений предыдущего дня, а также из забытых детских воспоминаний; требуется настойчивый анализ, чтобы докопаться до этих «источников сновидений» (Traumquellen). Не бывает так называемых «безобидных» (harmlose) сновидений, все они после надлежащего анализа оказываются «значительными». И подлинная сущность их в большинстве случаев, по мнению Фрейда, — это эротические эмоции и побуждения, подавленные или вытесненные в детстве.

Эротические образы принимают во сне искаженную символическую форму. Здесь Фрейд, в сущности, покидает почву объективных фактов и пускается в совершенно произвольные символические толкования любых предметов, действий, положений, являющихся во сне, с сексуальной точки зрения. «Чем более мы занимаемся разъяснением (Losung) сновидений, — пишет Фрейд, — тем охотнее мы признаем, что большая часть сновидений взрослых людей имеет дело с сексуальным материалом и выражает эротические желания»³.

Эротические желания (libido) заложены в человеке с детства. Фрейд особое внимание уделял детской сексуальности. Эротические побуждения у ребенка проходят несколько фаз: вначале они направлены на собственное тело — нарцизм, или аутоэротизм (впоследствии Фрейд расчленил эти термины: аутоэротизм — первая стадия, где Объект полового влечения еще не определен; нарцизм — вторая, когда этот объект уже определен, но им служит собственное тело ребенка). Потом эротические побуждения раздваиваются: у мальчиков эротический импульс направлен на мать (при этом отец воспринимается как нежелательный соперник, к нему бессознательно враждебное чувство), у девочек — на отца. В подкрепление этой мысли он ссылается на древнегреческое сказание о царе Эдипе (поэтически обработанное в известной трагедии Софокла), который, сам того не зная, убил своего отца и женился на собственной матери. На взгляд Фрейда, глубокий смысл этой трагедии состоит не в идее о бессилии

человека перед судьбой и перед волей богов, как обычно считают (ибо тогда трагедия Софокла не волновала бы людей на протяжении столетий), а в том, что одинаково затрагивает всегда и всех. Фрейд назвал это явление «Эдипов комплекс» (такое обозначение с тех пор и применяется фрейдистами).

Кстати, в этом же духе попытался Фрейд дать новое толкование и трагедии Гамлета. Трагедия его не в том, считает Фрейд, что он из нерешительности не может отомстить за смерть отца; напротив, он несколько раз на протяжении драмы поступает весьма решительно, умерщвляя людей. Нет, Гамлет лишь потому не хочет и не может отомстить убийце своего отца, что этот убийца лишь выполнил его же собственное тайное желание — желание смерти отца 4.

Психоанализ в этнографии

Уже в «Толковании сновидений» Психоанализ Фрейд таким образом сделал первую, как бы пробную попытку выйти за пределы собственно неврологии и психиатрии и вторгнуться в область толкования явлений культуры — мифологии, литературы. В своей следующей книге, ставшей особенно популярной, — «Психопатология обыденной жизни» 5 — Фрейд сделал еще один шаг в том же направлении: попытался объяснить с точки зрения своей теории «вытесненных импульсов» повседневно повторяющиеся бытовые явления: разные обмолвки, оговорки, описки, забывание имен и пр. Все это-де есть проявление импульсов, вытесненных из сознания и пребывающих где-то в подсознательной сфере.

Вскоре за тем появилась его книга «Остроумие и его отношение к бессознательному», где тот же метод применен к объяснению шуток, острот, анекдотов. В 1910 г, Фрейд напечатал книгу о творчестве Леонардо да Винчи: новая попытка применить психоаналитический метод к толкованию культурных явлений 6.

Наконец, в 1913 г. выходит в свет книга, имеющая уже самое прямое отношение к этнографии, — «Тотем и табу (психология первобытной культуры и религии)» 7.

Исходной и самой общей идеей, на которой построена названная книга (на ней основывались впоследствии все сочинения фрейдистов), была мысль, что есть некое существенное сходство между «психологией первобытных народов», известной по этнографическим описаниям, и «психологией невротиков», разъясняемой психоанализом. Из этого следует, что можно интерпретировать «этнографические» факты на основе данных психоанализа, полученных в неврологических клиниках. И вот Фрейд пытается дать свое психоаналитическое объяснение некоторым явлениям, понимание которых с трудом дается этнографам: обычаи экзогамии, «избегания» определенных родственников, разного рода табуация, магия, анимизм, наконец, тотемизм. Перечисленные явления действительно до сих пор вызывают споры между этнографами, и некоторые из них, например экзогамия, даже и сейчас не

получили удовлетворительного объяснения. Как же объясняет их Фрейд и насколько удовлетворительны эти объяснения?

В отношении экзогамии «психоаналитический» метод Фрейда не дает, как он и сам признает, ничего существенно нового против прежних попыток объяснить экзогамию «боязнью инцеста». Боязнь-то боязнь, но откуда она появилась? Вот вопрос. Фрейд отвечает на него тем, что-де у невротиков наблюдается подавленное стремление к инцесту (с матерью, сестрой). Допустим, но было ли такое стремление действительно когда-то всеобщим? И потому ли именно было оно запрещено обычаем экзогамии и обычаем «избегания»? Такое предположение ничем не доказано.

Объяснение табуации и тотемизма

Что касается обычаев табуации, то их Фрейд пытается объяснить исходя из своей теории вытеснения «постыдных импульсов». Табуации, т. е. запретам, подвергались те предметы и действия, относительно которых у человека имелись какие-то недозволенные желания. Например, табу на вождей, королей, жрецов порождено тем, что людям очень хотелось «убивать своих королей и священников»; табу на трупы — тем, что им хотелось «терзать умерших», и т. д. В подобных рассуждениях, однако, мало убедительности.

Рассмотрение Фрейдом магии и анимизма приводит его к еще более туманным выводам. Присоединившись к взглядам Фрэзера на соотношение магии и религии (первая предшественница второй), Фрейд 'пытается установить аналогию с фазами развития детского либидо: фазе нарцизма соответствует анимизм (скорее уж магия, если держаться концепции Фрэзера! — С. Т.), а фазе «любви к объекту» — религия. Трудно вообразить себе более бесплодное аналогизирование!

Наиболее своеобразна и интересна в книге Фрейда глава о тотемизме («Инфантильное возвращение тотема»). Правильно отметив сложность проблемы и наличие многих противоречащих друг другу -попыток решить ее, он делает смелое заявление, что-де «единственный луч света в эту тьму проливает психоаналитический опыт»⁸. Рассуждения Фрейда здесь очень просты. «Отношение ребенка к животному имеет многосходного с отношением примитивного человека к животному»: ни тот, ни другой будто бы не отделяют себя резко от животных. Но «вдруг ребенок начинает бояться определенной породы животных... Возникает клиническая картина фобии животных, одно из самых распространенных среди психоневротических заболеваний этого возраста и, может быть, самой ранней формы такого заболевания»⁹.

Фрейд приводит примеры: один мальчик боялся собаки, другой — лошади, третий — петуха, и т. д. и т. д., Но откуда же боязнь животных? По основному психоаналитическому тезису, животное — заместитель образа отца; а отец для маленького мальчика —: это соперник в либидо к матери, но в то же время и некий идеал для подражания. Эта двойственность

(«амбивалентность») чувства в отношении отца переносятся на животное, которое становится и предметом страха, и предметом некоторого обожания. Отсюда делается вывод, что тотемическое животное у «примитивных народов» есть не что иное, как заменитель образа отца.

«На основании этих наблюдений, — пишет Фрейд («наблюдения» эти делались исключительно в клиниках! — С. Г.), — мы считаем себя вправе вставить в формулу тотемизма на место животного-тотема мужчину-отца»; в подкрепление своей мысли он замечает, что ведь и сами «примитивные народы» называют тотема «своим предком и праотцом». «Другими словами, — говорит Фрейд далее, — нам в этом случае удастся доказать вероятность того, что тотемистическая система произошла из условий комплекса Эдипа...»¹⁰.

Не ограничиваясь этими бездоказательными заявлениями, Фрейд стремился опереться на мнения или хотя бы гипотезы самих этнографов. Главной опорой оказалась для Фрейда теория шотландского этнографа Аткинсона о так называемой «циклопической семье». Что это за теория?

Еще в самом начале XX в. была опубликована работа Аткинсона «Первобытное право» («Primal law») ¹¹, где этот автор, ссылаясь, в свою очередь, на некоторые мысли Дарвина, выдвинул предположение, что первоначальной формой общежития предков человека была «циклопическая семья», состоявшая из одного старого самца и некоторого количества самок с детенышами. Самки находились в безраздельном подчинении и пользовании у самца; молодых же взрослых самцов он изгонял из семьи. Они бродили где-то поодаль, быть может, в полиандрическом сожительстве с какой-нибудь захваченной самкой, пока один из них не сменял одряхлевшего отца.

Заимствуя у Аткинсона эту картину, Фрейд продолжает гипотезу следующим образом: «В один прекрасный день изгнанные братья соединились, убили и съели отца и положили таким образом конец отцовской орде. Они осмелились сообща совершить то, что было бы невозможно каждому в отдельности. Может быть, культурный прогресс, умение владеть новым оружием дали им чувство превосходства. То, что они, кроме того, съели убитого, вполне естественно для каннибалов-дикарей» ¹².

Эта древняя каннибальская трапеза, как полагает Фрейд, сохранилась впоследствии в виде ритуальной тотемической трапезы-жертвоприношения: первобытный клан убивал и торжественно поедал свое тотемическое животное, своего бога (так представлял себе происхождение жертвенных трапез Робертсон-Смит, на которого опять-таки ссылается с одобрением Фрейд). Умерщвляемый тотем был заместителем отца, некогда убитого и съеденного восставшими сыновьями.

Мало того, из этого древнего отцеубийства выросло и многое другое — «социальные организации, нравственные ограничения и религия» ¹³. Последнее произошло, по Фрейду, вот каким образом: убив и съев своего отца, братья раскаялись в этом преступлении. Они наложили запрет на повторение подобного действия — никогда впредь не убивать отца, — а для устранения самого повода к вражде против отца и повода к взаимной

ревности они установили другой запрет — запрет брачно-полового общения с женщинами своего клана, т. е. экзогамию.

Образ убитого отца был заменен тотемическим животным. На него и был поэтому перенесен запрет: тотем нельзя убивать. Но во время периодически устраиваемых родовых праздников тотемическое животное убивают и торжественно поедают. «Праздник — это разрешенный, больше — обязательный эксцесс, торжественное нарушение запрещения. Не потому, что люди, весело настроенные, следуя какому-нибудь предписанию, предаются излишествам, а потому, что эксцесс составляет сущность праздника. Праздничное настроение вызывается разрешением обычно запрещенного». «Психоанализ открыл нам, что животное-тотем действительно является заменой отца, и этому соответствует противоречие, что обычно запрещается его убивать и что умерщвление его становится праздником, что животное убивают и все же оплакивают его»¹⁴.

Таким-то путем старается Фрейд связать основные тезисы своего психоанализа — «Эдипов комплекс», вражда к отцу, тайное желание его смерти, тайное либидное влечение к матери — с предполагаемыми этапами ранней истории человечества. Так же пытается он объяснить тотемизм, больше того, всякую вообще религию. «Тотемическая религия произошла, — пишет он, — из сознания вины сыновей, как попытка успокоить это чувство и умиловить оскорбленного отца поздним послушанием. Все последующие религии (NB! — С. Т.) были попытками разрешить ту же проблему различными способами, в зависимости от культурного состояния, в котором они предпринимались, и от путей, которыми шли, но все они преследовали одну и ту же цель — реакцию на великое событие, с которого началась культура и которое с тех пор не дает покоя человечеству»¹⁵.

Неправдоподобие всей этой концепции Фрейда бросается в глаза. Едва ли нужна даже и критика этого натянутого — попросту фантастического — предположения о сыновьях, съевших своего отца и тут же раскаявшихся. Экстравагантная гипотеза Аткинсона никем из этнографов не разделялась и не разделяется. Фрейд и сам в какой-то мере признавал маловероятность своего предположения. В конце книги он неожиданно отступает от этой гипотезы и предлагает другую, менее фантастическую: быть может, говорит он, убийства и съедения отца и не было, а было лишь то самое, нам уже знакомое, подавленное желание смерти отца. «...Одних только импульсов, враждебных отцу, существования в фантазии желания убить его и съесть могло быть уже достаточно, чтобы вызвать моральные реакции, создавшие тотем и табу»¹⁶.

Но отступив таким образом на более скромные позиции, Фрейд тем самым теряет опору в виде тех же историко-этнографических теорий (Робертсон-Смит, Аткинсон), которыми он пользовался, как бы слабы они ни были. Остается у него прежний тезис — голословный и неубедительный, — что всякому даже вполне нормальному человеку в раннем детстве свойственно желание смерти отца и полового союза с матерью.

Надо, однако, сказать, что Фрейд вовсе не покушался решать своим психоаналитическим методом все вообще проблемы этнографии или истории религии. Он прямо оговаривался (во введении к последней главе «Тотем и табу»), что не считает психоанализ единственным или даже главным методом объяснения религии: наряду с этим «источником» религия имела и другие, которые психоанализ открыть не в состоянии.

«Тотем и табу» осталось единственным сочинением Фрейда, посвященным чисто этнографическим темам. Нарисованная здесь мрачная картина доисторического отцеубийства осталась, как некий незримый символ, висеть над всеми писаниями Фрейда и его последователей, когда они касались вопросов культуры. На эту свою книгу Фрейд опирался и в своем последнем — очень интересном — этюде о происхождении еврейского монотеизма, напечатанном незадолго до его смерти и имеющем тоже некоторое отношение к этнографии.

О происхождении монотеизма

Книга «Моисей и монотеизм»¹⁷ была задумана Фрейдом как памфлет против религии.

Сочинение это резко распадается на две части, которые и печатались отдельно — в 1937 и в 1939 гг. В первой излагается взгляд Фрейда на происхождение религии Моисея: Моисей был египтянин, один из приближенных и сподвижников фараона Аменхотепа IV (Эхнатона), пытавшегося, как известно, ввести в Египте монотеизм — культ солнечного бога Атона. После смерти Эхнатона и наступления жреческой реакции, уничтожившей следы реформы, Моисей ушел к евреям и попытался — притом с большим успехом — ввести монотеистическое почитание Атона у них. После длительных смут, во время которых сам Моисей был убит, установился некоторый компромисс: появился второй законодатель с тем же именем Моисея, древнееврейский божок Ягве приобрел черты единого мирового бога Атона, и монотеистическая религия наконец восторжествовала.

Такова в самом кратком виде концепция Фрейда, изложенная в первой части его этюда о Моисее, — концепция, конечно, очень шаткая (она опирается лишь на некоторые двусмысленные намеки в тексте Библии), но и очень интересная. Однако психоанализ тут совершенно не при чем; сам автор признает, что на основе изучения только одной еврейской (и египетской) истории никаких более широких выводов нельзя сделать; тем не менее он тут же напоминает, что сделал и в уже известной нам книге «Тотем и табу».

В 1939 г. появилась 2-я часть работы, которую автор сначала вообще не решался публиковать, боясь, что она оттолкнет от него многих его последователей, особенно католиков. По после резкой перемены политической ситуации в Европе (Гитлер аннексировал Австрию, Фрейд попал в гетто, но вскоре был выкуплен своими зарубежными почитателями)

он решил, что ему теперь «нечего терять», и напечатал ее. В предисловии Фрейд пишет о том, что в этом сочинении он развенчивает и иудейские, и христианские святыни, интерпретируя всю историю и ветхозаветной, и христианской религий со своей психоаналитической точки зрения.

Если верить автору, то оказывается, что налицо полная аналогия между этапами развития неврозов у человека и этапами становления еврейского монотеизма. В раннем возрасте — эротические эмоции, тайное желание смерти отца и пр., словом, «Эдипов комплекс»; с 5-летнего возраста симптомы его пропадают — «латентный период» (Latenzzeit); с наступлением же зрелости проявляются в невропатологической форме подавленные в детстве импульсы.

История человечества началась, по Фрейду, как мы уже видели, с убийства отца, затем раскаяние, запрет впредь убивать отца, замена его образом животного-тотема, запрет убивать тотем, экзогамия и т. д. А у древних евреев эта трагедия повторилась: возмущившийся народ убил своего отца-пророка (Моисея), но спустя некоторое время (Latenzzeit!) раскаялся, признал его святым, принял его религию. Бог Моисея и сам Моисей, как в древности тотем,— тот же умерщвленный, а потом оплаканный и обожествленный отец,

Мало того, такое же умерщвление отца-бога произошло и в начале истории христианства: убитый, а потом оплаканный и обожествленный Христос — это тот же доисторический отец. Учение апостола Павла о «первородном грехе» (Erbsunde) имеет в себе то же самое содержание: «первородный грех» — это не непослушание Адама и Евы богу (как учит церковь), а убийство отца в доисторические времена. Христианское таинство причастия Фрейд считает отголоском древней тотемической трапезы (мысль, впрочем, высказывавшаяся не раз и другими исследователями и, видимо, правильная). Христианство, по идее, должно было стать религией примирения с богом-отцом, но на деле оно означало вытеснение бога-отца богом-сыном. Христианство не удержалось на высоте монотеистической идеи, сделав много уступок политеизму, введя культ божьей матери и т. д. «Когда Моисей, — пишет Фрейд, — принес народу идею единого 'бога, это вовсе не было чем-то новым, это означало возрождение переживаний (Wiederbelebung der Erlebnisse) из первобытных времен человеческой семьи, которые давно исчезли из сознательной памяти людей» 18.

При всем остроумии, при всей смелости гипотезы Фрейда относительно происхождения и еврейской, и христианской религий очень трудно признать ее убедительной. Попытка связать исторические события II и I тысячелетий до н. э. в Палестине и Египте с этапами развития невроза у пациентов Венской клиники — по меньшей мере натянута. Никаких новых аргументов в пользу своего метода Фрейд в этой своей предсмертной работе не привел, ограничившись ссылкой на то, что будто бы доказал это в книге «Тотем и табу». Но мы видели выше, что и там его доказательства были чрезвычайно слабы.

Последователи Фрейда

Фрейд имел много последователей в разных странах как среди врачей-невропатологов и психиатров, так и среди историков культуры, литературоведов. Были сторонники учения Фрейда и среди этнографов; есть они и сейчас.

Уже в начале 900-х годов в Вене образовалось Психоаналитическое общество; подобное общество возникло также в Цюрихе (Швейцария) во главе с Карлом Юнгом, взгляды которого были во многом близки к фрейдовским.

С 1908 г. начались периодические конференции приверженцев психоанализа в разных странах Европы и США. С 1912 г. начал выходить специальный научный журнал «Imago» («Образ»), посвященный приложению психоаналитического метода к изучению явлений культуры (Geisteswissenschaften). В журнале появлялись и этнографические статьи — о разных верованиях, мифах, обычаях.

В числе наиболее убежденных и крайних последователей Фрейда, подвизавшихся в области изучения культуры, были В. Рейх, Отто Ранк, Геза Рохейм; одно время склонялся к фрейдизму известный основатель функционализма Бронислав Малиновский.

Отто Ранк, один из самых радикальных последователей Фрейда, в своей книге «Травма рождения» (1924) старался доказать, что потрясение, испытываемое новорожденным ребенком при появлении на свет, налагает свой отпечаток на всю жизнь человека. Вся наша культурная деятельность — это лишь символические средства к тому, чтобы вернуться во внутриутробное состояние; смерть есть повторение рождения, потому-то человек так боится ее.

Геза Рохейм

Самым видным и самым известным из последователей Фрейда этнографов был несомненно венгр Геза Рохейм (1891— 1953). Врач-психиатр, подобно Фрейду, он был в то же время исследователем-этнографом, и не только кабинетным: вел полевую работу среди аборигенов Центральной Австралии, на острове Норманби (Меланезия), среди индейцев юго-западных штатов Северной Америки, в Африке; конечно, он очень широко пользовался и этнографической литературой. Работы Рохейма в области этнографии 19 посвящены как частным, так и самым общим проблемам этой науки. В этих сочинениях Рохейм расширил и дополнил идеи Фрейда применительно к этнографическим сюжетам и, можно сказать, довел их до крайности, до абсурда.

Чтобы разобраться во взглядах и в методе Рохейма, достаточно рассмотреть две его работы — об австралийском тотемизме и о происхождении культуры.

В первой из них Рохейм пытается дать психоаналитическую интерпретацию явлениям тотемизма в Австралии, фактический материал о котором чрезвычайно велик. Он разбирает разнообразные относящиеся к тотемизму верования, мифы, обряды аборигенов Австралии, а в связи с ними — и некоторые особенности их социального строя, материальной культуры.

Красной нитью через все изложение проходит фрейдовская идея о великом доисторическом конфликте отца и сыновей, о подавлении либидного влечения к матери («Эдипов комплекс»), о нарциссистических импульсах, об онтогенетическом повторении всех этих давних событий. Но непредубежденный читатель замечает на каждом шагу явные натяжки и необоснованные утверждения. Достаточно нескольких примеров.

У ряда юго-восточных австралийских племен известен миф о борьбе между клинохвостым орлом и вороном (они — тотемы фратрий); но ворон — Карвиен — связан в некоторых вариантах мифа с летучей мышью — Палльян, которая считается не то братом, не то сыном первого. Следовательно, заключает Рохейм, в данном мифе отразилась древняя борьба отца с сыном из-за женщин. Это и есть «Эдипов комплекс» с отцовской точки зрения. Толкование совершенно произвольное, так как в самом мифе нет ни малейших намеков на родственные связи сражающихся птиц. Вообще две фратрии символизируют (?), по Рохейму, отцов и сыновей. В мифе о слепоте летучей мыши отражен мотив инцеста (ибо ведь Эдип ослепил себя в наказание за инцест!) 20

Тотемические хранилища чуринг у племени аранда суть, по мысли Рохейма, символы (!) материнской утробы, а сами чуринги — символы человеческого эмбриона и в то же время символы мужского полового органа, поэтому нахождение их в священных хранилищах отражает сексуальную символику. Отдельные детали обрядов «интичиума» (размножения тотемических животных) — натирание чуринги жиром, трение чурингой камня, ритуальное вздрагивание при совершении обряда — все это истолковывается опять-таки как сексуальная символика. Употребление огня в обряде тоже есть сексуальный символ. Вообще Рохейм уверен, что «ритуал интичиумы есть символическое повторение коллективных и взаимных онанистических действий между старшими и младшими членами орды, а эти действия, в свою очередь, были вызваны крайней реакцией против «Эдипова комплекса» и служат указанием на его существование.

Не довольствуясь подобными весьма произвольными толкованиями тотемических обрядов и верований, Рохейм пытается и разные другие обычаи австралийцев втиснуть в ту же искусственную схему, например погребальный ритуал. Обычай делать надмогильные насыпи объясняется так: «Если мы правы в предположении, что молодые самцы орды первоначально бросали камни и куски скал (rocks) в своего одинокого, но страшного врага (т. е. старого отца), то кажется очень вероятным, что они продолжали это делать и тогда, когда он был наполовину или совсем мертв, и таким образом куча камней появилась бы над корчащимся (wriggling) телом. Сказки,

говорящие о постепенном окаменении злодея, может быть, содержат воспоминание об этой борьбе» 21.

В то же время сама могила есть, по Рохейму, символ материнского чрева. А развитие погребальных обрядов в целом он объясняет следующим образом: «Один за другим могучие предводители орды погибали под камнями, бросаемыми в них, и были затем оплакиваемы своими сыновьями, прежде чем то, что было вначале мрачной реальностью, было смягчено до ритуала. По каждому убитому отцу было больше печали и меньше торжества, чем по его предшественнику» 22.

Едва ли требуют критики все эти совершенно необоснованные и граничащие с фантастикой утверждения, высказываемые Рохеймом, впрочем, с непоколебимой уверенностью. Заметим только, что почти все они построены на постулате о мрачном доисторическом событии — отцеубийстве, которое фрейдисты представляют себе не то как происшедшее однажды, не то как многократно повторявшееся действие.

Развивая идеи Фрейда, Рохейм, как и некоторые другие фрейдисты, как бы удлиняет чисто биологическую историю формирования человеческой личности: если Фрейд начинал ее с инфантильного периода (сексуальность новорожденного), то Рохейм придает большое значение пренатальному (утробному) периоду развития. Человеческий эмбрион во чреве матери — уже субъект некоторых ощущений, память о которых остается затем при нем (в подсознательной сфере!) всю жизнь.

Особенность пренатального состояния — в том, что здесь нет еще никакого конфликта, никакого противоречия между личностью и средой. Эмбрион в материнской утробе «всемогущ». Почему? — Потому, что «импульсы эмбриона никогда не наталкиваются на затруднения, свойственные внешнему миру». Отсюда Рохейм выводит ни больше, ни меньше, как веру в магию:

«Эта-то высшая магия и переходит от них (эмбрионов. — С. Т.) к человеческим и животным (? — С. Т) членам тотема так точно, как вера в магию есть в действительности частичное переживание (survival) эмбрионального и инфантильного психического состояния». Отсюда и всемогущество мифических героев эпохи «альчеринга», повествования о которых кончаются обычно тем, что они утомлены и уходят под землю — символ сна или возвращения в материнское чрево 22.

Надо признать, что Рохейм здесь более последователен в интерпретации сущности магии, чем Фрейд, выводивший анимизм и связанную с ним магию из стадии инфантильного нарцизма.

Еще большими претензиями отличается книга Рохейма о происхождении культуры. Если уже в рассмотренной только что монографии о тотемизме он мимоходом высказывал мнение, что даже каменная техника у австралийцев развилась из ритуального (а не утилитарного) употребления камня, то в этой новой обобщающей работе он пытается всю вообще человеческую культуру объяснить с психоаналитической точки зрения.

Культуру (Цивилизацию) Рохейм определяет — и довольно удачно — как совокупность всего того, что в человечестве превышает животный уровень. И он берется доказать, что вся культура, т. е. вся человеческая история, «основана на Эросе»; под «Эросом» в столь широком смысле должно, очевидно, разуметь инстинкт размножения. Конечно, говорит Рохейм, «Эрос» есть налицо во всех живых существах, но у человека «с его продленным периодом незрелости» Эрос принимает особые формы и играет особо важную роль.

Именно в «продленном детстве» — ретардации зрелости — видит Рохейм главный ключ к пониманию всех явлений культуры. Что человек отличается замедленным развитием, ретардацией зрелости в отличие от всех животных, отмечалось не раз биологами и антропологами. Рохейм ссылается на этих авторов, но сам делает из этого факта гораздо более решительные и расширительные выводы в отношении происхождения всей культуры.

Животные, проделывающие весь цикл онтогенетического развития без ретардации, наследуют в готовом виде все жизненно необходимые инстинкты. Новорожденный же человек, младенец, совершенно беспомощен, и всем необходимым навыкам ему еще предстоит научиться. «Важность онтогенеза возрастает по мере ретардации». Отсюда более разнообразные реакции человека на различные влияния среды, большая изменчивость. Можно считать с небольшим преувеличением, говорит Рохейм, «что с человечеством может случиться все что угодно»²³.

Главная идея Рохейма и состоит в стремлении доказать, что созданные человеком «учреждения» (institutions), т. е. формы общежития и явления культуры обусловлены именно «продленным детством» или «перманентным инфантилизмом». В этой связи ставится «проблема вырастания» (the problem of growing up) — так называется первая часть книги.

Новорожденный, беспомощный ребенок прежде всего нуждается в защите и покровительстве (protection) против всяких опасностей, и в первую очередь в материнской защите. Отсюда чисто биологическое «желание быть любимым — желание, с которым человеческие существа никогда не расстаются». Допустим, что это так. Но при чем тут психоанализ? А при том, что, по Фрейду, все неврозы вызываются именно этой ретардацией зрелости, продленной инфантильностью. Рохейм поэтому не упускает случая повторить фрейдистский тезис о «структурном и коренном тождестве (structural and fundamental identity) невроза и цивилизации»²⁴.

Чтобы доказать и конкретизировать этот тезис, Рохейм приводит этнографические свидетельства, подтверждающие, по его мнению, что прежде всего во главе первобытных общин всегда стояли невротики-шаманы. Этнографическая наука располагает данными об эвенках (труды Широкогорова), чукчах (Богораза), индейцах юма (самого Рохейма).

В другом месте автор выдвигает положение, что вообще древнейшей «профессией» в человеческой истории были знахари-шаманы, т. е. невротики. Он указывает, кроме того, что в каждом обществе воспитание детей определяется теми идеалами, которые господствуют в данном

обществе (что, конечно, верно), а эти идеалы сами основаны на факте «продленного детства» и на «либидных связях», хотя последнее уже ни из чего не следует. Рохейм, естественно, видел, что нельзя все виды деятельности людей свести к неврозам, либиди-нозным влечениям и магии. «Конечно, взрослые люди во всяком обществе делают не только то, что совершают то-темические церемонии и соблюдают курьезные табу, — пишет он.—Они должны как-то жить» 25 Вполне справедливо! Отсюда возникает задача: объяснить явления повседневной материальной жизни людей.

Этому посвящена вторая часть книги, озаглавленная «Хозяйственная жизнь» (Economic life). Здесь Рохейм рассуждает как чистейший идеалист. Способы распределения охотничьей добычи, пишет он, съедобных растений или земли оказывают влияние на жизнь первобытного племени, но «это не значит, что душа (psyche) как таковая зависит от экономического положения, ибо всякое изменение происходит только через изменение отношений отец — сын или какой-либо иной детской ситуации (infancy situation)». Главная же мысль Рохейма состоит в том, что «экономическая ситуация» сама складывается под воздействием «фантазии или эмоциональной жизни» 26.

Доказательства? — Вот они. Для простого добывания пищи человек не нуждается в обществе себе подобных, он добывает ее, как делают животные, в одиночку. «Он может удовлетворить свой голод без кооперации и без производства» 27. Исторический процесс направлен от этой полной независимости к нарастанию кооперации. И первая форма кооперации — хозяйственная кооперация полов. Но всякая кооперация и всякое производство пищи—это уже черты чисто человеческого хозяйства, не свойственные животным.

Первая и древнейшая форма общественного расчленения — это выделение «профессии» знахаря, основанной на нервном заболевании. Следом за тем выделяется профессия «торговца», но торговца прежде всего обрядовыми и магическими предметами. Возникает примитивное ручное земледелие, но основа его эротическая: это символическое выдергивание из тела матери (земли) чего-то в нем содержащегося и возвращение его туда же; детская игра в разведение растений предшествовала действительному разведению растений. Плужное же земледелие зародилось—тем более! — как символическое действие оплодотворения земли.

В основе процесса одомашнения животных также лежат символические мотивы: собака одомашнена из сентиментальных побуждений, ибо в выращивании щенков повторилась ситуация родители — дети; рогатый скот— из чистого любительства, ведь в стаде рогатого скота повторяется структура древней человеческой орды с порожденным ею «Эдиповым комплексом».

Последний раздел книги Рохейма — «Сублимация и культура». Сублимация инстинктов, прежде всего эротических, с точки зрения фрейдистов — главная сила, порождающая все виды культурной деятельности: науку, литературу, искусство и пр.; любая постройка, народная медицина, язык, технические изобретения — тоже сублимация. При этом

сублимации подвергаются те же инстинкты, которые вызывают неврозы; но неврозы индивидуальны, они изолируют личность; сублимация, напротив, соединяет людей; она всегда творит нечто новое, и притом для людей, для общества.

Культура, по мнению Рохейма, есть средство защиты человечества от напряженности, от разрушительных инстинктов. Это создание через сублимацию различных заместителей вытесненного либидо. Культура, пишет он,—«система психической защиты»; «...материалом, использованным в формировании цивилизации, является либидо», а потому «цивилизация есть продукт Эроса»²⁷.

Оценка значения фрейдизма для этнографии

Если попытаться дать общую оценку тому вкладу, который сделан в этнографическую науку трудами Зигмунда Фрейда и его учеников, то надо сказать, во-первых, что нечто положительное они в этнографию внесли, обратив первыми внимание на огромную роль подсознательного («оно») в жизни и деятельности человека, а значит — и в формировании общественного быта и культуры.

По сравнению с сухим рационализмом классической школы Тэйлора это был крупный шаг вперед.

Во-вторых, рассматривая содержание этого подсознательного в психике человека, фрейдисты законно отметили важное значение эротических влечений и эмоций. Фрейд и его ученики не побоялись вторгнуться в эту почти табуированную перед тем сферу явлений и подвергнуть ее научному исследованию. Помимо этих общих заслуг можно отметить немало отдельных интересных мыслей и наблюдений у этнографов-фрейдистов.

Однако принципиальные пороки фрейдистской школы снижают ее научное значение. Прежде всего ошибочен методологически сам исходный тезис: человек есть существо эротическое, и главная движущая им сила есть инстинкт размножения, выраженный в либидо. Инстинкт размножения есть, конечно, движущая сила, но не более мощная и не более важная, чем инстинкт питания, или, лучше сказать, добывания средств существования. Видеть первое и не видеть второго, сводить все к одному «Эросу», полагать (как это делал Рохейм), что в добывании средств существования человек не поднялся над уровнем животных, или не поднялся бы не будь того же Эроса, это значит смотреть лишь на одну сторону дела, сознательно закрывая глаза на другую. Ведь известно, что производство (добывание) средств существования и воспроизводство самого человека суть две неразделимые и одинаково важные стороны единого процесса производства материальной жизни.

Далее: какие бы оговорки ни делали фрейдисты, что они-де принимают во внимание исторические условия развития народов, самый метод их этому противоречит. Если одни и те же силы — либидо, его подавление, его

возвращение — действуют на всех людей, от первобытной орды до большого европейского города, если одни и те же влечения породили тотемические верования австралийцев и невроз навязчивости у больных определенной категории, — то где же здесь историзм? Метод, объясняющий совершенно одинаково, например, погребальный обряд туземцев Австралии, творчество Леонардо да Винчи и монотеистическую религию, есть метод весьма мало продуктивный. Применение такого метода уподобляется больше действиям разбойника Прокруста, чем работе ученого. Отсюда и все совершенно неубедительные натяжки, искусственные и произвольные толкования фактов этнографии. Само стремление везде и всюду видеть «символы» и не видеть за ними простых обыденных вещей — скорее сбивает исследователя с пути, чем ведет его на правильную дорогу 28

Карл Густав Юнг

Психоаналитическая школа Фрейда помимо своего, так сказать, ортодоксального направления, породила одно как бы боковое течение, затронувшее также, хотя и в меньшей степени, область этнографии: это учение швейцарского психолога и психиатра Юнга.

Карл Густав Юнг (1875—1961), двадцатью годами моложе Фрейда, был вначале близок к нему по своим взглядам, но уже с начала 900-х годов стал вырабатывать свою методику и делать самостоятельные выводы. Главные расхождения его с Фрейдом свелись к двум принципиальным пунктам: пониманию «бессознательного» и оценке роли сексуальных влечений.

Во-первых, самое понятие «бессознательного» — основа всего фрейдовского учения — получило у Юнга более широкую трактовку. Если у Фрейда «бессознательное» — это часть личности, склад всего того, что вытеснено из области сознания человека, то Юнг помимо этого «личного бессознательного» конструирует еще и понятие «коллективного бессознательного». По Фрейду, в «бессознательном» есть лишь то, что было или могло бы быть в области сознания; но, говорит Юнг, в нем есть и то, что никогда не достигало порога сознания. Это и есть «коллективное бессознательное»: «Как есть... общество за пределами индивида, так есть за пределами нашей личной психе — коллективная психе, именно коллективное бессознательное» 29. Содержание этого «коллективного бессознательного» Юнг называл «архетипами».

На первый взгляд, тут пахнет какой-то мистикой. Где же обретается, можно спросить, это «коллективное бессознательное» и эти «архетипы», если не в психике отдельных людей? Могут ли существовать они вне сознания каждого отдельного человека? Сам Юнг давал повод к чисто идеалистическому пониманию своих мыслей, когда он прямо ссылался, например, на Платона с его «идеями». Но тот же Юнг связывал свое понимание «коллективного бессознательного» и «архетипов» с более реалистическим и очень важным для этнографа понятием «коллективных представлений» школы Дюркгейма — Леви-Брюля. Именно эта трактовка

«коллективного бессознательного» представляет для нас особенно большой интерес.

«Архетипы», по Юнгу, — это то содержание психики, которое еще не подверглось сознательной обработке, это «еще непосредственная душевная данность». У каждого социального коллектива — семьи, племени, расы — есть своя «коллективная психе», т. е., говоря нашими понятиями, свой набор унаследованных идей; есть и «универсальная коллективная психе», т. е. как бы общечеловеческие унаследованные идеи. «Архетипы» выражаются в мифах, сказках, верованиях.

По мере осознания и сознательной обработки «архетипов», они превращаются в «тайные учения», в религиозные догматы. Первобытный человек боится необузданных аффектов, гасящих сознание и порождающих «одержимость». Поэтому человек всегда стремится «закрепить сознание»; отсюда обязательные обряды, очищения, умилоствление или заклинание духов, догматы, которые составляют как бы «стены против опасности бессознательного». Из этих «стен» впоследствии возникла церковь. Через понятие «архетипов бессознательного» Юнг старался объяснить и возникновение разных образов народной фантазии — нисы, сирены, мелюзины, ламии, суккубы: все это отчасти проекции страстных состояний чувств.

По мнению Юнга, человечество и сейчас далеко еще не справилось с темной стихией «бессознательного». Только раньше эти не подвластные человеку силы люди называли «богами», а теперь мы их называем «факторами». Эти «факторы» в действительности суть «архетипы бессознательного». Например, говорит Юнг, человечество стремится к миру, но бессильно против возникновения войн. Человечество вечно на грани того, что оно само делает, но с чем не может справиться.

«Прямо удивительно, — писал Юнг, — как много в нашей индивидуальной психологии коллективного; собственно индивидуальное за ним пропадает. Коллектив подавляет личность — и тем сильнее, чем он больше. Большой коллектив — чудовище. В нашем обществе это подавление начинается в школе и заканчивается в университете»¹. Личность, по Юнгу, есть как бы «вырезка» (Ausschnitt) из коллективного бессознательного, но очень трудно бывает разграничить, что в нас личное, а что коллективное. Слово «persona» означало в латинском языке собственно маску актера, а отсюда — роль, разыгрываемую актером. Так и у людей: личность есть лишь маска «коллективной психе», маска, вводящая в заблуждение, будто она индивидуальна.

Все эти мысли Карла Юнга, излагаемые им, правда, трудным, туманным языком и далеко не всегда ясные, заслуживают, однако, серьезного внимания этнографа, в гораздо большей мере, чем «Эдипов комплекс» Фрейда.

Второе принципиальное расхождение Юнга с Фрейдом состояло как раз в вопросе о роли сексуальных влечений и «Эдиповом комплексе». Юнг не приписывает им какого-то особо важного значения. Ошибка Фрейда, по

мнению Юнга, состояла здесь в том, что он смешал причину со следствием: подлинная причина неврозов — не сексуальные влечения, а недостаточная приспособляемость сознания, которое не справляется с ситуацией и с задачей.

Оценить в целом значение работ Карла Юнга для этнографической науки не так легко. С одной стороны, его взгляды несомненно гораздо больше согласуются с принципами гуманитарных наук вообще и этнографии в частности, чем взгляды Фрейда и его прямых последователей. Прежде всего они более историчны: Юнг очень считается с ходом развития человеческого общества и культуры, ясно различает первобытность от современного нам общества. Далее, он не старается искать везде и всюду эротические символы. Наконец, понимание им социальной природы человеческой психики, того, что мы обычно называем общественным сознанием, куда ближе историку и этнографу, чем чисто индивидуалистическое понимание психологии Фрейдом.

Но с другой стороны, все же, вероятно, неслучайно то, что идеи Юнга в отличие от концепции Фрейда очень слабо повлияли на этнографическую литературу. Видимо, это объясняется не только сложностью и тяжеловесностью стиля изложения, но и туманностью самих взглядов автора 31.

* * *

Все сказанное выше относится к развитию фрейдистских идей в области этнографии в годы до второй мировой войны. В послевоенный период учение Фрейда получило особенное распространение в Соединенных Штатах Америки. Там выросла целая этнографическая литература фрейдистского или «неофрейдистского» толка, о чем речь пойдет в дальнейшем.

Сноски

- 1 См.: Уэллс Г. К. Зигмунд Фрейд и его учение. — «Вопросы /философии», 1956, № 6; его же. Павлов и Фрейд. М., 1959.
- 2 Freud S. Die Traumdeutung. 4-te vermehrte Auflage. Leipzig, 1914, S. 94—98.
- 3 Freud S. Die Traumdeutung, S. 287.
- 4 См.: Freud S. Die Traumdeutung, S. 199—200.
- 5 См.: Фрейд З. Психопатология обыденной жизни, изд. 2-е. М. 1916.
- 6 См.: Фрейд З. Леонардо да Винчи. М., 1912.
- 7 См.: Фрейд З. Тотем и табу. М.—П. (б. г.).
- 8 Фрейд З. Тотем и табу, с. 136.
- 9 Там же, с. 137.
- 10 Там же. с. 141—142.
- 11 См.: Atkinson J. Primal law. — In: Lang A. Social origins. London, 1903.
- 12 Фрейд З. Тотем и табу, с. 151.

- 13 Фрейд З. Тотем и табу, с. 151.
- 14 Там же, с. 150.
- 15 Там же, с. 154.
- 16 Фрейд З. Тотем и табу, с. 168. 190
- 17 См.: Freud S. Der Mann Moses und die monotheistische Religion. — In: Freud S. Gesammelte Werke, 16 Band. Leipzig, 1950.
- 18 Freud S. Der Mann Moses und die monotheistische Religion» S. 238.
- 19 Главные из них: Australian totemism. London, 1925; The pointing bone. — «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», 1925, N 55; Mondmythologie und Mondreligion. Wien, 1927; Dying God and puberty ceremonies.—«Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», 1929, N 59; Animism, magic and the divine King. London, 1930; Women and their life in Central Australia. — «Journal of the Royal Anthropological Institute of Great Britain and Ireland», 1933, N 6; The riddle of the sphynx. London, 1934; The origin and function of culture. New York, 1943; Psychoanalysis and anthropology. New York, 1950,
- 20 См.: Roheim G. Australian totemism, pp. 38—39, 50, 65.
- 21 Roheim G. Australian totemism, p. 355.
- 22 Ibid., p. 380.
- 22 См.: Roheim G. Australian totemism, pp. 133. 138.
- 23 Roheim G. The origin and function of culture. New York, 1943.. pp. V, 17, 19, 20, 21.
- 24 Ibid., p. 21, 23, 24.
- 25 Roheim G. The origin and function of culture, pp. 25, 38, 43.
- 26 Ibid., p. 40. s Ibid., p. 42.
- 27 Roheim G. The origin and function of culture, pp. 81, 98.
- 28 Критику фрейдизма см. также: Уэллс Г. Крах психоанализа. От Фрейда к Фромму. М., 1968; Философская энциклопедия, т. 5 с. 410—414; Клеман К. Б., Брюно П., Сэв Л. Марксистская критика психоанализа. Пер. с французского. М., 1976.
- 29 Jung C. G. Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbewupten, 3-te Auflage. Zurich—Leipzig, 1938. S. 11—12; его же. Bewutes und Unbewufites. Frankfurt-am-Main, 1957, S. 11.
- 30 Jung C. G. Die Beziehungen zwischen dem Ich und dem Unbe-wufiten, S. 56—59.
- 31 О взглядах Юнга см. также: Ляликов Д. Н. и Аверинцев С. С. Юнг. — Философская энциклопедия, т. 5, с. 600—602; Аверинцев С. С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии. — «Вопросы литературы», 1970, № 3.

Психотерапия - как концепция и как профессия

М.М.Решетников

Глубокоуважаемый председатель, дорогие коллеги и друзья, дамы и господа.

Я благодарю Вас за приглашение на эту Конференцию и, возможно, еще более – за предложенную Оргкомитетом тему моего доклада. За последние 10 лет мной было подготовлено несколько обобщений по организационно-методическим проблемам психотерапии, но как раз концептуальные вопросы профессии в них затрагивались большей частью косвенно. Поэтому предложение осмысления темы «Психотерапия - как концепция и как профессия» было исходно интересным. Я не уверен, что за краткий период мне удалось сделать что-то достаточно серьезное, и заранее прошу уважаемую аудиторию извинить меня, если эта тема будет раскрыта не полностью.

Я, конечно же, буду пытаться обобщать, чтобы выйти на общенаучный уровень проблемы, но, тем не менее, должен сразу сказать, что, апеллируя к общенаучному принципу, я не могу рассматривать эти вопросы вне их исторического, методического и экономического контекста, а если еще точнее – вне российского (или - общего для нас всех - пост-советского) культурно-исторического контекста. И, думаю, это понятно. Скорее было бы странным, если бы при изложении темы я рассматривал состояние психотерапии в Австрии, Германии или, например, в США. Хотя их опыт, безусловно, нуждается в осмыслении, но это не один опыт, а множество опытов, базирующихся на различных культурно-исторических традициях, сложившихся системах подготовки, сертификации и аккредитации специалистов, а также – на принципиально несовпадающих законодательствах этих стран в отношении психотерапии. Тем не менее, в некоторых вопросах, мы просто обязаны апеллировать к этому опыту.

Я хотел бы начать с анализа того, насколько применимо к психотерапии определение «профессия»? Это очень важный вопрос, ожесточенные споры вокруг которого идут уже почти два десятилетия во всем мире. Если Вы возьмете любой справочник, то легко убедитесь в том, что определения специальности и профессии практически совпадают. В частности, в том, что и то, и другое соответствующим образом позиционирует человека на рынке труда и приносит ему доход. Я иногда на вопрос: «С чего начинается хороший психотерапевт?» – отвечаю: «Как минимум, с 4 пациентов в день 5 раз в неделю, и, как минимум, с 1000 рублей в день». И это вовсе не шутка. И все-таки некоторая разница между профессией и специальностью есть. Профессия – более общее понятие. Скажем, я - по профессии, врач. А по специальности – психотерапевт.

Таким образом, профессия предполагает наличие специальностей, входящих в нее. Это первое. А второе, что все эти специальности родственные, то есть – имеют одни и те же: объект, цели и задачи, а также – методологию и методы деятельности специалистов.

В медицине с этим более-менее все понятно. Объект – больной, цели и задачи – сохранение или восстановление здоровья, методология – естественно-научная, а методы воздействия направлены на тот или иной органический субстрат.

На первый взгляд все это относится и к психотерапии. Но есть некоторые нюансы. Я, например, практически не использую применительно к своим пациентам определение «больной», а к их страданиям – «болезнь». У меня также много сомнений о наличии какой-либо естественно-научной методологии у психиатрии в целом, и в психотерапии, в частности. Я буду более подробно говорить об этом на семинаре по депрессии.

Еще одно маленькое отступление: сам термин «психотерапия», как я не раз убеждался, нередко интерпретируется неверно. В частности, как «лечение души» или душевных расстройств. Если исходить из такого понимания термина, то тогда «физиотерапия» должна подразумевать лечение физики, «бальнеотерапия» – лечение климата, а «кумысотерапия» – лечение кумыса и т.д. То есть – с учетом сложившихся языковых конструктов, психотерапия должна пониматься как «лечение душой». А поскольку наличие или отсутствие последней – неочевидно, то и метод лечения – неочевиден. И все наше знание – неочевидно. Поэтому, его так трудно доносить за пределы нашей психотерапевтической среды.

Когда мы говорим о психотерапевтических концепциях, мы должны всегда осознавать, что речь идет о гипотезах – Фрейда, Уотсона, Перлза и др. Впрочем, то же самое относится и к психиатрии, где ведущей является концепция Крепелина. Поскольку мы оперируем гипотезами, наши коллеги по «терапевтическому цеху» - врачи, нередко говорят о том, что у психотерапии вообще нет методологии.

Но методология у психотерапии все-таки есть, хотя она совершенно немедицинская, а заимствована у других областей знания – психологии и философии. И что не менее важно – это не какая-то одна методология, а несколько методологий.

Количество методов и методик психотерапии уже давно запредельно, но при некотором обобщении мы всегда приходим к весьма ограниченному их перечню. Они хорошо известны, и я лишь напомним их: внушение - директивное и не-директивное, рациональная психотерапия, психодинамическая, поведенческая, гештальт и мультимодальная (- в терминах используемых профессором В.В.Макаровым, или интегративная – в терминах профессора Б.Д.Карвасарского).

Я еще вернусь к этим двум родственным направлениям. А пока поясню – почему здесь нет гуманистической и когнитивной. Первое направление возникло как попытка синтеза психодинамического и бихевиорального подходов, но как отмечают сами приверженцы этого метода, за последние десятилетия не появилось никаких новых сколько-нибудь убедительных работ в этой области. А когнитивная составляющая входит в качестве обязательной в бихевиоризм, да и практически во все другие модальности.

Добавим к этому, что гештальт является творением психоаналитика Фрица Перлза, и методом, частично основанном на классической теории Зигмунда Фрейда и концепции другого психоаналитика Вильгельма Райха. И многие подходы, и даже «крылатые» выражения здесь практически идентичны, например: Фрейд называл сновидение «королевской дорогой к бессознательному», а Перлз - «королевской дорогой к интеграции личности». Но мы были бы очень не правы, если бы ограничились только этим перечнем. И должны, следуя принципу реальности, немного расширить классификацию психотерапий. В этой классификации было бы целесообразно выделить:

- 1) методы, апеллирующие к научному обоснованию, включающие медицинскую и психологическую (а также социально ориентированную и педагогическую) модели [я имею в виду немногочисленные, уже упомянутые варианты или направления (или модальности) психотерапии)], и
- 2) альтернативные практики, включая все варианты народных целительств и многочисленные современные модификации, в том числе, например, традиционные заговоры, данс-терапию, камлание и т. д. (исходя из известного тезиса Шертока, что «любой метод, который был эффективен хотя бы раз, имеет право на существование»).

Маленькое отступление. Сейчас очень много сил тратится на объединение различных методов или моделей психотерапии. Надо ли это делать? Не знаю. Я лишь отмечу, что все упомянутые (научно обоснованные) модели – это уже сложившаяся реальность, и вторая реальность - они существуют сепаратно и, возможно, так и будут существовать, и, может быть, мы попросту напрасно тратим силы и время, чтобы объединить то, что в объединении не нуждается. – Медицинская (точнее – психиатрическая) модель - более чем самодостаточна, и действует, а психологическая явно постепенно становится такой же (самодостаточной) - и также действует.

И даже вопреки усилиям примкнувшей к медицине (весьма незначительной) части психологов, которые с оттенком унижения и зависти сражаются за магическое звание «психотерапевта», большинство психологов-консультантов даже с некоторым высокомерием взирают на (не менее высокомерное) медицински-ориентированное меньшинство коллег, также как и на нашу «гордость» в связи с (пока, скорее – декларативным) «социопсихо-биологическим» подходом.

Если, как мы уже знаем, так непросто объединить психологические и медицинские (претендующие на научные и - вне «внутриведомственных» разногласий: почти идентичные) подходы, то что уж тогда думать об объединении с альтернативными?

Нет почвы для объединения, так как оно предполагает (прежде всего) определенное методическое единство или хотя бы признание коллег коллегами в качестве таковых. Возможно ли это? Много ли найдется психотерапевтов или психологов готовых признать шамана в качестве коллеги? И здесь уже не существенны такие факторы, как эффективность. Здесь действуют другие, и не всегда очевидные аспекты. Они связаны даже

не сколько с образованием (мне известны весьма высокообразованные шаманы), сколько с «вектором культуры», который ориентирован и показывает в совершенно определенную сторону (даже несмотря на множество подобий в деятельности, например, колдуна и гипнолога). Но, справедливости ради, стоит отметить, что различие здесь все-таки не методологическое. Оно сугубо культуральное. Примерно такое же, как различие между наскальными рисунками аборигенов и живописью великих голландцев. И я не уверен, что их противопоставление является адекватным подходом. Я еще вернусь к этому тезису, но сразу хотел бы сказать, что в условиях кадрового дефицита, я не стал бы тратить силы на сражения с «альтернативной волной» в психотерапии: слишком неравны силы.

Таким образом, отвечая на вопрос: «Сколько психотерапий существует»? Мы должны сказать: «Много». А на второй вопрос: «Существует ли какая-либо общая концепция для всей психотерапии в целом»? Мы могли бы ответить: «Да, здесь есть нечто общее, но не концепция, а общие принципы».

Я не буду здесь пытаться разбирать различные концепции психотерапии, оставив эту неблагодарную задачу для теоретиков от психотерапии. Их много, и становится все больше, к сожалению – чаще не из числа практиков. То, что психотерапия функционирует на основе всем хорошо знакомых мышления, речи и чувств, очень многих вводит в заблуждение, и искушение «попретендовать» на собственную точку зрения в этой области. И здесь мало удивительного, ибо даже специалисты нередко обозначают психотерапию как «лечение разговором».

Но профессиональный психотерапевт не беседует с пациентом, он исследует его проблемы, его комплексы, его паттерны поведения, его бессознательное, и лишь косвенно апеллирует к его чувствам и речи, в которых все эти аспекты (чаще всего – неявно) манифестируются.

Я многократно повторяю в своих лекциях, что психотерапия не имеет ничего общего с обычной беседой, кроме того, что и там, и здесь используются слова. Я позволю себе еще одно (многократной мной озвученное) образное сравнение: мы все умеем пользоваться ножом, скальпель – это тоже вариант ножа, и им также можно воспользоваться в бытовых целях. Но возьмет ли на себя смелость, умеющий пользоваться ножом или скальпелем на бытовом уровне, оперировать, например, мозг человека, который устроен намного проще, чем психика? То, чему труднее всего научиться будущему терапевту – (психодинамически ориентированному или нет) – это умение постоянно анализировать: «Не что говорит пациент, а как он говорит, и почему он говорит именно об этом и именно так. Какие структуры личности при этом активизируются, и какие паттерны повторяются, и т. д.». И это далеко не праздные вопросы и анализ. Все это делается только для того, чтобы затем сопоставить свои наблюдения с конкретной концепцией психотерапии, то есть – той системой координат, по которой определяются пути интеграции личности пациента, вектор движения, методика и техника психотерапевтического воздействия.

Если эти наблюдения не соотнесены с конкретной (хорошо проработанной и научно-обоснованной) концепцией психотерапии, то в абсолютном большинстве случаев это обрекает и терапевта, и пациента на бесконечное блуждание в «бескоординатном пространстве», со все более слабой надеждой на - «авось вывезет». Вне-концептуальная психотерапия, по моим представлениям – это «авось-психотерапия».

Когда мне говорят о какой-либо новой концепции психотерапии, я всегда спрашиваю: «А сколько она существует?» То есть – выдержали ли она проверку практикой? Точно также, когда мне говорят о снижении интереса к психоанализу, я сравниваю это с интересом к космосу: лет 30 назад мы знали всех космонавтов поименно, а сейчас мало кого занимает вопрос – кто сейчас на орбите, как работают наши мобильные телефоны, телевизоры и т.д., но это вовсе не говорит о снижении интереса... Вся западная психотерапия остается глубоко концептуальной.

Почему же у нас такое пренебрежение к вопросу концепций в психотерапии? Я попробую ответить на этот вопрос.

Я не хотел бы много апеллировать к истории, поэтому лишь напомним, что психиатрия и психотерапия, как самостоятельные направления, появились - вопреки широко распространенному мнению, не столько в результате развития медицины, сколько в процессе импликации философского и психологического знания (гуманитарного знания) в медицинскую (биологически ориентированную) науку и практику.

Еще в XIX веке в качестве психиатров, психотерапевтов и вообще специалистов «по душе» в большинстве случаев выступали не врачи, а философы, в том числе, например, Кант.

Затем в конце XIX века во Франции появилась одна из первых кафедр психиатрии, которую возглавил доктор Жан Шарко - один из учителей Зигмунда Фрейда. Я боюсь быть обвиненным в предвзятости, но история неоспоримо свидетельствует, что лишь с организацией в 1913 году профессионального психоаналитического сообщества впервые выделилась группа специалистов, которые занимались исключительно душевным состоянием пациента (и ничем более). Это был рубеж окончания любительской и начала профессиональной психотерапии.

Таким образом, мы только приближаемся к 90-летию мировой истории нашей специальности. В России эта история значительно короче. И современная российская психотерапия (впрочем, как и наши коллеги на постсоветском пространстве) сейчас находится только в начале процесса своего становления. И мы должны признать, что в этой области пока очень мало практического опыта и реальной науки.

Даже в научной психотерапии концепции личности до настоящего времени нередко излагают в рамках павловских представлений о физиологии высшей нервной деятельности (у собак) и советской теории (некой усредненной и бесполой) личности, с апелляцией преимущественно к теории деятельности (но мы хорошо знаем, что труд, в отличие от всех других форм инстинктивного поведения, общих для нас с животными, вовсе не относится

к жизненно важным потребностям). Причины таких перекосов очевидны: как только мы прикасаемся к проблемам психики и сознания, мы тут же вторгаемся в сферу идеологии, а она не меняется по указу и с конкретной датой. И господствующей (в умах, и учебниках) пока остается марксистская идеология и соответствующие ей теории личности, и подходы к психотерапии.

Старшее поколение помнит, а тем, кто помоложе, я напомним, что еще лет 30 назад никого не удивляла фраза о том, что неврозы – это социальные болезни, которые характерны для западного («загнивающего») общества. Поэтому ни психотерапевты, ни психологи нам были не нужны. Тем не менее, какие-то позитивные процессы все-таки шли. В 1968 году открылись первые психологические факультеты....

А затем, 27 лет назад, в 1975 году Приказом МЗО СССР № 791 в нашей, тогда еще общей, стране (только в качестве эксперимента) было открыто 200 первых психотерапевтических кабинетов (100 в Москве, 50 в Ленинграде, и 50 – на всю остальную страну).

Прошло 10 лет эксперимента, о котором периодически просто забывали. И лишь в 1985 году другим приказом МЗО № 750 психотерапия впервые была включена в перечень врачебных специальностей и впервые появилась возможность иметь в штатных расписаниях поликлиник и стационаров должность «врача-психотерапевта». Таким образом, реальная история нашей специальности – пока семнадцатилетняя (со всеми свойственными этому прекрасному возрасту достоинствами и недостатками).

Тем не менее - это был огромный шаг вперед. Главное завоевание состояло в том, что психотерапевтом мог стать любой врач, получивший дополнительную подготовку, и это создавало основы для постоянного количественного кадрового роста новой специальности, что с неизбежностью должно было бы вызвать качественные изменения. Однако в 1995 году другим приказом МЗО (уже – России) № 294 было установлено, что врач-психотерапевт – это исходно врач-психиатр, имеющий, как минимум, 3-летний стаж работы в психиатрическом отделении и получивший дополнительную подготовку по психотерапии. И одновременно психотерапия была закреплена в качестве суб-специальности в психиатрии.

И об этой подготовке, и о психологах в психотерапии, я еще скажу ниже. Главное, что не было учтено в этом решении, что психиатрия и психотерапия – это две принципиально разные специальности. И тот, кто решил стать психиатром, вовсе не должен испытывать потребность переквалификации в психотерапевта. Косвенным свидетельством этого является множество примеров, когда действующее положение о приходе в психотерапию только через психиатрию повсеместно нарушается, но одновременно оно продолжает действовать, и остается главным тормозом на пути к кадровому наполнению специальности.

Но это только часть проблемы. Вторая часть – методическая. Поскольку СССР был на период появления этой новой специальности исключен, фактически, из всех международных психиатрических организаций (в связи с известной Вам, но существенно «раздутой» прессой проблемой «карательной психиатрии»), мы не могли получить какой-либо адекватной методической помощи и поддержки. И поэтому мы «изобретали психотерапию», как могли, пользуясь отрывочными сведениями и источниками (я здесь никого не упрекаю, и не делаю исключение для себя – я таким же образом писал свою первую монографию по аутотренингу). Более того, именно благодаря первым энтузиастам психотерапии и были заложены ее основы. В тех условиях это был естественный этап, но он неоправданно затянулся.

В итоге – («надергав» из различных систем психотерапии то, что казалось важным или даже просто – понятным) - в методическом плане - мы получили, как отмечала моя коллега Алла Холмогорова, «винегрет из различных методов», а для специалистов на достаточно длительный период, по выражению той же Аллы Борисовны, стало характерным «полное пренебрежение к теории и фанатический интерес к техникам и технологиям», и далее она очень образно характеризует типичный запрос специалистов: «Дайте нам «гаечный ключ», а с устройством механизма мы как-нибудь сами разберемся». Этот вульгарный конструктивизм продолжает оставаться преобладающим. Многие начинают позиционировать себя в качестве психотерапевтов не имея ни малейших представлений о том, как развивается и как функционирует психика.

Поэтому вторую часть доклада я хотел бы посвятить проблеме кадрового обеспечения и методическим вопросам подготовки специалистов в западных странах.

Почему эта проблема так важна? Ответ уже частично дан, но я приведу еще несколько достаточно наглядных цифр.

В настоящее время в России имеется только 2,5 тысячи дипломированных психотерапевтов, 6-8 тысяч психологов и около 17 тысяч психиатров. Много это или мало? Давайте сравним. В гораздо более благополучных с точки зрения психопатологии США (с соизмеримым количеством населения) действуют 40 тыс. психиатров (из них – 30 тыс. в частном секторе), более 80 тыс. психотерапевтов, примерно 150 тыс. психологов и около 220 тыс. психиатрических сестер (с высшим образованием), социальных работников и т.д. В среднем, в большинстве западных стран – 1 специалист в области психического здоровья приходится на 500-800 человек населения, у нас один – на 10 тысяч...

Но это, если не считать 300 тысяч российских «альтернативщиков». А если, наоборот, прибавить всех магов, экстрасенсов, колдунов, прорицателей и т.д., быстро «отреагировавших» на отсутствие квалифицированных кадров, тогда и у нас получится: 1 «специалист» на 500 человек населения. При всем негативизме к «альтернативщикам», мы должны были бы поблагодарить их хотя бы за одно – они объективно демонстрируют нам запрос рынка

психотерапевтических услуг – нужно еще, как минимум, 300 тысяч специалистов. А где их взять? Даже, если мы переквалифицируем, как это требуют действующие приказы МЗО всех психиатров в психотерапевтов, это компенсирует лишь 5% потребности в последних.

И тогда мы в России вспомнили о психологах – как варианте кадрового решения проблемы. Этот вопрос обсуждался не менее чем на 5-7 всероссийских конференциях (в Смоленске, Москве, Иваново, Архангельске, Санкт-Петербурге и др.), но так и не был решен. Неприятие психолога в качестве коллеги оказалось довлеющим. Но, думаю, это временное явление.

В процессе этой дискуссии по поручению МЗО наш Институт обобщил опыт коллег из Европы и Америки, частности, с точки зрения того: как осуществляется и что включает современная западная модель подготовки психотерапевтов – врачей и клинических психологов.

Изучение этого вопроса показало, что пока мы скопировали лишь формальную сторону подготовки. Я попробую кратко осветить, как эта подготовка реализуется на Западе, не вдаваясь в детали, и выделяя только самое главное.

Теоретическая подготовка (и врача, и психолога) проводится в форме близкой к нашей интернатуре, однако гораздо больше внимания уделяется теоретической подготовке - лекциям и семинарам, где разбираются основные концепции психотерапии. Срок обучения, как минимум, 3-5 лет. Примечательно, что в большинстве таких образовательных центров основными теоретическими направлениями являются два – психодинамическое и бихевиоральное, на которых строятся все остальные варианты подходов к психотерапии.

Кроме назначаемого супервизора (опытного практикующего специалиста, который систематически консультирует практическую работу интерна с пациентами), каждый учащийся имеет еще «эдвайзора», то есть – советника, который контролирует и направляет его теоретическую подготовку и формирует его методический потенциал.

Чрезвычайно важное примечание – каждый интерн изучает только конкретный метод психотерапии (к последнему вопросу я еще вернусь чуть ниже).

Особо следует выделить вопрос, который для России является принципиально новым. Практически во всех западных странах будущий психотерапевт в процессе его подготовки обязательно проходит персональный психотерапевтический тренинг (то есть – должен отработать определенное количество часов в роли пациента).

В процессе такого тренинга он знакомится с чувствами, которые испытывает пациент и прорабатывает собственные проблемы, чтобы не привносить их затем в работу с пациентом, а также убеждается в том, что та или иная психотерапевтическая концепция реально действует и подтверждается на практике.

Затем или параллельно с личным тренингом он начинает практическую работу с пациентами под руководством супервизора. Эта супервизорская практика подразумевает достаточно длительный период работы с пациентами (от года и до 2-3 лет). До окончания этой подготовки психотерапевтом обучаемый является только для пациентов, но не для коллег.

Общий объем программы подготовки будущих психотерапевтов сильно варьирует в различных странах и различных институтах в рамках конкретной страны - от 1800 до 3500 тысяч часов, из которых: 25% процентов приходится на теоретическое обучение, еще 25% - на прохождение персональной психотерапии (то есть - познание границ собственной личности), и около 50% часов - на систематически супервизируемую практику.

Я еще раз напомню, что все это - уже на базе диплома психолога или врача.

Еще один очень важный момент. Чтобы этот вопрос был достаточно прояснен, я должен обратиться к нему еще раз и сравнивать с нашей практикой подготовки врачей-психотерапевтов. Наш специалист, получает первичную подготовку по психиатрии, а затем специализацию по психотерапии, и после этого - уже является дипломированным специалистом. В абсолютном большинстве развитых стран это делается не так. Специалист (психолог или врач) получает общетеоретическую подготовку. Затем проходит дополнительную подготовку, где сочетаются практическая работа и теория. Параллельно он начинает персональную психотерапию (около 2-3 лет, а иногда - гораздо больше), и параллельно - систематически супервизируемую практику с пациентами. Но специалистом он не считается - он кандидат или супервизант в течение еще нескольких лет. И только после того, как его способности и умения будут позитивно оценены, как минимум, двумя опытными и признанными супервизорами, только после этого - выносится заключение о его пригодности к работе в качестве психотерапевта.

В некотором смысле, это аналогично подготовке в академии художеств: диплом выпускника никому не дает право называться художником - это право должно быть заслужено в процессе длительного труда и в результате признания коллег.

Как представляется, что в подходах к вопросу подготовки психотерапевта нам необходимо принять несколько основополагающих тезисов:

психотерапевт (если он работает именно по этой специальности) никогда не делает никаких назначений и не выписывает рецептов.

в отличие от естественнонаучной медицины, где общепризнанным является принцип каузальности, наиболее четко проявляющийся в инфекционной патологии, где конкретный возбудитель вызывает конкретное заболевание, в психиатрии и психотерапии - «ответ» всегда является неспецифическим, то есть - один и тот же негативный фактор может вообще не вызвать никаких значимых отклонений, или наоборот - вызывать самые различные (фактически - любые) формы психопатологии (от легкой транзиторной дисфории или невроза до полного и пожизненного аутизма).

вытекает из предшествующего: в своих подходах к пациенту психотерапевт исходит не из этиологии, а из теории развития.

в отличие от всех других медицинских специалистов, мы чаще интересуемся не тем, «как себя чувствует пациент», а тем: «что он чувствует?»

и еще раз об отличиях: наши цели принципиально отличаются – в медицине целью является вернуть человека к тому состоянию, которые было до заболевания, в психотерапии: мы ориентируемся на то, каким он мог бы стать, если бы не возникла та или иная патология развития, заложившая основу будущего страдания.

Нужен ли здесь психиатр? Да, нужен. Как консультант, назначающий медикаментозное лечение там, где для него есть показания (успехи психофармакологии никто не оспаривает), как консультант, определяющий и дающий заключение о вменяемости пациента, и потребности в его госпитализации или изоляции (или отсутствии такой потребности). А все, что касается повседневной психотерапевтической работы с пациентом - это уже не психиатрия.

Я еще раз подчеркну качественное отличие методики подготовки будущих психотерапевтов в ведущих странах мира. Когда мы говорим о трех или более тысячах часов подготовки будущего психотерапевта - имеется в виду подготовка по конкретному методу психотерапии. Это 3000 часов подготовки или - по бихевиоральной психотерапии, или по психодинамической, или по директивной и т.д. И по каждому методу - это отдельное учебное заведение, куда человек приходит в качестве студента, затем становится кандидатом и начинает проходить персональный тренинг и супервизии только по конкретному методу. И так он идет в рамках избранной им специализации и института – от студента до профессора и супервизора.

В таких институтах работает, как правило, около 25-30 (постоянно практикующих только один конкретный метод) специалистов высшей квалификации. И каждый из институтов функционирует на базе конкретной клиники, где применяется преимущественно один метод психотерапии.

Давайте сравним, что делаем мы. Установленные стандартом МЗО 700 часов переподготовки в психотерапии (из которых более половины приходится на повторение курса психиатрии), преподаются на наших кафедрах усовершенствования 4-5 преподавателями, которые читают рациональную, директивную, когнитивную, бихевиоральную, эриксоновскую, групповую, телесноориентированную, аутогенную, транзактную, психоаналитическую, плюс НЛП, гештальт, психосинтез, психодрама, арттерапия, символдрама, классический гипноз и т.д. (всего около 40 методов). И так – группа за группой. В ряде случаев этим преподавателям просто некогда практиковать. Таким образом, на каждый метод приходится от 2 до 30 часов. И так называемый специалист после этого получает сертификат, приходит в клинику и имеет право применять все методы сразу, фактически, не владея ни одним. Я еще раз акцентирую – на Западе – 1800 или 3200 часов – это

всегда по одному единственному методу психотерапии. Потому что главным является усвоение методологии.

Я сейчас умышленно немного усугублю ситуацию. Мы знаем, что любой психотерапевтический метод имеет в своей основе конкретную методологию (то есть - философию) психодинамическую, гуманистическую, бихевиоральную и т.д. И это кардинально отличает психотерапию от медицины. В силу этого суб-специальности в психотерапии даже более различны, чем в медицине: в медицине одна методология - естественнонаучная. И, в общем-то, окулист и проктолог, хотя у них и разные инструменты, и объекты терапии очень непохожие, друг друга легко поймут (они действуют в рамках одной методологии и говорят на одном профессиональном языке).

В психотерапии – все наоборот: объект - один и тот же (психика), а вот методология, методика и «инструменты», и даже большинство основных понятий - принципиально не совпадают. И два психотерапевта различных направлений не только не поймут друг друга, но даже не захотят понимать! Так как индивидуальный выбор того или иного метода психотерапии, как профессии и как методологии - это вопрос индивидуальных предпочтений, это вопрос психического склада конкретной личности, ее представлений о себе, межличностных отношениях и мире в целом.

С этой точки зрения, пока мы готовили и продолжаем готовить специалиста, знающего как называются 40 методов психотерапии, и не умеющего реально пользоваться ни одним. В развитие уже использованного примера, это подготовка аналогична подготовке окуло-кардио-проктолога (за 3-5 месяцев). Как представляется сейчас нам было бы целесообразно не спеша начать формировать циклы по конкретным методам и направлениям в психотерапии, а затем - способствовать созданию специализированных (или переориентации действующих) институтов по конкретным направлениям в психотерапии, именно способствовать - потому что сложиться они могут только естественно историческим путем (нельзя кого-то назначить бихевиористом, а кого-то гипнологом - это всегда индивидуальный выбор). Еще более сложной является проблема внедрения института обучающих специалистов и супервизоров.

Я вовсе не призываю сразу ввести европейский стандарт подготовки специалистов. На первом этапе он должен быть гораздо мягче. Может быть, в 3-5 раз мягче.

Но главный вопрос, который стоит сейчас перед каждой национальной ассоциацией: какую модель развития психотерапии избрать – продолжать развивать ту, которая досталась нам в наследство от советской эпохи, и таким образом обречь себя на профессиональную изоляцию внутри пост-советского пространства, или начать создавать реальную систему подготовки и реальные школы психотерапии с учетом сложившихся в мировой практике направлений, принципов и традиций.

Как дело наше отзовется?

В.И.Овчаренко

*Традиции всех предшествующих поколений,
тяготают как кошмар над умами живых.*

К.Маркс

Возрождение и бурное развитие российского психоанализа уже стало существенным благотворным фактором раскрепощения ряда социальных и гуманитарных дисциплин, социальной мысли и общественной жизни.

Всевозрастающее влияние психоаналитических и психоаналитически ориентированных идей, концепций и теорий является предметом законной гордости российского психоаналитического сообщества, но вместе с тем оно может и должно быть предметом профессиональной и гражданской ответственности и озабоченности.

Психоаналитические знания как таковые являются знаниями профессиональными или, во всяком случае, в первую очередь профессиональными. Их популяризация и внедрение в общественное, групповое и индивидуальное сознание, восходящее к деятельности самого З.Фрейда и его многочисленных последователей, являются традиционными на протяжении уже почти сотни лет.

Причём в ряде стран Европы и Америки психоаналитические идеи распространялись преимущественно постепенно и в более-менее подготовленной бытовой культурной среде, которая, в общем, оказалась способна к их адаптации и элиминации значительной части реальных и потенциальных опасностей.

В силу известных модальностей российского бытия, нетривиальные психоаналитические идеи распространялись в современной России в несравненно более высоком темпе и при менее благоприятных обстоятельствах, обусловленных специфической патриархальностью, искусственным массовым ханжеством и угрожающей неустойчивостью социальной, профессиональной, семейной и индивидуальной жизни.

Динамичное распространение комплекса психоаналитических и психоаналитически ориентированных идей и практик в нестабильной социокультурной среде с особой отчётливостью продемонстрировало, что наряду с гениальными прозрениями и мощным гуманистическим зарядом, психоаналитическое учение вместе с тем обладает и большим деструктивным потенциалом, вполне способным оказать весьма существенное разрушительное воздействие на индивидуальном, групповом и общественном уровнях.

К существенным деструктивным компонентам психоаналитического учения могут быть отнесены фаллоцентрические ориентации классического

психоанализа, психоаналитический сексизм и психоаналитические гендерные шаблоны.

Фаллоцентрические ориентации психоанализа (наличие которых ныне не отрицается), в конечном счете, являют собой ничто иное, как специфическую концептуально-методологическую проекцию собственных представлений и предрассудков З.Фрейда, не подкреплённую никакими доказательствами. Одним из наиболее ярких подтверждений именно такой природы данных ориентаций было, например, утверждение З.Фрейда о мужской природе психосексуальной энергии либидо.

В общих чертах, позволительно полагать, что психоаналитический сексизм (являющий собой психоаналитически окрашенную мифологизированную дискриминационную идеологию, утверждающую предопределённость меньших способностей и возможностей женщин и, отчасти, некую ущербность их духовного мира) и психоаналитические гендерные шаблоны (представляющие собой комплекс психоаналитически акцентированных эталонов, содействующих формированию и поддержке неполноценных социальных моделей женщин и доминантных моделей мужчин, определяющих их поведение, положение и роль в общественных институтах) несут определённую угрозу для формирования полноценной половой идентичности и психического здоровья.

Ныне ряд положений классического и современного психоанализа (о «зависти к пенису», «кастрационном комплексе», «комплексе Эдипа» и др.) являются источником и питательной средой для сотворения и массового распространения различных ненаучных и, как правило, откровенно вздорных идей и мифов о некой неполноценности женщин, причем со ссылками на несуществующую «психоаналитическую науку».

Бездумное тиражирование этих идей и мифов в средствах массовой информации уже сейчас представляет определённую опасность не только для нормального формирования и развития отдельных граждан, но и общества в целом.

В силу этого обстоятельства в профессиональном психоаналитическом сообществе было бы не бесполезно вновь обратиться к обсуждению вопросов о подлинном содержании, достоверности, декларированной универсальности и действительном статусе реальных и потенциальных деструктивных компонентов психоанализа, а также различных возможностях уменьшения их негативного воздействия на психику граждан, их ориентации и жизнь.

При этом было бы целесообразно принять во внимание и то, что фаллоцентрические, сексистские и гендерные положения классического психоанализа создавались на основе статистически нерепрезентативных данных, что их содержание конфликтует с верификационными критериями современной науки и что они, в лучшем случае, могут квалифицироваться как рабочие гипотезы, подлежащие соответствующей проверке.

В этой связи желательно усилить корректное психоаналитическое просветительство с соответствующим благоразумным подчеркиванием, что естественные половые различия между женщинами и мужчинами не дают

никаких оснований для рациональных предположений о какой-либо биологической, психической, интеллектуальной, социальной или иной неполноценности или ущербности женщин.

Ортодоксальное восприятие и охранительное отношение ко всем положениям психоаналитического учения являются наихудшей из услуг, которые могут быть оказаны этому учению.

Ответственная психоаналитическая деятельность в её теоретических, прикладных, клинических и просветительских измерениях естественно предполагает постоянную критическую ревизию психоаналитического наследия и развитие его достоверного и доброносного потенциала.